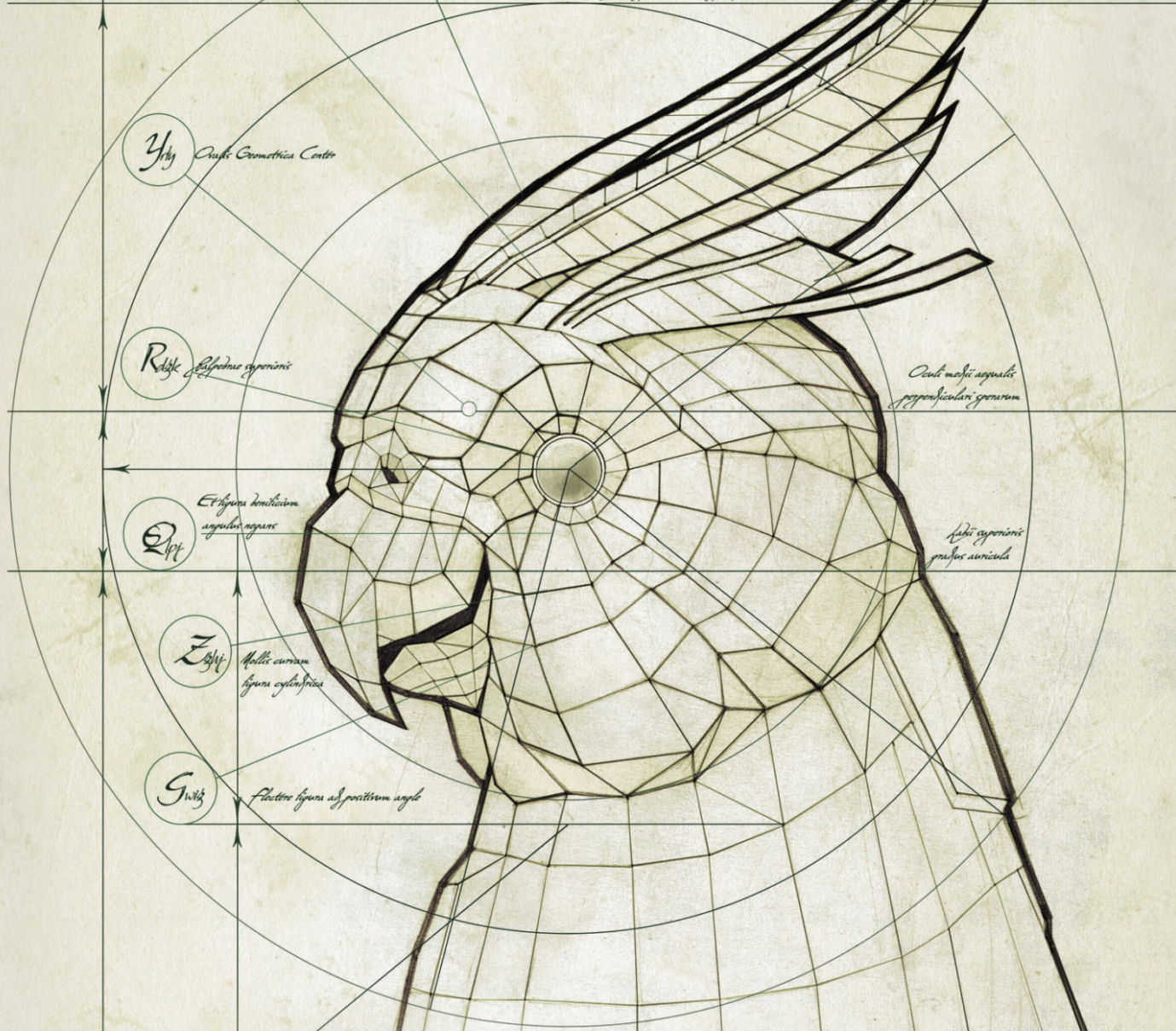

ДЭВИД ФОСТЕР УОЛЛЕС

МЕТЛА СИСТЕМЫ

18+

Великие романы

Дэвид Уоллес

Метла системы

«Издательство АСТ»

1987

УДК 821.111.73
ББК 84(7Сое)

Уоллес Д. Ф.

Метла системы / Д. Ф. Уоллес — «Издательство АСТ»,
1987 — (Великие романы)

ISBN 978-5-17-113314-6

Когда из дома призрения Шейкер-Хайтс при загадочных обстоятельствах исчезают двадцать шесть пожилых пациентов, Линор Бидсман еще не знает, что это первое событие в целой череде невероятных и странных происшествий, которые вскоре потрясут ее жизнь. Среди пропавших была ее прабабушка, некогда знавшая философа Людвига Витгенштейна и всю жизнь пытавшаяся донести до правнучки одну непростую истину: ее мир нереален. Но поиски родственницы – лишь одна из проблем. Психотерапевт Линор с каждым сеансом ведет себя все более пугающе, ее попугай неожиданно обретает дар невероятной говорливости, а вскоре и телевизионную славу, местный магнат вознамерился поглотить весь мир, на работе творится настоящий бардак, а отношения с боссом, кажется, зашли в тупик. И все это начало парадоксального путешествия, которое может привести героиню к подлинной свободе, если только Линор выберется из паутины обстоятельств, напоминающей настоящий заговор. Книга содержит нецензурную брань.

УДК 821.111.73

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-17-113314-6

© Уоллес Д. Ф., 1987

© Издательство АСТ, 1987

Содержание

Часть 1	6
1. 1981	6
2. 1990[15]	18
3. 1990	22
4. 1972	39
5. 1972	42
6. 1990	57
7. 1990	66
8. 1990	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Дэвид Уоллес

Метла системы

David Foster Wallace
The Broom of the System

© David Foster Wallace 1987
© Николай Караев, перевод, 2022
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Проект ¹ посвящается:
Марку Эндрю Костелло
и Сьюзен Джейн Перкинс
и Эми Элизабет Уоллес

Благодарности

Автор благодарит за помощь нижеперечисленных:
Роберт Босуэлл
Джеральд Говард
Уильям Кенник
Бонни Наделл
Эндрю Паркер
Дэйл Петерсон
Попечительский совет Амхёрстского колледжа

¹ Первый вариант романа «Метла системы» был дипломной работой, которую Дэвид Фостер Уоллес написал, учась в Амхёрстском колледже. (Здесь и далее примечания переводчика.)

Часть 1

1. 1981

Обычно у реально обалденных девчонок обалденно страшные ступни, вот и у Минди Металман такие, замечает Линор ни с того ни с сего. Длинные, тонкие, кривопалые, с желтыми пуговичками мозолей на мизинцах и толстым мозолистым уступом над пяткой, и длинные черные волосины выются на подъемах стоп, и красный лак на ногтях трескается, кудряво шелушится и расслаивается от старости. Линор замечает это лишь потому, что Минди на стуле у холодильника наклонилась и отковыривает лак с ногтей; халат чуть распахнут, видна ложбинка и остальное, куда больше, чем у Линор, и толстое белое полотенце, которым Минди обернула мокрую, вымытую шампунем голову, развернулось, и прядка темных блестящих волос выскользнула из расселины в складках, и застенчиво курчавится вдоль щеки, и свисает ниже подбородка. В комнате пахнет вроде как шампунем «Флекс», и еще травкой, потому что Клариса и Сью Шо курят большое толстое шмалево, которое Линор купила у Эда Сливкера в школе Шейкер-Хайтс и приволокла со всякой всячиной сюда, Кларисе, в этот самый колледж.

Происходит вот что: Линор Бидсман, пятнадцати лет, только что явилась аж из дома в Шейкер-Хайтс, штат Огайо, подле Кливленда, навестить старшую сестру, Кларису Бидсман, первокурсницу женского колледжа Маунт-Холиоук; и Линор со своим спальником остается в этой самой комнате на втором этаже Галдеж-Холла, которую Клариса делит с соседками Минди Металман и Сью Шо. Еще Линор пришла, чтобы типа глянуть на колледж, ну, чуток. Потому что, хотя ей всего-то пятнадцать, она, предположительно, весьма умна и оттого развита не по годам, и в школе Шейкер-Хайтс ей осталось учиться год с небольшим, и она уже думает, в какой бы колледж поступать в следующем году. То есть она в гостях. Прямо сейчас – вечер пятницы, март месяц.

Сью Шо, даже близко не такая обалденная, как Минди и Клариса, несет косяк Минди и Линор, и Минди берет его, на секунду оставив палец ноги в покое, и реально всасывает шмалево, и шмалево раскаляется, и громко лопается семечко, и кусочки пепла летают и дрейфуют, что кажется Кларисе и Сью зверски смешным, и они реально хохочут, улюлюкают и хватаются друг за дружку, и Минди вдыхает реально глубоко, и задерживает дым, и передает шмалево Линор, но Линор говорит, нет, спасибо.

– Нет, спасибо, – говорит Линор.

– Давай, сама принесла, чего ты... – квакает Минди Металман, разговаривая так, как разговаривают не дыша, чтобы задержать дым.

– Я знаю, но в школе беговой сезон, а я в команде и во время бегового сезона не курю, не могу, тошнит, – говорит Линор.

Тогда Минди хмыкает, и наконец выдыхает клуб сизого отработанного дыма, и отрывисто, сильно кашляет, и встает с шмалевом в руке, и несет его через комнату Кларисе и Сью Шо, которые сидят у большой деревянной стереоколонки, слушая эту песню, опять, Кэта Стивенса ², в десятый, наверное, раз. Халат Минди более-менее распахнут, и Линор видит кое-что обалденно изумительное, но Минди-то просто идет через комнату. На этом этапе Линор делит всех знакомых девчонок на девчонок, на деле считающих себя обалденными, и девчонок, которые на деле считают, что они реально не такие. Девчонкам, считающим себя обалденными, в общем, плевать на то, что халат распахнулся, и они умеют краситься, и любят ходить,

² *Кэт Стивенс* (Стивен Деметр Георгиу, род. 1948, с 1978 года Юсуф Ислам) – британский певец.

когда кто-то смотрит, и преображаются, завидев парней; а девчонки типа Линор, которые не считают себя обалденными, обычно не красятся, и еще бегают, и носят черные конверсы, и всегда завязывают пояс халата как следует. Минди, конечно, обалденная, ну, кроме ступней.

Песня Кэта Стивенса опять кончается, и игла сама отрывается от винила, и, видимо, всей этой троице лениво вставать и переводить иглу, все расселись на твердых деревянных конторских стульях – Минди в выцветшем розовом махровом халате, высунув лоснящуюся гладкую ногу, совсем голую; Клариса в дезертах, темно-синих джинсах, которые Линор называет «обувные ложки», и белой ковбойской рубашке, той самой, в которой была на ярмарке штата, когда у нее сперли кошелек, и белые кудри стекают по рубашке, и голубые глаза такие голубые; Сью Шо, рыжая, в зеленом свитере, в юбке из зеленой шотландки, с толстыми белыми ногами, с ярко-красным прыщиком аккуратно над коленом, ноги одна на другой, дрыгает ступней в мокасине с тошнотной белой подошвой – Линор от таких туфель воротит.

Клариса, помолчав чуток, протяжно вздыхает и говорит шепотом:

– Кэт... это... Бог, – с кратким смешком в конце. Ее соседки тоже хихикают.

– Бог? Как Кэт может быть Богом? Кэт *существует*. – Глаза Минди жутко красные.

– Это оскорбительно и совершенно кошунственно, – говорит Сью Шо, глаза выпучены, налились и негодуют.

– *Кошунственно?* – Клариса помирает от смеха, глядит на Линор. – *Кошунственно*, – говорит она. У нее глаза получше, реально, только необычно светятся, будто она вспомнила анекдот, но рассказывать не собирается.

– Кошмарственно, – говорит Минди.

– Клошарственно.

– Кошакственно.

– Кларккентственно.

– Купорос.

– Купоросеноксхреном.

– Калибан.

– Крошка Пибблс.³

– Кошей Бессмертный.

– Коммуняка.

– *Кошунственно!*

Они помирают, сгибаются пополам, и Линор смеется тем стремным симпатическим смехом, которым смеешься, когда все вокруг смеются, да так лихо, что ты смеешься тоже. Шум разудалой вечеринки этажом ниже проникает сквозь пол, вибрирует в черных кедах Линор и подлокотниках. Тут Минди, вся обмякшая, соскальзывает с конторского стула и шлёмпает на спальник Линор, на пол, рядом с Кларисиным квазиперсидским ковриком из универмага Маврадяна в Кливленде, и застенчиво прикрывает промежность краешком халата, но Линор все равно не может развидеть, как сиськи Минди колышутся в поношенной розовой вафельной ткани, налившиеся и так далее, даже когда Минди лежит на спине на полу. Линор машинально косится на собственную грудь под фланелевой блузкой.

– Голод, – говорит Сью Шо через минуту. – Зверский, мучительный, неумный, всепоглощающий, неумный *голод*.

– Всё так, – говорит Минди.

– Мы подождем... – Клариса глядит на часы на тыльной стороне запястья, – один, ровно *один час* прежде, чем съесть ващечтоугодно.

– Нет, для нас это, возможно, *невозможно*.

³ Персонаж анимационного ситкома «Флинтстоуны» (The Flintstones, 1960–1966) студии «Ханна-Барбера» о жизни людей каменного века.

– Но иначе нельзя. В меньше чем недельной давности комнатных дискуссиях мы недвусмысленно согласились, что не станем жрать, когда припрет вконец, ибо иначе сделаемся жирными и противными, как Минди, где она там, бедная букашечка.

– Пердячья ты ромашка, – говорит Минди рассеянно, она не жирная и это знает, Линор это знает, все они это знают.

– Дама в любых обстоятельствах, ох уж эта Металман, – говорит Клариса. Потом, через минуту: – К слову говоря, ты могла бы, возможно, либо зашить халат, либо одеться, либо перестать валяться в Линориных вещах, я реально не рвусь устраивать тебе гинекологический досмотр, к которому ты нас тут типа склоняешь, о Лесбия Фивейская.

– Бель и берда, – говорит Минди, или, скорее: – Бель и перда, – и встает, вихляясь и ища твердых предметов, и идет к двери, что ведет в ее спальню рядом с ванной. В сентябре, въехав первой, она прибрала к рукам спальню, сообщила Клариса в письме, эта вот еврейско-плейбойская припевочка из Скарсдейла ⁴, и Минди сбрасывает остатки халата, измятые до опупения, бросает мокрые остатки на колени Линор, сидящей на стуле у двери, и выходит из комнаты на длинных ногах, преувеличенно топая. Хлопает дверью.

Минди ушла, а Клариса всё смотрит вслед, и чуток трясет головой, и переводит взгляд на Линор, и улыбается. Этажом ниже смеются и еще танцуют, будто стадо крупного рогатого скота. Линор обожает танцевать.

Сью Шо делает большой шумный глоток воды из большого пластмассового стакана с Джетсонами ⁵, стоящего на ее столе у входной двери.

– К слову говоря, этим утром ты же не наткнулась каким-то чудом на Сплиттстюссер? – говорит она.

– На-а, – говорит Клариса.

– Она была с Проктор.

– И?

– В семь утра? Обе в исподнем, заспанные, глазки масляные, выходят из ее комнаты, вместе? Держась за ручки?

– Хм-м-м.

– Да если б мне кто сказал, что эта *Сплиттстюссер*...

– Я думала, она помолвлена с парнем.

– Она да.

Обе ржут как кони.

– Оу-у-у.

– Кто такая Сплиттстюссер? – спрашивает Линор.

– Нэнси Сплиттстюссер, обедали вместе? Та девица в красном, с острым декольте и сережками в форме кулачков?

– А. И что с ней?

Клариса и Сью переглядываются, снова ржут. Возвращается Минди Металман – в шортах и спортивной фуфайке наизнанку, с обрезанными рукавами. Линор смотрит на нее и улыбается в пол.

– Что? – Минди сразу чует неладное.

– Сплиттстюссер и Проктор, – провозглашает Сью.

– Как раз хотела тебя *спросить*. – Глаза Минди округляются. – Это они были в ванной сегодня утром? Вместе в *душевой*?

⁴ Город и деревня в округе Уэстчестер штата Нью-Йорк.

⁵ Герои анимационного ситкома «Джетсоны» (The Jetsons, 1962–1963, 1985–1987) студии Hanna Barbera о жизни людей космического века.

– О нет! – Сью вот-вот помрет, Минди ржет тоже, этим стрёмным симпатическим смехом, глядя на остальных.

– Они, э, теперь вместе? Я думала, Нэнси помолвлена.

– Она... и помолвлена, – Клариса пробивает на смех и Линор.

– Божен Исусыч.

Чуть погода все успокаивается. Сью басовито напевает тему из «Сумеречной зоны».

– Кто... падет следующей?..

– Даже не совсем понимаю, о чем вы, девчонки, э... – спрашивает Линор, оглядываясь.

И Клариса рассказывает Линор всю эту бодягу о том, что Пэт Проктор – коблуха, и кто такие коблухи, и что множество девушек обалденно сдруживаются здесь, в женском-то колледже.

– Шутишь.

– Нет.

– Это так ужасно пошло. – И Минди со Сью опять хохочут. Линор на них смотрит. – Слушайте, ну разве вас всякое такое не вымораживает? В смысле, я...

– Слушь, это часть жизни и так далее, то, что люди хотят делать, более-менее их личное... – Клариса ставит иглу на ту же дорожку.

Где-то полпесни все молчат. Минди прилипла к пальцам ног, опять, на двухъярусной койке.

– Дело в том, что, не знаю, сказать или нет, – говорит Сью Шо, оглядываясь на Кларису, – на Нэнси Сплиттстюссер типа напали накануне Благодарения, на дорожке у Приблуд-Хауса, и я думаю, что она...

– Напали? – говорит Линор.

– Ну, изнасиловали наверняка.

– Ясно. – Линор глядит мимо Сью на плакат над столом Кларисы: реально мускулистый тип, без рубашки, снят со спины, напряг все мышцы, спина блестит и по-всякому бугрится. Плакат старенький, углы у него рваные, в клейкой ленте; раньше он висел в Кларисиной комнате дома и отцу не нравился; свет с высокого потолка бросает на затылок типа яркое пятно, голова тонет в белом.

– Я думаю, она типа поехала, – говорит Сью.

– Прямо загадка века, – говорит Линор тихо. – Изнасиловали. Она теперь из-за этого просто не любит мужиков, или?..

– Слушь, я думаю, все не так просто, Линор. – Клариса, закрыв глаза, теребит пуговицу на рубашке. Позади нее отдушина, Клариса откинулась на спинку стула, волосы распущены, вдоль щек веет желтый ветерок. – Наверное, можно сказать только, что она обалденно запуталась и временно поехала, как думшь?

– Я б сказала, да.

– Линор, ты девственница? – Это Минди с нижнего яруса койки Сью, общипанные шелушащиеся ступни задраны, пальцы ног цепляются за пружины с обратной стороны Кларисиного матраца.

– Сучка, – говорит Клариса Минди.

– Я просто *спрашиваю*, – говорит Минди. – Линор же не циклится на том, что...

– Да, я девственница, в смысле, у меня никогда не было, ну, сексуального контакта, ни с кем, – говорит Линор, улыбаясь Кларисе, мол, всё лады, реально. – Минди, а ты девственница?

Минди ржет:

– Еще какая.

Сью Шо прыскает в свою воду.

– Минди блюдет себя ради единственного пехотного батальона. – Клариса и Линор смеются.

– Пошли в ухо, – говорит Минди Металман беззлобно, она вся расслаблена, почти дремлет. Ноги у нее совсем кривые, мышцы едва проглядывают, а кожа гладкая, почти светится, потому что дома Минди недавно «отпарафинилась», сказала она Линор, что бы это ни значило.

– Часто такое тут?

– Что часто?

– Изнасилования, нападения и все такое?

Клариса и Сью отводят глаза, само спокойствие.

– Бывает, может случиться, кто знает, сложно сказать, потому что все скрывают, или не сообщают, или что-то еще, чаще всего колледж не горит желанием...

– Ну – сколько случаев, о которых ты в курсе?

– Фиг зна. В общем, кажется, я знаю женщин десять, или типа того...

– Десять?

– ...

– Скольких женщин ты здесь вообще знаешь, а?

– Линор, ну я не знаю, – говорит Клариса. – Просто всё не... просто нужен здравый смысл, только, реально. Если быть осторожной, ну и не шастать ночью где попало...

– С охраной тут всё прекрасно, реально, – говорит Сью Шо. – Ночью, если тебе далеко, подвезут почти куда угодно в кампусе, и раз в час от библиотеки и от лабораторий сюда, к хвостовым общагам, ходит шаттл с вооруженным охранником, довезет тебя прямо до...

– С вооруженным охранником?

– Попадаются обалденные красавчики. – Клариса подмигивает Линор.

– Клариса, на Рождество ты мне ни о чем таком не рассказывала. Вооруженная охрана и все такое. Тебя это не пугает? В смысле, дома ты...

– Не думаю, что в других местах сильно по-другому, Линор, – говорит Клариса. – Вот не думаю. Ты привыкнешь. Просто нужен здравый смысл.

– Но все-таки.

– С вечеринкой, конечно, проблема, – говорит Минди Металман с койки, явно меняя тему разговора. Этажом ниже по-прежнему страшно шумно.

Происходит вот что: общага закатила реально большую вечеринку, здесь, этим вечером, этажом ниже, с крутым бэндом «Спиро Агню⁶ и Гонка Пищеварений», и танцами, и мужиками, и пивом, по пропускам. Это всё реально чумово и кайфово, и Линор, когда обедала этажом ниже, наблюдала, как устанавливают пластмассовые пальмы и развешивают цветочные гирлянды, а на некоторых девчонках были пластмассовые травяные юбки, потому что вечеринку закатили тематическую, на тему Гавайев: название, выведенное помадой на большом бумажном плакате перед Галдеж-Холлом, извещает, что это вечеринка «Смелейяклеямлейя», что, решила Линор, реально классно и кайфово, и всем будут выдавать леи⁷, ха, всем мужикам, которые явятся из других колледжей и войдут по пропускам. У них там в комнате горы этих леев, Линор видела их после обеда.

– Есть такое, – говорит Клариса.

– Итак.

– Не я, – говорит Сью Шо. – Токанея, больше ни в жисть, я сказала и я отрезала. Па муа.⁸

Клариса смеется и тянется к стакану с Джетсонами.

⁶ *Спиро Теодор Агню* (Спирос Анагностопулос, 1918–1996) – американский политик-республиканец, вице-президент США (1969–1973).

⁷ *Леи* – гавайское цветочное ожерелье.

⁸ *Pas moi* (фр.) – не я.

– Проблема, однако, – говорит Минди с койки, фуфайка скользит с плеча и вот-вот упадет, судя по впечатлению, – проблема в том факте, что внизу... есть еда, еда внизу, в столовой, рассеянная под раскидистыми лапами пластмассовых пальм, и вложились в нее мы все.

– Это верно, – вздыхает Клариса, тыча в «Повтор» стерео. У нее такие голубые глаза, что Линор они кажутся жаркими.

– А все, что есть у нас, – донельзя изысканное пюре в холодильнике, – говорит Минди, и это правда, всего-то чистая пластмассовая посудка, набитая соленым пластилиновым картофельным галдеж-пюре, всё, что они сумели умыкнуть за обедом, глядя, как с кухни исчезают печенки, потом хлеб...

– Но вы, девчонки, сказали, что вниз ни за что не пойдете, – говорит Линор. – Помните, вы мне все уши прожужжали, какие они пошлые, эти вечеринки, тусовки, они как мясная лавка и как легко засасывают, «типа как бы», говорили вы, и что надо избегать этой дряни любой ценой, и что мне нельзя, ну... – Она обводит их взглядом, она хочет спуститься, она обожает танцевать, на ней убойное новое платье, прикупленное в «Темпо» в Восточном Коринфе всего за...

– Она хочет пойти, Клариса, – говорит Минди, перебрасывает ноги через край койки и резко оказывается в сидячем положении, – а она наша гостья, и нужно учесть фактор «Дорито»⁹, и если мы заскочим на шесть быстрых минуток...

– Ну понятно. – Клариса глядит из-под отяжелевших век на Линор, видит, как та рвется в бой, поневоле улыбается. Сью Шо сидит спиной за своим столом, ее зад, реально обалденно толстый и широкий, свисает с краев стула, видит Линор.

Клариса вздыхает.

– Дело в том, Линор, ты просто не знаешь. Эти вечеринки – жутко утомительные, неприятные, мы ходили весь первый семестр, от них начинает буквально выворачивать, через какое-то время физически заболеваешь, девяносто девять целых девять десятых процента мужиков – просто *ящерицы*, *рептилии*, и ужасно быстро становится ясно, что ничего там нет, кроме унылого ритуала, обряда, и бог знает кто хочет, чтобы мы этот обряд разыгрывали, снова и снова. Даже поговорить толком никак. Реально омерзительно. – И она пьет воду из стакана с Джетсонами. Сью Шо кивает столу.

– Я скажу, что мы сделаем. – Минди Металман прыгает на пол, хлопает в ладоши. – Линор идет и облачается в то *сумасшедшее* фиолетовое платье, я видела, ты его вешала в шкаф, а мы втроем остаемся, мигом докуриваем косяк, а потом все быстренько сбегает вниз, Линор проходит краткий курс гуманитарного образования и танцует танец или два, пока мы крадем в районе семи *тонн* еды, а потом обратно, Дэвид Леттерман¹⁰ начнется меньше чем через час.

– Нет, – говорит Сью Шо.

– Ну оставайся тут, дорогой сосок, мы это переживем, если уж из-за полудрянной вечеринки ты ховаешься, как...

– Ладно, слушайте, пошли и всё тут, – Клариса менее чем воодушевлена. Все переглядываются. Линор получает кивок от Кларисы, вскакивает, мчится в прилегающую спальню Минди надевать платье, а Клариса очень серьезно и свирепо глядит на Минди, а та подает малозаметные сигналы «да пошла ты» Сью Шо в углу.

Линор чистит зубы в ванне, пропахшей Металман и Шо, умывает лицо, вытирается полотенцем с пола, капает визин¹¹, находит какую-то яркую помаду с влажным блеском, собственность Минди, в старой коробке с тампаксами на туалете, берет помаду, роняет коробку с

⁹ *Doritos* – торговая марка ароматизированных чипсов из кукурузной муки.

¹⁰ *Дэвид Майкл Леттерман* (род. 1947) – популярный телеведущий. Возможно, анахронизм: прославившее его «Позднее шоу с Дэвидом Леттерманом» выходило в эфир с 1982 года, а в 1980 году он короткое время вел утреннее «Шоу Дэвида Леттермана».

¹¹ *Визин* – торговая марка глазных капель.

тампаками, пудреница падает в туалет, Линор ее выуживает, вода на блузке, рукав намок, Линор снимает блузку и идет в Миндину спальню. Ей нужен лифчик, потому что ткань платья реально тонкая, фиолетовый хлопок, чертовски обалденный с ее каштановыми волосами, к счастью, чистыми, и чуток помады, Линор выглядит на восемнадцать, ну почти, ее лифчик на дне сумки, стоящей на койке Минди. Линор роется в сумке. Комната Минди реально хлев, всюду одежда, велотренажер, большой плакат с Джеймсом Дином на этой стороне двери, еще Ричард Гир, ах ну разумеется, фото какого-то малоизвестного парня на паруснике, обложки журнала «Роллинг стоун», плакат с концерта «Джорни»¹², супервысоченный потолок, как в других комнатах, еще яркое одеяльце – прикреплено одной стороной к потолку, другой к стене и провисло: конфетный парус в штить. На комод – пластмассовая штукovina, и Линор в курсе, что это Таблетница, для Таблетки, потому что у Кларисы такая же, и еще у Карен Доуэнбоу, более-менее лучшей подруги Линор в школе Шейкер-Хайтс. Вот лифчик, Линор его надевает. Платье. Расчесывает волосы длинной красной расческой, из той торчат черные волосы, и она пахнет «Флексом».

Йииик. В большой комнате внезапно вырубается Кэт Стивенс. Громко стучат во входную дверь, слышит Линор. Она возвращается к остальным с белыми туфлями-лодочками в руке, и Сью Шо идет открывать, а Минди пытается развеять дым конвертом от пластинки. В коридоре два парня, заполняют дверной проем, ухмыляются: похожие синие блейзеры, галстуки из шотландки, чиносы и эти мокасины. Кроме парней – никого.

– Снова-здорово, мэ, – говорит один, огромный, высокий, из тех, что уже весной ходят загорелые, с пышной светлой шевелюрой, лепным торсом, ямочкой на подбородке, ярко-зелеными глазами. – Не обитает ли здесь каким-нить чудом Мелинда Сью Металман?

– Как же вы сюда добрались? – спрашивает Сью Шо. – Наверх без эскорта никого не пускают.

Парень сияет.

– Рад знакомству. Энди Ланг, он же Встанг-Шланг; мой коллега, Нафф Дихеранс. – И он не слишком изящно распахивает дверь огромной рукой, и Сью немного отступает на каблуках, и двое просто берут и входят, ни с того ни с сего, Встанг-Шланг и Нафф. Нафф короче Ланга и еще шире, прямоугольное существо. У обоих стаканчики «Смелейяклеямлейя» с пивом в руках. Они, несомненно, чуть стесняются. Нафф особенно: челюсть отвисла, и глаза матовые, и щеки пунцовые, в горячих пятнах.

Ланг Встанг-Шланг наконец говорит Сью, глядя на Кларису:

– Ну, я просто боюсь, что охранники у вас тут обалденно доверчивые, птушта я им сказал, что я отец Мустафа Металман, троюродный брат мисс Металман и ее же духовенный наставник, а потом духовенно наставил их как следует, и они типа... – Он умолкает, оглядывается и присвистывает. – Ничоси угарная комната. Нафф, ты видал в общаге такие *высокенные* потолки?

Линор садится на свой стул у двери в Миндину комнату, босая, и наблюдает. Минди подтягивает фуфайку. Клариса и Сью в упор глядят на двух мужиков, положив ногу на ногу.

– Я Минди Металман, – говорит Металман. Парни не отвлекаются на нее даже на миг, они всё осматривают комнату, потом высокий глядит на Минди и, уставясь на нее, толкает Наффа локтем.

– Привет, Минди, я Ланг Встанг-Шланг, одесную Нафф Дихеранс, вот, – он жестикулирует, вылупившись на Минди по полной. Подходит и жмет ей руку, Минди типа жмет руку ему, оглядывает остальных.

¹² Джеймс Дин (1931–1955), Ричард Гир (род. 1949) – актеры. Rolling Stone – музыкальный журнал. Journey – рок-группа, сформированная в 1973 году.

– Я вас знаю?

Встанг-Шланг лыбится.

– Ну, сейчас, как ни прискорбно, я должен сказать «нет», но вы, если я вконец не ошибся, знаете ведь Билла Блуднера, из Амхёрстского колледжа? Он мой сокомнатник, или, скорее, наш с Наффом сокомнатник? И когда мы сказали, что двинем сюда, на вечеринку «Кому-Налейя», Блудюнчик просто сказал: «Встангер», – сказал он, он сказал: «Встангер, Мелинда Металман живет в Галдеж-Холле, и я реально буду вечно по гроб жизни тебе обязан, если ты передашь привет, ей, от меня», – и вот он я...

– Билл Блуднер? – У Минди глаза безумные, видит Линор, ну, или типа того. – Слушайте, я вот *знаю* не знаю никакого Билла Блуднера из Амхёрста, я думаю, вы всё напутали, и не лучше ли вам спуститься обра...

– Да знаете вы Билла, Билл – улетный пацан, – делается слышен вышеупомянутый Нафф, короткий и широкий, влажные денимные глаза – как матовые бусины из-за вечеринки, на подбородке пробивается куца светлая бородёнкообразность, смахивает на подмышку, думает Линор. Голос Наффа низок и вполне располагающе раскатист. Ланг говорит тихо, гладко и красиво, хотя то и дело обретает и теряет какой-то говор. Он говорит:

– Мэм, я точнее некуда знаю, что вы встречались с Биллом Блуднером, ибо он мне о вас рассказывал, в подробностях. – Его бутылочно-зеленый взгляд падает на Линор. – То было на вечеринке в Бедро-Холле, сразу после рождественских каникул, зимний семестр, все дела? Вы стояли, разговаривали с одним таким парнем, оба друг на дружку уже и западать начали, да только тут парень, как на грех, чутка подзанемог и слегонца блеванул в вашу сумочку? *Это и был* Билл Блуднер. – Ланг победоносно лыбится. Нафф Дихеранс гогочуще гогочет, его плечи параллельно ходят ходуном вверх-вниз. Ланг продолжает: – И он сказал, что ему реально неловко, и не мог бы он оплатить чистку вашей сумочки? Ну а вы сказали, нет, и были сама... умопомрачительная любезность, и когда вы спасали из вашей сумочки аксессуары, намеренно уронили тот клочок бумажки с именем, почтовым ящиком, телефоном и прочим, ну, счет за телефон? Билл поднял фигнюшку, вот так-то вы и повстречались, – лыбится, кивает.

– Так это *тот* парень? – говорит Минди. – Он сказал, я намеренно оставила свое имя? Врет как дышит. Это было наотмашь отвратительно. Сумочку пришлось выкинуть. Он, я помню, он подошел ко мне, – в сторону Кларисы и Сью, – цапнул низ свитера и сказал, что зацепился за свитер заусенцем и не может вырваться, заусенец застрял, ха-ха, и так *два часа*, пока его на меня не вырвало. – Встангу-Шлангу она говорит: – У него крышу снесло с концами. Нажрался так, что буквально пускал слюну. Как сейчас помню: слюна текла изо рта.

– Ну слушайте, Мелинда, всяко вы в курсе, что мы все время от времени что-то такое проделываем. – Ланг пихает Наффа Дихеранса, тот практически падает на Сью Шо, та взвизгивает и пятится к двери, скрестив руки на груди.

– Слушайте, я думаю, вам лучше уйти, – говорит Клариса, заслоня Линор. – Мы все реально устали, а вас тут наверху реально не должно быть без...

– Но, слушайте, мы только пришли, реально, – лыбится Ланг Встанг-Шланг. Опять осматривается. – Не мог бы я попросить вас, о дамы, раздобыться баночкой пива, если вдруг, не манли бы вы?.. – и тыкает пальцем в крошечный холодильничек Сью возле коек. А потом плюхается на деревянный комплектный стул Сью у двери, у колонки. Нафф так и стоит рядом со Сью, лицом к Кларисе и Линор. Сью глядит на Кларису, Минди на Наффа, тот желтушно лыбится, Ланг Встанг-Шланг глядит на Линор, та на стуле у Миндиной двери сидит и смотрит. Линор в обалденном фиолетовом платье, чуть напомаженная и с босыми ногами, чувствует себя дура душой, думает, что делать с туфлями, а если швырнуть туфлей в Ланга, у нее каблук острый, полиция уже в пути?

– Слушайте, пива нет, а если б и было, это грубость, парни, с вашей стороны, заваливаться без приглашения и просить у нас пива, и я *не знаю* Билла Блуднера, и я думаю, мы были бы реально признательны, если бы вы свалили.

– Уверен, этажом ниже имеется пиво на любой ваш вкус, – говорит Клариса.

Нафф Дихеранс раздражается мощной отрыжкой, почти невероятной протяженности, он явно профессионал этого дела, затем вновь отхлебывает из стаканчика «Смелейяклеямлейя». Линор непроизвольно бормочет, что так вот рыгать просто омерзительно; все на нее смотрят. Ланг расплывается в улыбке:

– Ну приветтики. Как *тебя* зовут?

– Линор Бидсман, – говорит Линор.

– Откель вы, Линор?

– Линор – моя сестра, – говорит Клариса, направляясь к двери и глядя на Наффа Дихеранса. – Ей пятнадцать, она у нас в гостях, мы ее пригласили, реально в отличие, боюсь, от вас, так что если вы позволите мне на секундочку, ну-ка...

Нафф Дихеранс переступает как танцовщик, с эффектным махом ноги, и загораживает дверь телом.

– Хм-м-м, – говорит Клариса. Глядит на Минди Металман. Минди идет к Линор, берет мокрый халат со спинки стула, надевает его поверх фуфайки без рукавов. Ланг тепло лыбится. Нафф секунду глядит на Минди, вдруг разворачивается к двери и начинает биться о нее головой, опять и опять, реально сильно. Ланг Встанг-Шланг ржет. Стук головы о дверь вполне заглушается шумом вечеринки и вообще, впрочем, музыка вдруг стала куда громче, видно, в одиннадцать открыли двери столовой.

– С Наффом такое дело, – Ланг Встанг-Шланг перекрикивает биение головы, обращаясь к Кларисе и Минди Металман, – пиво не идет ему на пользу, он, как выяснилось, почему-то физически не способен... эм-м... опорожнить желудок в минуту кризиса. Как грится. Не может и всё, скока б ни пил, а он часто пьет больше, чем позволяют законы природы. Это опасно, да, Наффчик? – кричит Встанг-Шланг бьющемуся Наффу. – И вместо блёва наш здоровяк обретает себя через...

– ...Вколачивание головы в стену, – заканчивает за него Клариса, улыбаясь одними губами, явно вспоминая Сливкера, Джераламо и компанию, Линор это видит. Ланг кивает Кларисе, взаимно ухмыляясь. Нафф наконец прекращает и разворачивается обратно, прислоняется спиной к двери, блистая, лоб красный, глаза чуть скошены. Мышцы на мощной шее вздулись. Он зажмуривается, откидывает голову и дышит тяжело.

– Слушайте, если б мы могли просто остаться, отдохнуть, отдышаться, на пару секунд, перед второй половиной большого луау¹³, этажом ниже, мы были бы вам более чем обязаны, – говорит Ланг. – И я передам старику Биллу скверную и, по всему судя, нищасную весть о том, как же вы его не помните, Мелинда Сью. Ему будет больно, это я вам скажу здесь и сейчас, заранее. Он человек робкий, чуйствительный.

– У вас там в Амхёрсте это, кажись, недуг, – говорит Клариса. Линор ей улыбается.

В это самое время Минди перешла к пепельнице в поисках трупа косяка. Линор понимает, что Минди решила: ее не запугаешь, не на ту напали. Ноги Минди блестят из-под халата прямо у лица Ланга Встанга-Шланга, тот всё сидит на стуле, носом едва не тычется ей в талию. Косится на свои мокасины, с белыми подошвами, почти робеет, Минди заставляет его робеть, видит Линор. Минди воскрешает косяк большой пластмассовой зажигалкой с надписью «Сотворив мужчину, Бог просто пошутила». Минди замирает, осматривает зажигалку. Та сверкает, Минди забирает ее с собой в постель Сью Шо, садится, глядит на Ланга с края

¹³ Луау – традиционная гавайская вечеринка.

постели. Комната затихла, не считая шума вечеринки под полом. Минди сосредоточивается на шамале, замирает опять, глядит на Ланга и протягивает ему косяк.

– Ну не сама ли вы доброта, – говорит Ланг мягко. Вежливую чуточку пыхает, улыбается Минди.

– Так, а вы, парни, *кто такие?* – спрашивает Минди. Клариса и Сью глядят на нее сурово. Ланг замирает и широко лыбится, его застали врасплох. Он протягивает руку.

– Лично я есмь Эндрю Земновондер Ланг Встанг-Шланг, выпуск восемьдесят третьего года, из Муди-Понта, Техас, ныне обретаюсь в братстве Пси-Хи-ббб, Амхёрстский колледж, Массачусетс, Эс-Шэ-А.

– Второй курс.

– Ответ утвердительный. Как и Бернард Вернер, он же Нафф, Дихеранс из Шиллингтона, Пенсильвания. – Пауза, весьма на сносях. Ланг устремляет взор на Наффа, тот, кажись, так и уснул у двери.

– Мы вообще, сообщу вам, дамы, доверительно, посланы чужой волей, – Встанг-Шланг подается эдак заговорщически к Минди и Линор. – Мы вообще посланы, дабы снискать наше священство.

– Вот жопа, – говорит Клариса, скрестив руки и опираясь о стену. Нафф Дихеранс уже подает признаки жизни: открыто поглаживает волосы Сью Шо хот-догом пальца и подмигивает сверху вниз, цыкая уголком рта; Сью скулит и готова плакать.

– Посвящение? – переспрашивает Минди.

– Ответ утвердительный. Высший Демииург и Пу-Ба ¹⁴ ордена братской братии братьев Пси-Хи лично послал нас в, – рыгает, – типа поход, могли бы вы сказать. Мы пребываем в поисках личного знака отличия.

– Знака отличия.

– Авто... графы, – гогочет Нафф и слегонца поддает затылком по стенке, для выразительности.

– Автографы?

– Нам надо, чтоб вы, деушки, подписали наши зады, – говорит Нафф, добираясь до сути, лыбясь с высоты Сью Шо.

– Подписали ваши зады? – говорит Минди Металман.

– Ответ, к нищастью, утвердительный, – говорит Ланг, слепя Линор яркозубейшей улыбкой. – От нас требуется, – выуживает из кармана блейзера бумажку, зачитывает от и до, – от нас требуиццо обеспечить подписи не менее *пяти* самых-самых красоток колледжа Маунт-Холиоок перед завтрашним рассветом. Мы, ясно, понемаим, что можем подписать друг дружку, но это лишь одна подпись на душу. – Многозначительно глядит на каждую из девчонок, вяло подмигивает Линор. – Тоисть нам нужно, согласно моим выкладкам, еще четыре.

Линор замечает, что Сью Шо сидит не шевелясь и глядит на свои кожаные мокасины с белыми подошвами. Руки Наффа – в ярко-рыжих волосах Сью.

– Погодите-ка, – говорит Клариса. – Вы говорите, мы должны подписать ваши зады?

– Пожалуйста.

– *Голье?*

– Ну, определенно, в этом весь и...

– Хвать-цеплять-христова-мать, ну и выдержка, – говорит Клариса в изумлении, уставясь на Ланга. – И вам, умнички, в головенки не пришло, что мы можем сказать «нет»? Я говорю «нет».

¹⁴ Великий Пу-Ба – японский чиновник, персонаж комической оперы «Микадо» (1885) Уильяма Гилберта и Артура Салливана.

– Стопроцентно ваша прерогатива, – отвечает Ланг Встанг-Шланг. – Размеиццо, мы, со всем прискорбием, вынужденно не уйдем, пока вы не соблаговолите. – Его рука теперь почти на Миндиной голой ноге, замечает Линор. Ее познабливает. Клариса внезапно дергается к двери, Нафф заграждает дверную ручку, Клариса замирает, Нафф снова бьется затылком об стену, подчеркивая общее положение вещей.

Клариса замирает, на миг ее распирает злость, и она реально не может вообще ничего, ни сказать, ни сделать.

– Глянцевая сволота, – наконец выплескивает она. – Вы. Из Амхёрста, из Уни-Масса, все вы одинаковые. Просто потому, что вы больше, физически занимаете больше места, думаете – вы *еще* думаете? – будто вы короли и можете приказать женщинам сделать любую гадость и глупость, потому что вам приспичило, потому что вы нажрались? Пошли вы, лесом. – Переводит взгляд с Ланга на Наффа. – Приходите на наши вечеринки, ухмыляетесь как макаки автобусу, ей-бо, через две минуты уже вдрабадан, мешаете нас с дерьмом, будто мы шлюхи, мебель, думаете, что можно вот так... – смотрит вокруг, – *вломиться* к нам, в нашу комнату, потому что вы тупо сильнее, заслоняете дверь и бьетесь в нее большими сальными дурными божками? На хер вас. На хер.

Ланг ржет.

– Боюсь, гостей прискорбно задерживает хозяйский гнев. – Снова ржет. Минди тоже тихонько улыбается. Рука Ланга все еще на ее ноге.

Но Дихеранс вдруг впадает в диссонанс.

– Сама пошла бы ты отсюда на хер, мисс Кобыльья Рубашка, – говорит он Кларисе, явно вступив в пресловутый период алкоголической членораздельности. – Кончай тут. Это место просто страшный... – шаря глазами, – страшный жуткий смех! – Смотрит на Ланга, ищет поддержки; Ланг шепчет что-то Минди Металман.

Однако Нафф разбушевался.

– Устроили эти тут свои вечеринки, льете нам в уши рекламу, всю эту милую томную ахинею, ах, айда на вечеринку «Смелейяклеяемлейя», испытай свой лей в деле, ха. Выиграй поездку в джакузи на двоих, бла-бла-бла. Вы динамщицы и хероманки, вот вы кто. Мы, значит, приходим, как вы просили в своих рекламках, повязываем галстуки и к вам приходим, а у вас тут охранники в дверях, со страшными пушками, и нам штампуют руки как школярам, когда мы берем пиво, и все девчонки глядят так, будто мы насильники, и плюс, кроме того, внизу все девчонки на лицо вылитый Ричард Никсон, а реальные красотки заперлись этажом выше...

– Подобно вам, милые дамы, признайтесь же, – говорит Ланг Встанг-Шланг, лыбясь.

Нафф Дихеранс в прыжке разворачивается и бомбит лбом дверь, реально сильно. Замирает лицом к двери, его паруса покинуты ветром, временно.

– Боюсь, он в некотором опьянении, – говорит Ланг.

Линор, поправив платье, встает.

– Выпустите меня.

Встают Ланг и Минди. Встает Сью. Все встают, следуя за Линор. Ланг ухмыляется и кивает.

– Если вы будете достаточно добры... вплыть расписным челном... на... мой... – он борется с поясом на чиносах. Минди отворачивается. Нафф, по-прежнему дыша в дверь, тоже расстегивает пояс. Он даже принес ручку; Линор видит – ручка торчит из кармана.

– Нет, не буду я к вам прикасаться, тем более – на вас расписываться, – говорит Линор.

Ланг Встанг-Шланг глядит на нее, смутно озадачившись.

– Ну, значит, мы реально, к несчастью, не в состоянии вас покинуть.

– Это, к счастью, мне совершенно пофиг, потому что я не в состоянии остаться и ухожу, – говорит Линор.

– Я распишусь, – говорит Сью Шо тихо.

Клариса пристально глядит на Сью.

– Что?

– Я хочу, чтоб они ушли. Я распишусь. – Она смотрит в пол. Смотрит на свои туфли. Штаны Наффа тяжело спадают, он все так и глядит в дверь. Его зад огромен, широк, бел, по большей части безволос. Ранимый зад, реально. Линор оценивает его отвлеченно.

– Авычо, Мелинда Сью? – спрашивает Ланг у Минди. Ланг в трусах.

Минди реально глядит на Ланга, глядит ему в глаза. На ее лице ни эмоции. Секунда, и она говорит:

– Давай, не вопрос.

– Хотите – можете расписаться спереди, – ржет Встанг-Шланг.

– Омерзительно. Я ухожу, дайте мне выйти, пожалуйста, – говорит Линор. Разворачивается. – Ты трусиха, – говорит она Сью Шо. – У тебя страшные ступни, – говорит она Минди Металман. – Глянь на ее ноги, Энди, прежде чем на что-то решишься. – Поворачивается к двери. – Прочь с дороги, Нах, или как там тебя.

Нафф разворачивается, Линор впервые в жизни видит голого мужика.

– Нет.

Линор швыряет одну остроконечную белую туфлю на высоком каблуке, с металлическим ремешком, Наффу Дихерансу в голову. Промахивается, туфля бьет по двери над ним, бьет громко, и каблук вонзается в дерево. Белая туфля торчит из двери. И, как будто удар туфли о дверь стал последней каплей, Сью Шо визжит и чуток плачет, хотя недавний кайф ее и сдерживает. В руке у Сью – ручка Наффа.

– Дай пройти, а то захерачу в глаз, – говорит Линор Наффу, потрясая другой туфлей. Ланг Встанг-Шланг берет Минди Металман за руку.

– Дай ей пройти, она ваще не из этого колледжа, – говорит Клариса. – Я тоже распишусь, слюнтяи.

– Дай пройти, – говорит Линор.

Нафф наконец отступает от двери, не выпуская из руки пустой стаканчик «Смелейяк-лейямлейя». Ему так и так менять локацию, чтобы подставить зад Сью Шо, которая стоит в углу. Он идет комическими шажками, штаны висят на лодыжках, и Линор видит, как его гени-талии, пока он тащится в направлении Сью, подсакивают и вихляют. Линор босиком бежит мимо него, тянется к туфле, торчащей из двери. Вынимает ее, то есть каблук, оглядывается. Ланг целует кремовую щечку Минди, отрешенно, лыбясь, стоя в нижнем белье. Сью, встав на колени, расписывается на Наффе. Клариса замерла со скрещенными руками. Барабанит пальцами по локтям.

Линор выбегает в кафельный коридор, прочь. Там свежий воздух, Линор хочет выдраться из Галдеж-Холла изо всех сил, и выдирается наконец-то, но только после переговоров с коридорной дверью, лестничной дверью, коридорной дверью и входной дверью, которые все защелкнуты изнутри. Снаружи, на сочном мартовском газоне, омыта ярким уличным светом, в толпе парней в синих блейзерах, вышедших прогуляться, с мятными конфетками во ртах, Линор наслаждается кратким носовым кровотечением.

2. 1990¹⁵

- Это обнимашки? То, что мы делаем, – обнимашки?
– Думаю, критерии стандартных обнимашек соблюдены, да.
– Я так и думала.
– ...
– У тебя таз реально костлявый, знаешь ли. Вон как выпирает.
– Да, у меня костлявый таз. Моя жена иногда высказывалась по поводу моего таза.
– У меня тоже очень костлявый таз, как ты думаешь? Пощупай.
– Костлявый. Думаю, женщинам вроде как положено иметь костлявый таз.
– Думаю, в моем случае это еще и семейное. У всех братьев – костлявый таз. У младшего кости реально как у мамонта.
– ...
– М-м-м-м.
– ...
– Историю, пожалуйста.
– Ты хочешь историю.
– Пожалуйста.
– Сегодня прислали довольно интересную.
– Давай же.
– Но и гнетущую.
– Я хочу ее услышать.
– Она о человеке, страдавшем от тщеславия второго порядка.
– Тщеславия второго порядка?
– Да.
– Это что такое?
– Ты не знаешь, что такое тщеславие второго порядка?
– Нет.
– Как интересно.
– Так что это?
– Ну, человек с тщеславием второго порядка в первую очередь тщеславен. Он гордится своим интеллектом – и хочет, чтобы его считали умным. Или внешностью – и хочет, чтобы его считали привлекательным. Или, скажем, чувством юмора – и хочет, чтобы его считали балагуром и остроумцем. Или талантом – и хочет, чтобы его считали талантливым. Эт цетера.¹⁶ Ты ведь понимаешь, что такое тщеславный человек.
– Да.
– Тщеславный человек боится, что его сочтут глупым, или скучным, или уродцем, эт цетера, эт цетера.
– Принято.
– А человек с тщеславием второго порядка – это тщеславный человек, который гордится еще и тем, что вообще не кажется тщеславным. Он ужасно боится, что другие сочтут, будто он тщеславен. Человек с тщеславием второго порядка сидит допоздна, заучивая анекдоты, чтобы показаться милым и смешным, но отрицает, что сидит допоздна, заучивая анекдоты. Или, может, даже постарается оставить впечатление, будто сам себя смешным не видит вовсе.

«Метла системы» издана в 1987 году, то есть основное действие романа происходит в недалеком будущем.

¹⁵ «Метла системы» издана в 1987 году, то есть основное действие романа происходит в недалеком будущем.

¹⁶ *Et cetera* (лат.) – и так далее.

– ...

– Человек с тщеславием второго порядка будет мыть руки в общественной уборной и не устоит перед искушением полюбоваться собой в зеркале, тщательно себя рассмотреть, только притворится, будто поправляет линзы или вынимает соринку из глаза, чтобы его посчитали не тем, кто любит себя в зеркале, а тем, кто использует зеркала только для разумных, нетщеславных дел.

– Ой.

– История, присланная сегодня, о мужчине с тщеславием второго порядка, гордящемся собственной внешностью. Он чертовски горд своей внешностью, одержим своим телом, но также одержим желанием никому эту одержимость не показывать. Он пускается во все тяжкие, чтобы скрыть тщеславие от подружки. Я сказал, что он живет с подружкой, просто бешено красивой и очень милой девушкой?

– Нет.

– Он с ней живет, она влюблена в него по уши, и он любит ее. И у них всё в порядке, хотя ему, ясно, приходится нелегко, он одержим – и одержим тем, как бы скрыть одержимость.

– Ох ты.

– О да. И вот однажды в ванне он замечает что-то странное на ноге, такое распухшее серое пятно, и он идет к врачу, и ему ставят диагноз: это первая стадия некоей несмертельной, но весьма уродующей болезни, и в итоге от нее этот весьма красивый мужчина станет ужасно изуродованным.

– ...

– Если только он не согласится на умопомрачительно сложную и дорогую лечебную процедуру, ради которой надо лететь аж в Швейцарию и потратить все сбережения, а эти сбережения лежат на совместном банковском счете, и, чтобы их снять, требуется вторая подпись – прекрасной подружки.

– Ого.

– ...

– Но он все-таки очень тщеславен и всячески не хочет остаться изуродованным.

– Ну да, но ты забываешь, что он не менее всячески хочет, чтобы его не считали тем, кто всячески не хочет остаться изуродованным. Мысль, что подружка узнает о том, как он готов потратить все сбережения и полететь аж в Швейцарию лишь бы не остаться изуродованным, его ужасает.

– Что это за болезнь? Это типа проказа, да?

– Что-то вроде проказы, насколько я понял. Может, не такая опасная. Проказа, я думаю, убивает. Ладно, дело не в этом. Дело в другом: сама возможность того, что подружка узнает о его тщеславии, ужасает его так, что он все откладывает и откладывает полет в Швейцарию ради лечения, а в это время серое пятно разрастается, и кожа на ноге заметно сереет, и отслаивается чешуйками, кости утолщаются и искривляются, мужчина пытается скрыть болезнь, купив фальшивый гипс и поставив его на ногу, и говорит подружке, что нога загадочным образом сломалась, а болезнь распространяется уже и на другую ногу, и на живот, и на спину, и, подразумевается, я думаю, что и на гениталии; так что он ложится в постель, закутывается в одеяла и говорит подружке, что загадочным образом заболел, а еще, кстати говоря, старается держаться с подружкой холодно и замкнуто, отдалиться от нее, хотя реально влюблен до безумия. И он выбирается из постели, только когда подружка на работе, она продавщица в магазине женской одежды, и только когда подружки нет, он выбирается из постели, и стоит перед зеркалом во весь рост в их ванной, часами, глядит на себя в ужасе и аккуратно собирает губкой серые чешуйки по всему искривляющемуся телу.

– Боженьки.

– Да, и дни проходят, и недуг прогрессирует, распространяется уже и на верхнюю часть туловища, на плечи, на руки, и мужчина пытается это скрыть, утверждая, что у него загадочная кошмарная простуда, он носит толстые свитеры и лыжные варежки, а еще становится всё более жесток к прекрасной сожительнице, и мерзок с ней, и зол, и не позволяет ей приближаться, и дает ей понять, что она сделала что-то ужасное и его выбесила, но что именно, он ей не скажет, и подружка сидит по ночам в ванной и рыдает, и мужчина это слышит, и его сердце разрывается, потому что он ее очень сильно любит, но он одержим идеей не быть уродливым, и, конечно, если он теперь скажет ей правду и все покажет, она не просто увидит, что он внезапно стал уродлив, ей станет ясно еще и то, что он изначально одержим идеей не быть уродливым, смотри, к примеру, гипс, свитеры и варежки, и, конечно, он вдвойне одержим тем, чтобы скрыть изначальную одержимость. Так что он ведет себя всё гаже и гаже с милой красивой девушкой, которая его любит, и в конце концов, хотя она и чудесная девушка, и любит его очень-очень, она всего лишь человек, и в конце концов ее всё это достает, малопомалу, и она, просто в качестве самозащиты, делается холоднее и отдаляется в ответ, и отношения между этими двумя людьми становятся напряженными, что разбивает мужчине сердце, разбивает напрочь. А между тем недуг, конечно, только распространяется, она уже на шее и почти достигает высоты самого высокого воротника свитера, а еще парочка серых шелушащихся наростов появляется на носу мужчины, приметы будущего очарования, видит он. И вот однажды утром, в последний день, когда, понимает мужчина, он может скрывать всё это от подружки, оно же утро после реально роковой и пагубной ссоры, точно разбившей девушке сердце, та сидит в ванной, рыдает, а мужчина спокойно выбирается из постели, укутывается как может, идет и берет такси и едет к врачу.

– ...

– Ну вот, а врач сильно расстроен, по понятной причине, почему мужчина не звонил ему так долго, о чем он вообще думал? А еще врач, конечно, неслабо озабочен распространением болезни, и он осматривает мужчину, щелкает языком и говорит, что это последний момент, когда можно начать дорогущее швейцарское лечение, на что-то еще надеясь, и, если еще чуть-чуть промедлить, болезнь поглотит мужчину без остатка и станет необратимой, он будет жить, но станет серым, шелушащимся и кривым на веки вечные. Врач смотрит на мужчину и говорит, что сейчас выйдет из кабинета, а мужчина пусть подумает. Врач определенно считает, что мужчина не в своем уме, раз до сих пор не в Швейцарии. И вот мужчина сидит в кабинете, один, весь укутанный, в варежках, и у него реально кризис, и разбитое сердце, и он напуган до жути, потому что одержимость одержимостью, но вот наконец-то наступает переломный момент, на который толсто намекает солнечный лучик, который прорвался сквозь тяжелые тучи, застывшие в этот день небо, и поразил мужчину сквозь окошко врачебного кабинета, но мужчина так и так понимает в переломный момент, что реально важнее всего на свете его чудесная, милая подружка и их любовь, а остальное всё пустяки, и мужчина решает позвонить ей и рассказать обо всем, чтобы она приехала и подписала документ на выдачу всех его сбережений, чтобы он тут же, в тот же самый день, сел на самолет в Швейцарию, и к черту страх перед тем, чтобы все ей рассказать, хотя страшно просто вот невероятно.

– Ого.

– А заканчивается история так, что мужчина сидит за столом врача, с телефонной трубкой в варежке, слушая гудки, то есть звонки в квартире, и гудков многовато, не то чтобы абсурдно многовато, но достаточно, чтобы задуматься, дома подружка или нет, ушла она, возможно, навсегда или не ушла. И так всё и кончается: мужчина сидит, гудки в варежке, лучик солнца заплаткой падает на мужчину из врачебного окна.

– Боже правый. Ты ее напечатаешь?

– Нет. Слишком длинная. Это длинная история, сорок страниц с гаком. И ужасно напечатана.

- ...
- Прекрати.
- ...
- Линор, ну прекрати же. Это ну вот вообще несмешно.
- ...
- ...
- Только откуда ты столько об этом знаешь?
- Знаю о чем?
- О тщеславии второго порядка. Ты реально удивился, что я не знала о тщеславии второго порядка.
- Что тут сказать? Может, я просто скажу, что видел белый свет?
- ...
- ...
- Имбирный эль?
- Не сейчас, но все равно спасибо.

3. 1990

/a/

Санитар выплеснул содержимое стакана пациента в окно, водная масса, ударившись оземь, сместила камешек, тот покотился по наклонной дорожке, со щелчком упал на каменный дренаж в канаве, испугал белку, наскочившую на орешек прямо тут же, на бетонной трубе, заставил белку взбежать на ближайшее дерево, в процессе потревожив тонкую хрупкую веточку, та застала врасплох группу нервных утренних птишек, одна из них, изготовившись к полету, испустила черно-белый пометный сгусток, и тот шлепнулся аккуратно на ветровое стекло крошечного автомобильчика некой Линор Бидсман, едва та заехала на парковочное место. Линор вышла из машины, а птишки полетели прочь, издавая звуки.

Клумбы из фальшивого мрамора – от прошломесячной жары пластмасса осела и кое-где скуксилась – окаймляли ровную бетонную дорожку, ведущую от границы парковки к входным дверям Дома; предосенние цветы сохли и сидели в глубоких ложах сырой земли и мягкого пластика; бурые выющиеся стебли хило карабкались по перилам, огибавшим въезд над клумбами; перила же, крашенные, ярко-желтые, даже ранним утром казались дряблыми и липкими. На сочной августовской траве, низко-низко, блестела роса; солнечный свет перемещался по газону, пока Линор шла по подъездной дорожке. У дверей чернокожая старуха стояла не шевелясь рядом с ходунками, открыв рот солнцу. Над дверями по узкому тимпану обмятой светиллом пластмассы, тоже корчившей из себя пламенеющий мрамор, бежали буквы: ДОМ ПРИЗРЕНИЯ ШЕЙКЕР-ХАЙТС. По обеим сторонам от дверей в каменных стенах, что закруглялись и образовывали вне поля зрения фасад, пребывали в заточении вычеканенные подобию Тафта¹⁷. За дверями, в стеклянном аквариуме между внешним и внутренним входом, изнемогали трое в каталках, закутанные в простыни, несмотря на лившуюся из утренних окон тепличную жару; у одного голова завалилась набок так, что ухо покоилось на плече.

– Здравсте, – сказала Линор Бидсман, вталкиваясь во внутреннюю стеклянную дверь, индевеющую на солнце старыми отпечатками пальцев. Линор знала, что отпечатки оставили колясочники, для которых стальная пластинка со словами ОТ СЕБЯ слишком высока и непосильна. Линор здесь уже бывала.

Дом Шейкер-Хайтс – одноэтажный. Единственный уровень разбит на отделения и покрывает изрядно территории. Линор вышла из жаркого аквариума и пошла по чуть более прохладному холлу в конкретное отделение, к столу, над которым неспешно вращался тропический вентилятор. Внутри пончика стола сидела медсестра, Линор с ней еще не встречалась: темно-синий свитер пелериной перекинут через плечи и застегнут стальной пряжкой с вычеканенным профилем Лоренса Велка¹⁸. Люди в каталках были везде, их ряды выстроились вдоль всех стен. Вздымался и опадал невнятный громкий гомон, испещренный точками смешков без причины и воплями гнева из-за того, кто что знает.

Сестра глянула на приближавшуюся Линор.

– Здравсте, я Линор Бидсман, – сказала Линор чуть запыхавшись.

Сестра на миг к ней присмотрелась.

– Ну, не так уж это смешно, верно? – сказала она.

– Извините? – сказала Линор. Сестра глядела неприветливо. – О, – сказала Линор, – думаю, дело в том, что мы еще не встречались. Обычно здесь, на вашем месте, сидит Мэдж.

¹⁷ Уильям Говард Тафт (1857–1930) – 27-й президент США (1909–1913).

¹⁸ Лоренс Велк (1903–1992) – музыкант, аккордеонист и ведущий телепрограммы «Шоу Лоренса Велка» (1951–1982).

Я Линор Бидсман, но, в общем, я здесь, чтобы повидать тоже Линор Бидсман. Она моя прабабушка, и я...

– Ну, вы, это, – сестра глянула на что-то на большом столе, – вы, это, я позвоню мистеру Блюмкеру, ждите.

– Бабуля в порядке? – спросила Линор. – Понимаете, я просто была в...

– Ну, я просто соединю вас с мистером Блюмкером, алло, мистер Блюмкер? Тут Линор Бидсман спрашивает вас в «Б»? Он сейчас к вам выйдет. Пожалуйста, подождите.

– Все-таки я бы сразу пошла к Линор. Она в порядке?

Сестра глянула на нее.

– У вас голова мокрая.

– Я знаю.

– И растрепанная.

– Да, спасибо. Я знаю. Слушайте, я была в душе, когда домовладелица крикнула снизу, что звонит мистер Блюмкер.

– Откуда ваша домовладелица знала?

– Простите?

– Что звонит мистер Блюмкер?

– Ну, это телефон соседки по квартире, я им пользуюсь, но она не...

– У вас нет телефона?

– В смысле? Да, у меня нет телефона. Слушайте, простите, что я опять спрашиваю, но – с Бабулей все хорошо? Мистер Блюмкер велел мне идти прямо к ней. Мне позвонить родным? Где Линор?

Сестра уставилась в точку над левым плечом Линор; ее лицо превратилось в какой-то твердый материал.

– Боюсь, я не имею права вам ничего... – Она глянула вниз. – ...Линор Бидсман, отделение «Е». Но если вы будете так добры чуть подождать, мы могли бы...

– Где утренняя сестра, которая вроде должна быть тут? Где Мэдж? Где мистер Блюмкер?

Мистер Блюмкер материализовался в тусклых нишах коридора, не достижимых для света холла.

– Миз¹⁹ Бидсман!

– Мистер Блюмкер!

– Ш-ш-ш, – сказала сестра; крик Линор породил наплыв вздохов, стонов и беспредметных вскриков прикованных к коляскам фигур по периметру круглого холла. В комнате отдыха дальше по коридору включился телевизор, и Линор, спеша навстречу мистеру Блюмкеру, мельком увидела яркие краски какой-то телеигры.

– Мистер Блюмкер.

– Здравствуйте, миз Бидсман, спасибо большое, что приехали так сразу и так рано. Вам ведь нужно на работу?

– С моей прабабушкой всё хорошо? Почему вы звонили?

– Отчего бы нам не заскочить в мой кабинет?

– Но я не понимаю, почему нельзя просто... – Линор замерла. – О господи боже. Неужели она?..

– Боже сохрани, нет, прошу за мной. Я – осторожно, тут у нас... доброе утро, миссис Фелтнер. – Мимо на коляске прокатилась кренящаяся женщина.

– Кто эта сестра за столом?

– В эту дверь, пожалуйста.

– Комната Бабули в другой стороне.

¹⁹ Миз – обращение к женщине, не указывающее, в отличие от «мисс» и «миссис», на ее семейное положение.

– Прошу.

/б/

В общем, просто представьте себе, каково это, думать, что ваша прабабка – и вы отчетливо понимаете, что не просто «пра», совсем не просто, она одарила вас именем, это человек, под покровительством которого вы впервые узнали, что такое шоколад, книжки, антиномии, морской бой на бумаге, бридж, Пустыня, это человек, в присутствии которого у вас впервые потекла кровь в трусы (вам было шестнадцать, ну, сильно шестнадцать, абсурдно сильно, как нам теперь кажется, в восточном крыле, под музыку на титрах «Трех моих сыновей»²⁰, нарисованные мокасины притопывают, вы с Линор глядите на экран, обморочное, тошнотное облегчение, смех и брань разом, Бабуля вела ее левой рукой, и старая ладонь благословляла новообретенную старость Линор), это человек, чьей личной щедрости и убедительности в отношении иных отцов вы обязаны поездками за океан, двумя, пусть короткими, но все-таки, ваша прабабка, жившая с вами рядом, – ни с того ни с сего взяла и исчезла, с концами, и вы думаете, вдруг она раскатана в блин, мокрым крекером лежит на каком-то шоссе со следом протектора на лбу, и ходунки ее стали эдаким большим треножником, только тогда вы поймете, что почувствовала Линор Бидсман, когда ей сообщили, что *ее* прабабка, к которой относится всё перечисленное, пропала из Дома призрения Шейкер-Хайтс, что прямо под Кливлендом, штат Огайо, а Линор живет рядышком, в Восточном Коринфе.

/в/

Эмбрионический Дневник Сочетаний и Черновое Пространство для Сборника о Концептере

Ричард Кипуч

Центр Бомбардини, 62

Эривью-Плаза

Кливленд, Огайо

Разумное вознаграждение за своевременный и тактичный возврат.

25 августа

Линор, приди на работу, туда, где я, удались из душа немедленно и сейчас же приди на работу, я не спущусь за газетой, пока тебя здесь нет, Мандибула²¹ что-то подозревает, когда я звоню.

/г/

Снаружи двери, которая, как все двери здесь, кажется сплошь деревом, а реально пусто-тела и легка и похрипывает в замке, когда окно кабинета открыто и дует ветер, написано «ДЭВИД БЛЮМКЕР, АДМИНИСТРАТОР ЗАВЕДЕНИЯ». Кабинет, как и прочий Дом, пахнет мочой.

– Простите, я не очень понимаю, что вы такое говорите, – сказала Линор.

²⁰ «Три моих сына» (My Three Sons) – ситком, шедший на каналах ABC и CBS с 1960 по 1972 год, об авиационном инженере, который после смерти жены растит трех сыновей.

²¹ Имя Кэнди Мандибулы, возможно, отсылает к рассказу Дональда Бартелми «Я и мисс Мандибула» (1964).

Грустные влажные карие глаза мистера Блюмкера моргали за круглыми очками, пока он тербил и чесал бороду; было жарко.

– Я говорю, миз Бидсман, что со всевозможными извинениями и всяческими заверениями в том, что мы делаем всё от нас зависящее, дабы решить проблему, я вынужден уведомить вас: Линор Бидсман из отделения «Е» в настоящий момент пропала.

– Я не очень понимаю, что значит «пропала».

– Боюсь, это значит, что мы не можем определить ее нынешнее местонахождение.

– Вы не знаете, где она.

– Это, к сожалению, так.

– Как, – спросила Линор, – понимать, что вы не знаете, где она в Доме?

– Ой-ой, нет, будь она на территории, проблем не возникло бы вовсе. Нет, мы... все те, кто сейчас в наличии, обыскали все заведение.

– То есть она ушла с территории?

– По всей видимости, да, к нашей крайней обеспокоенности. – Пальцы мистера Блюмкера, с длинными ногтями, утопи в бороде.

– Ну и как, позволю спросить, это случилось? – сказала Линор.

– Никто точно не знает. – Взгляд в сторону, в окошко, на солнце в деревьях, на машину у окна. Это машина Линор, с пятном на ветровом стекле.

– Ну – этой ночью она была здесь?

– Пока что мы не можем это определить.

– Ночью за ней должна была приглядывать сестра – что она говорит?

Мистер Блюмкер грустно глянул на Линор.

– Боюсь, в настоящее время мы не в состоянии выйти на связь с данной конкретной сестрой.

– С чего бы это?

– Боюсь, мы не знаем, где она.

– Тоже?

Печальная улыбка.

– Тоже.

– Ох ты.

Задрезжал телефон мистера Блюмкера. Пока мистер Блюмкер отвечал, Линор глазела на аппарат. Не «центрек», без матричного переключателя. Что-то примитивное, линейные несъемные передатчики, никаких искателей.

– Да, – говорил мистер Блюмкер. – Да. Пожалуйста.

Он мягко положил трубку и снова влажно заморгал в сторону Линор. У Линор появилась мысль.

– Ну ладно, а как же миссис Ингст, в соседней комнате? – спросила она. – Они с Линор два сапога пара. Миссис Ингст точно знает, когда видела ее тут в последний раз. Вы говорили с миссис Ингст?

Мистер Блюмкер глянул на большой палец.

– Миссис Ингст... где-то тут, верно?

– Не в данный момент, увы, нет.

– То есть – тоже пропала.

– Боюсь, я должен сказать «да». – Глаза мистера Блюмкера светились горем. Линор решила, что видит в бороде кусочек омлета.

– Ну слушайте, что у вас тут вообще происходит? Все куда-то делись, а вы понятия не имеете, куда? Думаю, я просто не понимаю пока ситуации, то есть в принципе.

– О, миз Бидсман, по правде, я тоже, к моему глубочайшему сожалению, – подергивание в пол-лица. – Мне удалось определить лишь, что в какой-то момент в течение последних, ори-

ентировочно, шестнадцать часов сколько-то жильцов и работников нашего заведения стали... недоступны.

– То есть пропали.

– Да.

– Сколько-то – это сколько?

– В настоящий момент, кажется, двадцать четыре.

– Двадцать четыре.

– Да.

– И пациентов из них...

– Сейчас недоступны двадцать жильцов.

– То есть двадцать пациентов.

– Мы предпочитаем называть их жильцами, миз Бидсман, ибо, как вам известно, стараемся предложить им среду, в которой...

– Ясно, да, но разве многим пропавшим «жильцам» не нужны капельницы для питания и прочего? И еще мелочи типа инсулина и антибиотиков, и таблеток от сердца, и помощи, чтоб одеться и принять душ? Линор этим летом едва шевелила левой рукой, и плюс сейчас слишком холодно на улице, если долго там сидеть, и я просто не понимаю, как они вообще...

– Миз Бидсман, смею всецело вас заверить, что мы с вами согласуемся здесь более чем полностью. Я запутан и смятен не менее вас. И сбит с толку. – Щеки мистера Блюмкера уступили напору его атак на бороду и всячески задвигались, будто он корчил Линор рожи. – Я оказался лицом к лицу с ситуацией, возможность встречи с которой, поверьте, не снилась мне и в кошмарах, – чудовищной, сбивающей с толку. – Он облизал губы. – А также, позвольте заметить, к подобной ситуации меня в ходе обучения на администратора заведения не готовили никоим, просто никоим образом.

Линор глянула на свой кед. Телефон мистера Блюмкера снова зажужжал и замерцал. Тот взял трубку и вслушался.

– Пожалуйста, – сказал он в телефон. – Спасибо.

Положил трубку и зачем-то обогнул стол, будто желая взять Линор за руку, утешить. Линор пригвоздила его взглядом, он замер.

– А моему отцу в «Камношифеко» вы звонили? – спросила она. – Я позвоню? Клариса как раз в городе, моя сестра. Она в курсе?

Мистер Блюмкер потряс головой, потом рукой.

– Сейчас мы ни с кем не связывались. Так как вы единственная из вашей семьи регулярно навещаете Линор, я первым делом подумал о вас.

– А что семьи других пациентов? Если пропало человек двадцать, у вас тут должен быть сумасшедший дом.

– Как правило, нас почти никто не посещает, как бы это ни было вам удивительно. В любом случае мы пока ни с кем не связывались.

– И с чего бы это?

Мистер Блюмкер на секунду глянул в потолок. На мягкой белой плитке проступало реально непривлекательное бурое пятно. Свет лился сквозь восточные окна и озарял комнату, особо выделяя Блюмкера, один глаз которого блеснул золотом. Блюмкер наставил его на Линор.

– Дело в том, что я получил распоряжение этого не делать.

– Распоряжение? Чье?

– Владелец заведения.

Линор глянула на него внимательно.

– Насколько я знаю, владелец заведения – «Камношифеко».

– Так и есть.

– То есть, по сути, мой отец.

– Да.

– Но вы вроде только что сказали, что отец ничего про это не знает.

– Нет, я сказал, что ни с кем пока не связывался, вот что я сказал. Собственно говоря, *со мной* связались сегодня рано утром, я был дома, и меня поставил в известность о положении дел... – Он перебрал бумаги на столе. – ...Мистер Шмоун, очевидно оказывающий «Камношифеко» некие юридические услуги. Откуда он узнал о... ситуации, я и близко понятия не имею.

– Карл Шмоун. Он из юридической конторы, через которую отец улаживает личные дела.

– Да. – Блюмкер намотал на палец немного бороды. – Ну, очевидно, что... в соответствии с желанием владельцев в данный конкретный момент осведомленность о ситуации кого бы то ни было, кроме владельцев, нежелательна.

– Вы не повторите еще раз вот это вот?..

– Они пока не хотят никому говорить.

– А.

– ...

– Так а почему вы позвонили мне? В смысле, спасибо вам большое, само собой, но...

Опять грустная улыбка.

– Боюсь, у вас нет оснований для благодарности. Мне дали распоряжение сделать то, что я сделал.

– О.

– Очевидная подоплека произошедшего заключается в том, что вы все-таки из Бидсманов... и неким образом связаны с правом собственности на заведение через «Камношифеко»...

– Вообще-то нет.

– В самом деле? В общем, представляется ясным, что в плане осмотрительности на вас можно положиться больше, чем на любого среднего родственника с улицы.

– Ясно.

Блюмкер глубоко вздохнул и потер золотой глаз белым пальцем. В воздухе вокруг администратора сделалось завихрение пылинок. Оно вихрилось.

– В придачу ко всему следует признать, что жилища, временная недоступность которой имеет прямое отношение к вам, иначе говоря, Линор, обладала здесь особым статусом – в глазах как администрации заведения и персонала, так и, в особенности благодаря личным качествам и явным дарованиям, в глазах других жильцов, – вследствие чего становится возможным заключить: если перемена локации осуществилась по какой бы то ни было причине, исключая прямое принуждение со стороны неустановленного третьего лица либо лиц, что маловероятно, не будет натяжкой постулировать, что местоположение и возвращение Линор практически гарантировало бы возвращение иных пропавших лиц.

– Ничего не поняла.

– Ваша прабабушка была здесь более-менее заводилой.

– О.

– Вы наверняка это не знали.

– В общем-то нет.

– Но вы же бывали здесь, – он глянул в листок бумаги на столе, – часто, по несколько раз за месячный цикл. Времени.

– Мы говорили о других вещах. Мы точно никогда не говорили о том, кого и как она у вас тут заводит. Да вокруг обычно никого и не было, по такой-то жарнице. – Линор глянула на кед. – И потом, вы же знаете, моя просто бабушка, она тоже здешняя... жилища, в отделении «К». Невестка Линор.

– Конкармина.

– Да. Она... э, она ведь здесь, да?

– О да, – сказал Блюмкер. Глянул на листок, потом на Линор. – Насколько... насколько я понимаю. Простите, я буквально на одну секунду. – Он пошел к телефону. Линор наблюдала, как он набирает внутренний номер. Три поворота диска – значит, без коммутации. Блюмкер спросил кого-то о чем-то административным полусшепотом, Линор его не разобрала. – Спасибо, – расслышала она. – Да.

Он улыбнулся.

– Мы проверим, на всякий случай.

У Линор появилась мысль.

– Может, мне стоит заглянуть в комнату Линор, осмотреться, вдруг я замечу что-то важное.

– Именно это я и собирался предложить.

– Ваша борода в порядке?

– Простите? А, да, нервическая привычка, боюсь, ввиду положения дел в нашем... – Мистер Блюмкер вытащил из бороды обе руки.

– Ну так пойдете?

– Разумеется.

– Или я лучше позвоню отсюда отцу?

– С моего телефона наружу не позвонить. Прошу прощения.

– Могло ли быть иначе.

– После вас.

– Благодарю.

/д/

Дом был разбит на десять частей, отделений, как их называли, каждое – почти правильный пятиугольник, вмещающий невесть сколько пациентов, десять отделений образуют круг, войти в каждое можно из двух и только двух других и еще через центр круга, внутренний дворик, заполненный белым как мел гравием, грузными темными растениями и водоемом с концентрическими кругами подкрашенной воды; та распределялась, разделялась и хранила чистоту благодаря системе с множеством пластмассовых пленок и трубок, причем трубки сходились к центральному водоему из периметра с десятью гладкими, тяжелыми деревянными скульптурами диких обитателей джунглей, Тафтов и Камношифров Бидсманов I, II и III; высоко наверху просвечивающая пластмассовая крыша дарила свет растениям, но не давала дождю и выпадавшей росе разжижать цвета водоема; внутренности всех десяти отделений отсекались от дворика стеклянными панелями с дверями; сам дворик оставался недоступен пациентам, ведь гравий, когда по нему ступаешь, вероломен, глотает трости и ноги ходяков, коляски увязают как в трясине, люди спотыкаются и падают – люди, у которых бедра как из стекловолокна, сказала как-то Линор Линор.

По коридору, в дверь, вдоль периметра отделения, мимо шеренги тянущих руки фигур в колясках, сквозь стеклянную панель, по влажному хрусту гравия во дворике, сквозь другую панель, через полпериметра отделения «Е»: мистер Блюмкер привел Линор к комнате прабабки, вставил ключ в замок еще одной легкой, притворно деревянной двери. Комната была круглой, с большими окнами, выходившими на восточную сторону парковки, и видом на угол, в котором блестел, искрился светом, бившим сквозь деревья на ветру, опять же красный автомобильчик Линор. В комнате было невероятно жарко.

– Вы не убавили отопление? – сказала Линор.

Мистер Блюмкер остался в проеме.

– Собственники установили в этой комнате автоматический трубопровод, его сложно демонтировать, он сделан так, что не ломается. Кроме того, мы, конечно, ожидаем, что Линор воссоединится с нами в ближайшем будущем.

По комнате витал пар, каждый вдох и выдох ощущался на губах, окна обширно запотевали, движение солнца сквозь деревья бросало на белые стены темно-зеленые сполохи.

Линор Бидсман, девятноста двух лет, не страдала от физических проявлений нездоровья, если не считать некоторой потери функциональности левой стороны и полного отсутствия какого-либо телесного термометра. Температура ее тела зависела теперь от температуры воздуха вокруг. По сути, она стала вроде как хладнокровной. Семья узнала об этом в 1986 году, после смерти ее супруга, Камношифра Бидсмана, когда Линор стала обретать заметно синий оттенок. Температура комнаты Линор здесь, в Доме, была тридцать семь градусов ровно. Вследствие этого и Бабуля оставалась жива и довольна, и посетители сводились к Линор и абсолютному минимуму иных пациентов, персонала и, очень редко, Линориной сестры, Кларисы.

В комнате обретались убранный кровать, стол и тумбочка, лоснящаяся от влажности, стакан с водой на тумбочке, с почти испарившимся содержимым, конторка с расставленными по высоте банками из-под детского питания «Камношифеко», пучок смутно зловредных черных проводов, змеившихся из стены, останки кабельного узла для телевизора, который Бабуля заставила унести, стул, дверца стенного шкафа, засорившаяся солонка и, на черном металлическом раскладном столике для телевизора, глиняная лошадка, которую Линор давным-давно привезла Бабуле из Испании. Стены были голыми.

– Ясно, – сказала Линор, оглядываясь, – она точно взяла ходунки. – Она открыла дверцу шкафа. – И не смогла бы взять много одежды... вот ее чемодан... или много белья, – она глянула в ящики тумбочки. Выбрала банку из-под детского питания «Камношифеко», с этикеткой, на которой красными чернилами был нарисован смеющийся младенец. Аромат говяжьего пюре. – Она это ест? – спросила Линор, глянув на мистера Блюмкера, который стоял с блестящим от пота лицом в проеме, массируя подбородок.

– Насколько я знаю, нет.

– Я готова биться об заклад, что нет. – Линор пошла к столу. Обнаружила три легких, пустых ящика. И один запертый.

– Вы открыли ящик, вот этот?

– Мы не сумели обнаружить ключ.

– А. – Линор пошла к раскладному столику, взяла глиняную лошадку, свернула ей голову, изнутри выпал ключ, мелькнул крошечный фотоснимок Линор, медальонный. Фото было древнее и мутное. Ключ лязгнул о металл столика. Мистер Блюмкер промакнул лоб рукавом спортивного пиджака.

Линор отперла ящик. Внутри лежали Бабулины записные книжки, желтые и хрупкие, древние, том «Исследований»²² и непонятная белая бумажка, оказавшаяся этикеткой, содранной с другой банки с детским питанием «Камношифеко». Персиковое пюре. На белом обороте этикетки имелись каракули. Больше в ящике не было ничего. Иначе говоря, в ящике не было зеленой книги.

– Стремно, – сказала Линор. Глянула на мистера Блюмкера. – Она не взяла «Исследования», хотя это ее сокровище, они же с автографом, и не взяла записные книжки. Зато, кажется, взяла книгу. Она хранила тут книгу. Может, вы ее видели, зеленая книга, в таком зеленоватом кожаном переплете, с декоративным пружинным замочком?

Мистер Блюмкер кивнул. На кончике его носа болталась капля пота.

²² «Философские исследования» (Philosophische Untersuchungen) – работа австрийско-британского философа Людвиг Витгенштейна (1889–1951), одна из двух важнейших наряду с «Логико-философским трактатом». Опубликовано в 1953 году.

– Сдается мне, я припоминаю, что видел Линор с подобной книгой. Я наверняка предположил тогда, что это ее дневник или записки о кембриджских днях, они, я знаю, были ей неизмеримо дороги.

Линор мотнула головой.

– Нет, записки все более-менее здесь, – она показала на желтушные записные книжки в выдвинутом ящике. – Нет, я не знаю, что это за книга, но она с ней и с «Исследованиями» никогда не расставалась. Помните, когда она выходила из комнаты, ее ночнушка спереди типа провисала? Она не могла одновременно носить книжки и опираться о ходунки, так что пришла к ночнушке спереди большущий карман и клала книжки в него, вот он и провис. – Линор вспоминала и чувствовала подступающее отчаяние. – Она выходила... она выходит из комнаты в последнее время?

Что-то хлопнуло – мистер Блюмкер работал над своим лицом.

– Мне достоверно известно, что Линор, соблюдая установленную рутину, посещала комнату отдыха отделения «Е» ежедневно после обеда в течение некоторого времени. Рассуждая о всяком. Когда вы здесь были в последний раз, если позволите осведомиться?

– Думаю, две недели тому.

Брови мистера Блюмкера поползли вверх. На лбу замирали и стартовали капли.

– Дело в том, что мой брат решил вернуться в колледж, – сказала Линор. – Я помогала ему ходить по магазинам, кое с чем разбиралась, решала кое-какие проблемы с отцом, когда не работала. Надо было очень много с чем разобраться.

– В его колледже занятия начинаются, я вижу, ужасно рано. Еще ведь и не сентябрь?

– Нет, там, где он учится – Амхёрстский колледж, знаете? В Массачусетсе? – до начала занятий еще недели две, но брат хотел перед учебным годом навестить нашу мать и всё такое.

– Навестить вашу мать?

– Она типа на отдыхе, в Висконсине.

– А.

– Слушайте, я, наверно, позвоню ей и скажу, что происходит? Она тоже родственница Линор. И я правда думаю, что надо вызвать полицию.

Очки мистера Блюмкера проехали почти весь путь вниз по носу. Он пихнул их обратно, они моментально соскользнули вновь.

– Всё, что я могу сделать на данном этапе, – передать вам информацию и еще просьбы, доведенные до моего сведения весьма ранним утром мистером Шмоуном. – Блюмкер подпернул одну, другую манжету. – В настоящее время полицию никто ни о чем не извещает. Владельцы придерживаются мнения – по причинам, которые, надо абсолютно откровенно признать, остаются для меня туманными, – что это внутреннее дело дома призрения общего характера, что оно поддается сравнительно скорому улаживанию и что прибегать к посторонней помощи нет нужды. Конечно, если все обстоит именно так, а не иначе, накапливающиеся преимущества в форме минимизации неудобств и препятствий функционированию заведения очевидны. Вас настоятельно просят никого не информировать о подробностях данного инцидента, пока вы не переговорите с отцом. Вас также настоятельно просят связаться с отцом, как только вам позволят личные обстоятельства.

– Обычно до папы трудновато достучаться.

– И тем не менее.

Линор снова глянула в открытый ящик стола.

– Как-то я перестала что-либо понимать. А что родственники персонала, который... в настоящий момент недоступен? Не сочтут ли семьи, что недоступность их близких слегка необычна? Вы не думаете, что они склонятся к мысли позвонить в полицию? Я их не виню. Я и сама хочу позвонить в полицию.

Очки мистера Блюмкера неожиданно свалились с носа, он поймал их, просто чудом, и протер переносицу пальцами.

– Пока что неясно, оттого ли семьи недоступного персонала сами недоступны, что заняты выполнением своих обычных обязательств за пределами Дома, или же потому, что и они сделались недоступны схожим с персоналом образом, однако не констатировать этот по-своему уместный, но, разумеется, весьма настораживающий факт...

– Что-что-что? – оторвалась Линор от Бабулиного выдвижного ящика.

– Семей тоже не найти.

– Божечки.

– Что вы делаете? – спросил Блюмкер. Линор глядела на чернильный рисунок на обороте этикетки «Камношифеко», лежавшей поверх записных книжек в ящике стола. На рисунке был человек, кажется, в рабочем халате. В одной руке бритва, в другой – банка с кремом для бритья. Линор разглядела на банке слово «Ноксима»²³. Голова человечка взрывалась чернильными загогулинами.

– Гляжу на эту штуковину, – сказала она.

Мистер Блюмкер приблизился. Пахло мокрым подгузником.

– Что это такое? – спросил он, заглядывая Линор за плечо.

– Если то, о чем я думаю, значит, это типа шутка. Как бишь ее. Антиномия.

– Антиномия?

Линор кивнула.

– Бабуля реально обожает антиномии. Думаю, этот чувак, – она глянула на рисунок на обороте этикетки, – брадобрей, который бреет всех тех и только тех, кто не бреется сам.

Мистер Блюмкер глянул на нее.

– Брадобрей?

– Убойный вопрос, – сказала Линор бумажке, – звучит так: бреет ли брадобрей сам себя? Думаю, потому голова у него и взрывается, вот.

– Прошу прощения?

– Если бреет, то не бреет, а если не бреет, то бреет.

Мистер Блюмкер вперился в рисунок. Огладил бороду.

– Слушайте, давайте уйдем? – спросила Линор. – Тут реально жарко. Я хочу уйти.

– Безусловно.

Линор положила этикетку «Камношифеко» в сумочку и заперла ящик.

– Я оставлю ключ на столе, но, думаю, никто, кроме полиции, рыться в Бабулиных вещах не должен, если вы вызовете полицию, что, я уверена, вы просто должны сделать.

– Я вполне согласен. Вы забираете?..

– Антиномию.

– Да.

– Это разрешается?

– По телефону не сказали ничего, что говорило бы об обратном.

– Спасибо.

В дверь постучали. Работник заведения вручил мистеру Блюмкеру записку. Блюмкер ее прочел. Работник заведения глянул на платье и кеды Линор и удалился.

– Ну, конечно же, как я всецело и ожидал, Конкармина Бидсман по-прежнему с нами, в «К», – сказал мистер Блюмкер. – Вероятно, вы хотели бы повидать ее прежде, чем?..

– Нет, спасибо, правда, – перебила Линор. – Мне реально надо на работу. Который час, кстати говоря?

– Почти полдень.

²³ *Noxzema* – средство для лечения солнечных ожогов и очищения кожи.

– Господи, я реально опаздываю. Меня там убьют. Надеюсь, Кэнди не злится, что пришлось меня замещать. Слушайте, есть тут телефон, чтобы позвонить наружу и сказать, что я опоздаю? Мне срочно нужно.

– Телефоны с внешней связью есть в каждом холле. Я вам покажу.

– Я вспомнила, точно.

– Разумеется.

– Слушайте, я с вами свяжусь, скоро, само собой. Достучусь до отца с работы и скажу ему, чтобы он позвонил вам.

– Это было бы безмерно любезно, благодарю вас. – Рубашка мистера Блюмкера промочила пиджак тонкой буквой V.

– И, конечно, пожалуйста, звоните, если что-то случится, если вы что-то выясните. Или на работу, или в дом Тиссоу.

– Не извольте беспокоиться, позвоню. Вы по-прежнему трудитесь в компании «Част и Кипуч»?

– Да. У вас есть их номер?

– Где-то наверняка имеется.

– Ну, я вам его дам, чтоб наверняка. К нам то и дело звонит кто попало, люди часто ошибаются. – Линор написала номер на визитке, достав ту из сумочки, и передала мистеру Блюмкеру. Мистер Блюмкер глянул на визитку с лицевой стороны.

– «Рик Кипуч: Редактор, Читатель, Администратор, Разносторонняя Литературная Персона, Издательство „Част и Кипуч, Инк.“?»

– Это неважно, главное – номер. Пойдемте уже к телефону с внешней связью? Я омерзительно опаздываю, а если мы останемся здесь, Линор это, как я понимаю, не вернет.

– Разумеется. Позвольте, я придержу дверь.

– Спасибо.

– Не за что.

/e/

25 августа

Приснился поистине ужасный сон, неизменно повторяющийся, когда я безлинорной ночью лежу в постели. Я пытаюсь ласкать рукояткой черепаховой щетки для волос клитор королевы Виктории. Объемистые юбки кружат вокруг ее талии и моей головы. Громадные твoroжные бедра тяжело покоятся на моих плечах, разливаются перед моим потеющим лицом. Позвякивают килограммы драгоценностей, когда она ерзает, устраиваясь поприятнее. Ароматы. Нетерпеливое дыхание королевы грохочет надо мной громом, а я стою на коленях у трона. Проходит время. Наконец слышится ее голос, сверху, металлический от отвращения и разочарования: «Мы не возбуждены». Охранник ударяет меня по руке и швыряет в яму, на дне которой кипят тельца бесчисленных мышей. Просыпаюсь, рот забит мехом. Молю дать мне еще немного времени. Щетка ребристая.

/ж/

Владельцы новых мэттеловских ²⁴ ультракомпактных автомобильчиков, а именно таким владела Линор, сталкивались с огромной проблемой: у пластмассовой машины и дрoссель

²⁴ В нашей реальности производитель игрушек Mattel настоящие автомобили, пусть даже маленькие, не выпускал.

пластмассовый, и он, пока машина разогревается, приходит в чувство минут пять, не меньше, что особенно раздражает летом, потому что эти пять минут Линор вынуждена сидеть в тесной печурке автомобиля, и мотор колотится как припадочный, и издает массу непотребных шумов, и далеко не сразу можно тронуться в путь и ощутить дуновение ветерка посвежее. Дождаясь дросселя на парковке Дома, Линор глядела на муравья, который обгладывал что-то в кляксе птичьего помета у верхней кромки ветрового стекла.

Муравья сорвало со стекла ветром, стоило Линор вырुлить на Внутреннее Кольцо шоссе I-271 и погнать серьезно быстро. Офис издательства «Част и Кипуч» располагался в деловом центре Кливленда, конкретнее – на площади Эривью-Плаза, рядышком с озером Эри²⁵. Линор выехала на Внутреннее Кольцо на юго-западе от Шейкер-Хайтс, приготовившись к тому, что чуть погода I-271 швырнет ее в северном направлении, прямо к городу, то есть какое-то время Линор и ее автомобильчик будут колесить вдоль городка Восточный Коринф, штат Огайо; в этом городке у нее квартира, и именно он обусловил избыточную и не сказать что нелюбимую в народе форму Секции Внутреннего Кольца I-271.

Восточный Коринф основан и построен в 1960-е Камношифром Бидсманом II, сыном Линор Бидсман, дедушкой другой Линор Бидсман, который, увы, погиб в свои шестьдесят пять в 1975 году в чане при краткой и катастрофической попытке «Продуктов детского питания Камношифеко» разработать и выпустить на рынок что-то, что составило бы конкуренцию «Джелл-О»²⁶. Камношифр Бидсман II был человеком множества талантов и еще большего числа интересов. Реально фанатичный киноман, а равно градостроитель-любитель, он питал особо буйную привязанность к звезде экрана Джейн Мэнсфилд²⁷. Восточный Коринф имеет своими очертаниями профиль Джейн Мэнсфилд: Кольцо ведет из Шейкер-Хайтс в нимб вьющихся дорожных сетей, скользит по изящным чертам меж домов и мелких фирм, огибает нос пуговкой в виде парка и полуулыбку в виде части кольцевой развязки, захватывает волнистым лебединым изгибом сегмент шоссе с типовой застройкой, а потом, прежде чем круто развернуться на запад, в огромный распухший район заводов и промпарков, колоссальный и суетливый, с не меньшей несдержанностью устремляется на три километра на юг, вторгаясь в чистенький нижний предел частных домиков, магазинчиков, многоэтажек и даже пансионов, включая тот, в котором жила сама Линор и от которого она отъехала утром, чтобы пересечь Джейн Мэнсфилд и добраться до Шейкер-Хайтс. От семейств и компаний, владевших недвижимостью вдоль важнейшей, западной границы пригорода, зональный кодекс требовал красить здания и сооружения в максимально натуралистические цвета, но собственники дальнего западного участка близ Гарфилд-Хайтс (где промышленное разбухание выражено ярче некуда) против такого условия решительно возражали, а еще, как легко вообразить, вся территория Восточного Коринфа была невероятно популярна у летчиков гражданской авиации, они как один норовили запросить схему посадки в аэропорту Кливленд-Хопкинс с пролетом над Восточным Коринфом, беспрестанно грохотали, летали низко, то и дело мигали огнями и махали хвостами. Жители Восточного Коринфа, далеко не все осведомленные о форме городка, ибо знание это не то чтобы общедоступно, ползали, ездили и ходили по лику Джейн Мэнсфилд, потрясая кулаками при виде очередного самолетного брюха. Линор жила в Восточном Коринфе всего два года, она переехала сюда, когда после колледжа решила, что не хочет ни жить дома, ни работать в «Камношифеко», всё разом. Южнее шоссе 271 уступает другому, 77-му, а 77-е вьется через Бедфорд, Толлмэдж, Акрон и Кэнтон и втягивается в Гигантскую Огайскую Супер-Пустыню Образцового Дизайна – километры и километры мелкого как пепел черного песка, кактусов и скорпионов, и толпы рыбаков, и торговые палатки по краям.

²⁵ *Eriview (англ.)* – вид на озеро Эри.

²⁶ *Jell-O* – торговая марка желе, пудингов и тортов с кремом.

²⁷ *Вера Джейн Мэнсфилд (1933–1967)* – американская киноактриса, секс-символ 1950-х. Погибла в автокатастрофе.

Есть два надежных способа опознать Центр Бомбардини, в котором фирма «Част и Кипуч» свила себе гнездышко. Если глядеть с юга, от Башни Эривью, высоченной и прямоугольной, торчащей в кливлендском центре рядом с Терминалом, окажется, что под солнцем, вечно обходящим Башню справа или слева по касательной, Центр отбрасывает огромную мглистую тень на близлежащую территорию – глубокую, изрядно угловатую тень, которая, слившись в темном союзе с низом Башни, сразу резко заваливается набок, будто Эривью-Плаза, – тихий омут, куда Башню некогда погрузили, а тень – ее преломленная в толще омута подводная часть. По утрам тень растягивается с востока на запад; Центр Бомбардини стоит иссеченный светом, бело-черный, к северу от Башни. Когда светает и распогоживается, когда тень, сжимаясь, тяжело отползает к Башне и на восток, а личины тьмы усложняются тучами, Центр Бомбардини не торопясь пожирает чернота; всасывание во мрак прерывается только эпилептическими световыми вспышками, которые порождают загрязненные поллютантами облака, искривляющие солнечные лучики, пока флирт Центра Бомбардини с границей тени становится все серьезнее. Часам к пяти Центр Бомбардини превращается в зримую тьму, окна его горят желтым, машины ездят мимо с включенными фарами. Центр Бомбардини, таким образом, найти нетрудно – он обнаруживается именно и только на периметре лихой жатвы самой что ни на есть зрелищной тени Среднего Запада.

Другой вышеупомянутый опознавательный знак – белый скелет генерала Мозеса Кливленда²⁸, нашедший неглубокое пристанище в бетоне на тротуаре перед Центром Бомбардини; генеральский абрис вполне различим, он мало интересует и мимолетных пешеходов, и редкого фуражирующего пса, порывы последнего стесняет клочок электризованной сетки, иначе говоря, покой генерала почти ничто не тревожит, если не считать столбика с табличкой, непочтительно торчащего из Кливлендовой левой глазницы, табличка же отсылает к внушительно очерченному парковочному месту перед Центром и гласит: «ЛИЧНОЕ ПАРКОВОЧНОЕ МЕСТО НОРМАНА БОМБАРДИНИ, С КОТОРЫМ ШУТКИ ПЛОХИ».

Издательство «Част и Кипуч» делит Центр Бомбардини с административными помещениями «Компании Бомбардини», фирмы, замешанной в каких-то мутных генноинженерных проектах, о которых Линор вполне искренне желала знать как можно меньше. «Компания Бомбардини» занимает большую часть нижних трех этажей и непрерывную вертикаль офисов по всей длине шестиэтажного Центра Бомбардини с восточной стороны. «Част и Кипуч» поначалу ютилось в вертикали с западной стороны, зато потом раздалось почти на весь трехэтажный верх. Телефонный коммутатор «Част и Кипуч», на котором работает Линор, располагается в западном углу пещеристого холла Центра Бомбардини; по огромной задней стене холла не спеша и даже измеримо движется, поедая эту стену, тень Эривью, отбрасываемая сквозь гигантские окна передней стены. По положению тени на задней стене можно с немалой точностью определить, который час, – в любое время, кроме переменчивого теневого периода после полудня, когда черно-белый законный свет трепещет будто немое кино.

Вот как сейчас. Линор омерзительно опаздывала. А еще никак не могла дозвониться до Кэнди Мандибулы. Телефоны Шейкер-Хайтс, очевидно, перемкнуло: номер «Ч и К» соединял Линор с «Кливлендским буксиром».

– «Част и Кипуч», – говорила Кэнди Мандибула в консольный телефон коммутатора. – «Част и Кипуч». Нет, это не «Сырный домик Энрике». Дать вам их номер, хотя он может и не работать? Пожалуйста.

²⁸ *Мозес Кливленд* (1754–1806) – американский юрист, политик, военный и топограф. В 1796 году, прибыв в устье реки Кайахога, решил основать там город, названный его именем (из-за ошибки на карте потерялась одна буква: Cleaveland – Cleveland). В нашей реальности похоронен в Кентербери, штат Коннектикут.

– Кэнди, божечки, я так виновата, ничего нельзя было сделать, я не смогла дозвониться. – Линор зашла за стойку, в кабинку коммутаторной. Высоко над головой окошко вспыхнуло кафедральным копьём света, и вернулась тьма.

– Линор, ты опоздала реально на три часа. Это как бы чуток перебор.

– Мой босс не стерпел бы. Меня бы выпнули на раз-два, вытворяй я то, что вы, девчонки, вытворяете, – пальнула между звонками Юдифь Прифт, исторгая гудение из коммутатора «Компании Бомбардини» в крошечной кабинке в метре от кабинки «Ч и К».

Линор положила сумочку рядом с телефонами службы безопасности. Шагнула к Кэнди Мандибуле.

– Я пыталась тебе звонить. Миссис Тиссоу позвала меня из душа где-то в девять тридцать, звонили мне, а трубку взяла Шварц. Мне надо было срочно в дом престарелых.

– Что-то случилось?

– Да. – Линор видела, что Юдифь Прифт держит ухо востро. – Давай потом поговорим? Ты после работы домой?

– Я в шесть поеду в «Альянс», – сказала Кэнди. – Мне, блин, надо было туда в полдень... но что уж. – Она увидела лицо Линор. – Клинт сказал, он найдет кого-то, кто меня подменит, на сколько надо. Ты в порядке? Кто из них?

– Линор.

– Она?..

– Это неясно.

– Неясно?

– Мой босс, только уважительные причины, извещаете заранее, с подписью мистера Бомбардини, – говорила Юдифь между гудками и звонками. – Но да, у нас и бизнес настоящий, и звонки настоящие. «Компания Бомбардини». «Компания Бомбардини». Секунду.

– Сегодня, я вижу, она особенно любезна, – сказала Линор. Кэнди показала, как душит Юдифь, потом стала собираться.

Их консоль загудела. Линор приняла вызов.

– «Част и Кипуч», – сказала она. Послушала, глянула на Кэнди. – «Пещера подчинения Бэмби»? – переспросила она. – Нет, это точно не «Пещера подчинения Бэмби»... Кэнди, у тебя есть номер «Пещеры подчинения Бэмби»? – Кэнди дала ей номер, но сказала, что это явно без толку. Линор продекламовала номер и разъединилась.

– «Пещера подчинения Бэмби»? – сказала она. – Что-то новенькое. В каком смысле явно без толку?

– Ничего не понимаю, вроде полный порядок, – послышался голос из-под консольной стойки, из-под стула Линор, у ее ног. Линор глянула вниз. Из-под стойки высовывались огромные ботинки. Они задергались; тело делало попытки вылезти наружу. Линор рывком отставила стул.

– Линор, на линии какие-то неполадки, возникли, видимо, ночью, Верн сказал, – сказала Кэнди. – Это Питер Аббатт. Он из «Дуплексного кабеля». Они пытаются всё уладить.

– «Дуплексного кабеля»?

– Это как телефонная компания, но не телефонная компания.

– О. – Линор апатично глянула на Питера Аббатта. – Привет.

– Ну здрасте-здрасте, – сказал Питер, яростно подмигивая Линор и поднимая воротник. Линор глянула на Кэнди; Питер принялся поигрывать чем-то, свисавшим с поясной сумки с инструментами.

– Питер, кажись, весьма дружелюбен, – сказала Кэнди Мандибула.

– Хм-м.

– Ну, я там ничего такого не нашел, я в тупике, – сказал Питер.

– А в чем проблема? – спросила Линор.

– Все нехорошо, – сказала Кэнди Мандибула. – У нас, наверное, теперь более-менее нет номера. Верно? – она глянула на Питера Аббатта.

– Ну, у вас на линии какие-то неполадки, – сказал Питер.

– Ну да, что, скорее всего, в данном случае означает, что у нас теперь нет номера, точнее, есть, но типа такой же, как у всего Кливленда, потому что он у нас внезапно *общий* со всеми остальными местами. Со всеми, с которыми у нас общий кабельный туннель. Ну, знаешь, все эти номера, среди которых наш только один из, и мы то и дело получаем звонки на чужие телефоны: «Сэндвич Стива», «Кливлендский буксир», кафе «Большой Бэ-Эм», «Пятачки и перья», «Набери любимую»? Теперь это всё типа один и тот же номер. Набираешь их номера – звонит телефон «Че и Ка». Плюс еще целая куча всяких новых: сырный магазин, какое-то бюро обслуживания «Гудьира»²⁹, эта вот «Пещера подчинения Бэмби», куда, кстати говоря, звонят возмутительно часто. У нас у всех теперь общий номер. С ума сойти. Я верно все говорю? – спросила Кэнди Питера Аббатта. Она сложила вещи, была готова уйти и глянула на часы.

– Да, неполадки на линии, – ответил Питер Аббатт.

– Ну хоть теперь вам будут звонить. Ну хоть теперь вы в кои-то веки потрудитесь, – сказала Юдифь Прифт. – «Компания Бомбардини». «Компания Бомбардини».

– А у нее почему всё в порядке? – Линор показала на Юдифь.

– Разные кабельные туннели, – сказал Питер Аббатт. – Линии «Бомбардини» на самом деле, оказалось, идут по туннелю довольно далеко отсюда, через несколько кварталов на запад от Эривью. Сюда звонки поступают благодаря матричной распределительно-поточной переад-ресации, реально сложная штука, плюс еще и древняя. Ваши линии – в туннеле ровно под этим зданием, под холлом, прямехонько под скелетом того чувака. – Питер Аббатт показал на пол.

– Тогда почему вы здесь, а не внизу, там, где линии? – пожелала узнать Кэнди Мандибула.

– Я не туннельщик. Я консольщик. По туннелям не работаю. Сегодня рано утром Туннельный отдел послал на место какого-то парня. Это его проблема. Я не нахожу тут ни следа вашей, девушки, проблемы. Это двадцать восьмой, да? Я не сошел с ума?

– Да, «центрекс двадцать восемь».

– Я знаю, что «центрекс», я только по ним и работаю, мне «центрексы» уже остоебенили, простите мой французский.

– А что сказал тот парень из Туннельного? – спросила Линор. Кэнди принимала звонок.

– Без понятия, я с ним даже не разговаривал. Позвонить ему я так и так не могу, верно?

– Что, мы отсюда и позвонить уже не можем?

– Шутка юмора. Звоните сколько влезет. А если вас автоматом замкнет на другой туннельный пункт, перенаберите. Нет, мне просто надо переговорить с туннельщиком лично, в конторе. Нам же отчеты писать. – Питер глянул на Линор. – Не замужем?

– Ох, братишка.

– Что, и она тоже не замужем? – спросил Питер Аббатт Кэнди, кивая на Линор. Его шевелюра была не столько светлой, сколько желтой, как цветной мелок. Лицо – цвета типа темного ореха. От солнца так не загорись. Линор почувяла «Пляж-Загар». Парень выглядит как фотонегатив, решила она.

Он вздохнул.

– Две незамужние девушки, в беде, в страшно тесном рабочем помещении...

– Женщины, – поправила Кэнди Мандибула.

– Я тоже не замужем, – откликнулась Юдифь Прифт. Юдифь Прифт было в районе пятидесяти.

– Клево, – сказал Питер Аббатт.

²⁹ Goodyear Tire & Rubber Company – производитель шин и других резинотехнических изделий.

– Так что, «Бэмби», «Большой Боб» и все остальные могут кому-то звонить? – спросила Линор. – Их телефоны вообще звонят?

– Иногда, а иногда нет, – сказал Питер Аббатт, звякнув поясом. – Проблема в том, что они не знают, куда дозвонятся, и вы не знаете, и это, ясно, обслуживающие работы ниже плинтуса. Ваш номер не находит вас в сети, хотя и должен, но он, как мы говорим, находит все цели, а не одну цель.

– Прелестно.

– Ну хоть теперь вам будут звонить, – сказала Юдифь Прифт. – Вам все равно звонили только по ошибке. Вы, девчата, обанкротитесь. Издательство в Кливленде! Курам на смех.

– Мне нравятся ваши кеды, – сказал Питер Аббатт Линор. – У меня точно такие же.

– А Рик вообще в курсе? – спросила Линор Кэнди.

Кэнди замерла.

– Рик. Линор, позвони ему срочно.

– Зачем?

– Никто никогда не знает зачем. Я так поняла, сначала его хватил полный паралич оттого, что тебя нет. Это было типа в десять ноль одну. После этого он все время названивает, проверяет, пришла ли ты. Притворяется, что тебя спрашивают разные люди, зажимает нос, кладет на трубку носовой платок, говорит с этим душераздирающим британским прононсом, делает вид, что тебе звонят иностранцы, хотя знает же, я пойму, что это не так, потому что, когда звонят по внутренней связи, и он об этом тоже знает, лампочка на консоли мигает быстро-быстро. Бог свидетель, он часто зависает тут внизу. А сегодня не спустился за газетой, даже за ней, просто сидит там у себя, депрессует, беретик небось теребит.

– Что ему еще там делать? – сказала Юдифь Прифт, высвобождая сэндвич из восковой бумаги и кокетливо мигая в сторону Питера Аббатта, который, в свою очередь, пытался заглянуть через стойку в ложбинку Линор.

– Боже, мне с ним реально надо поговорить, – сказала Линор.

– Цветик, я совсем *забыла*. Кошмар какой-то. Ты явно сама не своя. Ты в порядке, уверена?

– Наверно. Верн придет в шесть. Позвоню Риду, как смогу. Мне еще надо отцу позвонить. И его юристу.

– Что-то умерло в лесу, – сказал Питер Аббатт.

– Цыц, – сказала Кэнди Мандибула. Проходя мимо, сжала предплечье Линор. – Опаздываю. Убегаю. Ты будешь дома вечером, да?

– Я позвоню, как и что, – сказала Линор.

– Вы, девушки, что, в одной квартире живете? – спросил Питер Аббатт.

– Подельницы, – фыркнула Юдифь Прифт.

– Отличная квартирка, чего уж тут.

– Давайте уже все дружно заткнемся, кроме Линор, – сказала Кэнди. И ушла по мраморному полу холла в клокочущую черноту.

– У нее другая работа? – спросил Питер Аббатт.

– Да. – Консоль загудела. – «Част и Кипуч».

– И где?

Линор показала указательный палец, чтобы подождать, пока она разберется с желающим узнать стоимость комплекта радиальных шин.

– В «Альянсе колбасных кишок», в Восточном Коринфе, – сказала она, освободившись.

– Экое бермудное местечко. Что она там делает?

– Тестирует продукты. Дегустационный отдел.

– Отвратительная работа.

– Кто-то же должен.

- Главное, что не я, блин.
- Но я полагаю, вас тоже ждет какая-то работа? Вроде починки наших линий?
- Я пойду. Свяжусь с вами... если смогу. – Питер Аббатт засмеялся и удалился, позвякивая. Вошел в движущийся клочок света в середине холла – и свет исчез, забрав его с собой. Загудела консоль.
- «Част и Кипуч», – сказала Линор. – «Част и Кипуч».

4. 1972

СТЕНОГРАММА ВСТРЕЧИ ГОСПОДИНА РЭЙМОНДА ЦУЗАТЦА ³⁰, ГУБЕРНАТОРА ШТАТА ОГАЙО; МИСТЕРА ДЖОЗЕФА ЛАНГБЕРГА, СОВЕТНИКА ГУБЕРНАТОРА; МИСТЕРА НИЛА ОБСТАТА ³¹, СОВЕТНИКА ГУБЕРНАТОРА; И МИСТЕРА ЭДА РОЯ ЯНСИ, ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТА КОРПОРАЦИИ «ПРОМЫШЛЕННЫЙ ДИЗАЙН ПУСТЫНЬ», ДАЛЛАС, ТЕХАС, 21 ИЮНЯ 1972 ГОДА.

ГУБЕРНАТОР: Джентльмены, что-то неладно.

МИСТЕР ОБСТАТ: Что вы имеете в виду, шеф?

ГУБЕРНАТОР: Со штатом, Нил. Что-то неладно с нашим штатом.

МИСТЕР ЛАНГБЕРГ: Но, шеф, безработица низкая, инфляция низкая, налоги не росли два года, загазованность упала, если не считать Кливленда, да и черт с ним, с Кливлендом... шучу, Нил, шучу... но, шеф, народ вас любит, по всем опросам вы идете с беспрецедентным отрывом, промышленные инвестиции и развитие штата как никогда высоки...

ГУБЕРНАТОР: Вот тут стоп. Именно так.

МИСТЕР ОБСТАТ: Не разовьете мысль, шеф?

ГУБЕРНАТОР: Все просто слишком, неестественно хорошо. Подозреваю ловушку.

МИСТЕР ЛАНГБЕРГ: Ловушку?

ГУБЕРНАТОР: Парни, штат размякает на глазах. Я чую мягкотелость всюду. Все вокруг превращается в один большой пригород, технопарк, молл. Слишком много развития. Люди стали изнеженными. Они забывают, что этот штат много-много лет вытесывался из дикой природы. Никто ничего не вытесывает.

МИСТЕР ОБСТАТ: В ваших словах есть правда, шеф.

ГУБЕРНАТОР: Нам нужна дикость.

МИСТЕР ЛАНГБЕРГ и МИСТЕР ОБСТАТ: Дикость?

ГУБЕРНАТОР: Джентльмены, нам нужна пустыня.

МИСТЕР ЛАНГБЕРГ и МИСТЕР ОБСТАТ: Пустыня?

ГУБЕРНАТОР: Пустыня, джентльмены. Точка дикого отсчета для добропорядочных огайцев. Территория страха и любви. Разоренный регион. Чтобы помнили, из чего мы вытесаны. Место без моллов. Другой для огайского «я». Кактусы, скорпионы, палящее солнце. Запустение. Место, где хорошо бродится в одиночку. Размышляется. Вдали от всего. Пустыня, джентльмены.

МИСТЕР ОБСТАТ: Шеф, идея – супер.

ГУБЕРНАТОР: Спасибо, Нил. Джентльмены, прошу любить и жаловать: мистер Эд Рой Янси из далласской компании «Промышленный дизайн пустынь». Они сделали Кувейт.

МИСТЕР ЛАНГБЕРГ: Слушайте, в Кувейте наверняка полно пустынь.

МИСТЕР ЯНСИ: А то ж, Джо, и мы уверены, что обеспечим вас, парни, реально первосортной пустыней прямо здесь, в Огайо.

МИСТЕР ОБСТАТ: Цена вопроса?

ГУБЕРНАТОР: Приемлемая.

МИСТЕР ЛАНГБЕРГ: Где разместим?

³⁰ *Zusatz* (нем.) – дополнение, примесь, загрязнение. В нашей реальности губернатором Огайо в 1972 году был Джон Дж. Гиллиган.

³¹ *Nihil obstat* (лат.) – букв. «ничто не препятствует», у католиков официальная декларация цензора о том, что в данном богословском труде отсутствуют положения, противоречащие церковной доктрине.

МИСТЕР ЯНСИ: В общем, джентльмены, мы с губернатором посоветовались, и, если вы отвлекетесь на секунду на эту карту, вот тут...

МИСТЕР ОБСТАТ: Узнаю Огайо.

МИСТЕР ЯНСИ: Мы наметили местечко на юге вашего великого штата. Прямо где-то... тут. То есть от сих до сих. Двести пятьдесят квадратных километров.

МИСТЕР ОБСТАТ: Вокруг Колдуэлла?

МИСТЕР ЯНСИ: Ну.

МИСТЕР ЛАНГБЕРГ: Там же кое-кто живет, нет?

ГУБЕРНАТОР: Переселение. Право на отчуждение. Пустыня не знает жалости. Часть концепции.

МИСТЕР ЛАНГБЕРГ: Там же еще рядом Уэйнский национальный лес ³²?

ГУБЕРНАТОР: Уже нет.

(Мистер Лангберг присвистывает.)

МИСТЕР ОБСТАТ: Эй, моя мать живет как раз под Колдуэллом.

ГУБЕРНАТОР: Что, Нил, задело за живое? Часть концепции. Концепция должна задевать за живое. Вытесывание, Нил, – это насилие. Мы собираемся вытесать дикость из мягкого подбрюшья нашего штата. За живое заденет капитально.

МИСТЕР ЛАНГБЕРГ: Это дело вас увлекло не на шутку, да, шеф?

ГУБЕРНАТОР: Джо, меня никогда и ничто так не увлекало. Это то, что нужно нашему штату. Сердцем чую.

МИСТЕР ОБСТАТ: Вы войдете в историю, шеф. Обретете бессмертие.

ГУБЕРНАТОР: Спасибо, Нил. Я просто чую, что так оно правильно, и, когда мы с мистером Янси посоветовались, запал конкретно. Полторы сотни километров ослепительно белопесочного ничто. По краям, понятно, рыбопромысловые озера, чтоб люди рыбачили...

МИСТЕР ЛАНГБЕРГ: Почему белопесочного, шеф? Почему не, скажем, чернопесочного?

ГУБЕРНАТОР: Развей мысль, Джо.

МИСТЕР ЛАНГБЕРГ: Ну, слушайте, если суть в том, что это вроде как контраст, другость, разоренность, если позволите, зловещесть? Я ощущаю эту штуку как зловещесть.

ГУБЕРНАТОР: Зловещесть в самый раз, отлично.

МИСТЕР ЛАНГБЕРГ: Ну, Огайо – довольно белый штат: дороги белые, люди в общем и целом белые, солнце у нас довольно яркое... Разве может быть контраст круче, чем сто пятьдесят километров черного песка? Такая-то зловещесть. А черный песок еще и тепло поглощает куда лучше. Жарче некуда, усиление аспекта разоренности.

ГУБЕРНАТОР: Мне нравится. Эд Рой, что думаешь? Живут кактусы и скорпионы в черном песке?

МИСТЕР ЯНСИ: Вообще не вижу проблемы.

МИСТЕР ОБСТАТ: А стоит черный песок сколько?

МИСТЕР ЯНСИ: Ну, может, чуток дороже. Поговорю с нашими песочниками. Но, думаю, я могу уже сейчас заверить, что в контексте проекта это осуществимо.

ГУБЕРНАТОР: По рукам.

МИСТЕР ЛАНГБЕРГ: Когда приступаем?

ГУБЕРНАТОР: Немедленно, Джо. Вытесывание по своей природе резко и насильственно.

³² Национальный лес – в США вид федеральной земли, принадлежащей стране (а не штату) и управляемой напрямую Министерством сельского хозяйства. Уэйнский национальный лес расположен в округе Уэйн, это единственный такой лес в Огайо.

МИСТЕР ОБСТАТ: Шеф, позвольте сказать: я в восхищении. Примите мои поздравления, говорю как человек человеку и гражданин – губернатору.

ГУБЕРНАТОР: Спасибо, Нил. Беги звони мамочке, чувак.

МИСТЕР ОБСТАТ: В точку.

МИСТЕР ЛАНГБЕРГ: Шеф, а что с названием?

ГУБЕРНАТОР: Название? Типично блестящий вопрос, Джо. Я и не подумал об этой проблеме.

МИСТЕР ЛАНГБЕРГ: Можно предложение?

ГУБЕРНАТОР: Валяй.

МИСТЕР ЛАНГБЕРГ: Гигантская Огайская Супер-Пустыня Образцового Дизайна.

ГУБЕРНАТОР: Гигантская Огайская Супер-Пустыня Образцового Дизайна.

МИСТЕР ЛАНГБЕРГ: Да.

ГУБЕРНАТОР: Джо, имечко супер. Снимаю шляпу. Ты опять на высоте. Великолепно. Выражает размер, запустелость, величие и сообщает, что мы в Огайо.

МИСТЕР ЛАНГБЕРГ: Не слишком нахальное?

ГУБЕРНАТОР: Ничуть. Всё по концепции, тютелька в тютельку.

МИСТЕР ОБСТАТ: Я тоже снимаю перед тобой шляпу, Джо.

МИСТЕР ЯНСИ: Чертовски крутое название, Джо.

ГУБЕРНАТОР: Мы всё обговорили. Концепт. Пустыня. Цвет. Имечко. Осталось только вытесать.

МИСТЕР ЯНСИ: Так давайте этим займемся.

5. 1972

/a/

Положим, кто-то сказал бы мне десять лет назад, в Скарсдейле, или в электричке, положим, мой ближайший сосед, Рекс Металман, корпоративный бухгалтер с невероятно аппетитной дочерью, положим, когда газомания еще не взяла его в клещи самым серьезным образом, включая ночную военизированную караульную службу на слепящем садовом тракторе, и еженедельные самолетные грузы ДДТ, каплющие с небес в поисках, надо думать, единственного гнездовья луговых мотыльков, и абсолютную неколебимость перед лицом одного и даже всех соседей, разумно и поначалу вежливо просивших унять, ну хотя бы географически, боевые действия против сонмища потенциальных врагов газона, на которых, на действиях, он заикнулся, прежде чем всё перечисленное вобьет клин размером с пакет «Скоттса»³³ в нашу теннисную дружбу, положим, Рекс Металман пофантазировал бы тогда в моем присутствии, что десять лет спустя, то есть сейчас, я, Рик Кипуч, буду проживать в Кливленде, штат Огайо, между биологически мертвым и ужасно оскорбительно пахнущим озером и искусственной пустыней за миллиард долларов, что я буду в разводе с женой и физически дистанцирован от взросления собственного сына, что я буду руководить компанией в партнерстве с человеком-невидимкой, почти стандартным, как теперь вроде бы понятно, юридическим лицом, заинтересованным в убытках с целью уменьшения налогов, фирмой, издающей нечто, быть может, чуть более смешное, чем ничто, а на вершине этой горы немислимого взгромоздится тот факт, что я буду влюблен, пошло, и жалко, и люто, и беззаветно влюблен в человека на восемнадцать, только вообразите, восемнадцать лет моложе меня, в женщину из семейства кливлендских первопоселенцев, живущую в городе, которым владеет ее отец, но на работе отвечающую на звонки за что-то порядка четырех долларов в час, в женщину, форма одежды которой, белое хлопковое платье и черные конверсы с высокими голенищами, неанализируема и тревожно постоянна, в женщину, принимающую где-то, я подозреваю, от пяти до восьми душей в день, работающую по неврозу, как китобой по китовому усу, живущую с шизофренически нарциссическим попугаем и стервозной подружкой, почти определенно нимфоманкой, и обретающую во мне, где-то, но никто не знает где, совершенного любовника... положим, все это сообщил бы мне Рекс Металман, в режиме диалога перегнувшись со своим огнеметом через заборчик между нашими участками, а я стоял бы с граблями в руке, положим, Рекс сказал бы мне все это, и я бы почти наверняка ответил, что правдоподобие *всего этого* примерно равно по вероятности тому, что юный Вэнс Кипуч, в то время восьми лет от роду и в свои восемь в иных аспектах более мужчина, нежели я, что этот юный Вэнс, который, пока мы вот так стояли бы, на заднем плане пинал бы футбольный мяч³⁴ то в холодное осеннее небо, то в окно, и его смех вечно отражался бы эхом от сплотки разноцветных пригородных деревьев, что дюжий Вэнс в итоге окажется... *гомосексуалом*, ну или чем-то равно маловероятным, несообразным, из разряда «абсолютно исключено».

Теперь небеса оглашаются злорадными смешками. Ныне, когда стало неоспоримо очевидным, даже мне, что мой сын наполняет слова «плод моих чресл» целыми полями новых значений, когда я здесь, и деятельно делаю то, что делаю, когда мне есть что делать, когда я чувствую сквозняк в пустоте, и опускаю глаза, и вижу дырку в груди, и тайком гляжу, как в открытой полиуретановой сумочке Линор Бидсман среди аспирина, брусочков гостиничного

³³ *Scotts* – торговая марка гербицида, продающегося в пакетах размерами примерно 40×30×10 см.

³⁴ Здесь и далее речь об американском футболе, в который играют овальным мячом.

мыла, лотерейных билетов и глуповатых книжек вообще ни о чем сжимается багровый кулак моего личного особенного сердца, – что мне сказать Рексу Металману, Скарсдейлу, луговым мотылькам и прошлому, кроме того, что оно не существует, что его вычеркнули, что мячи уже не взмывают в прозрачное небо, что мои алименты растворяются в черной пустоте, что человек может и должен переродиться, и перерождается, в какой-то момент, а может, даже и моменты? Рекс был бы в замешательстве и, как всегда, когда он бывал в замешательстве, скрыл бы тревогу, взрывая территорию газона. Я бы стоял себе с хладными граблями в руке, зная то, что знаю, под дождем из грязи, травы, мотыльков, и качал головой, адресуясь всему вокруг.

Но кто же эта девушка, которая мной владеет, которую я люблю? Отказываюсь спрашивать или отвечать, кто она. *Что* она? Узкоплечая, тонкорукая, пышногрудая девушка, длинноногая девушка со ступнями больше средних, ступнями, что чуть выделяются, когда она вышагивает... в своих черных баскетбольных кедах. Я сказал «тревожно»? Это обувь, в которую я влюблен. Исповедаюсь: однажды, в миг заведомо безответственной деградации, я попытался заняться любовью с одним из этих кед, «Все звезды 1989», высокое голенище, когда Линор была в душе, но не сумел довести дело до оргазма, по тем же обычным причинам.

Но что же Линор, что ее волосы? Это такие волосы, которые изначально и сами по себе как бы любого цвета – светлые, рыжие, иссиня-черные и ореховые, – но предлагают внешний оптический компромисс и казались бы всего лишь уныло-каштановыми, если б не зажигательные искорки, едва уловимые краем глаза. Она носит челку, а боковые пряди изгибаются вдоль Линориных щек и местами почти встречаются под подбородком, как хрупкие жвалы хищного насекомого. О, волосы могут кусать. Меня волосы кусали.

И ее глаза. Не могу сказать, какого цвета глаза Линор Бидсман; я не в силах смотреть на них; они для меня – солнце.

Они голубые. Ее губы полные и красные, с тенденцией к влажности, и не просят, но прямо требуют, надувшись жидким шелком, их целовать. Я целую их часто, признаю, это моя страсть, я любитель целоваться, а поцелуй с Линор – это, позволю себе порассуждать немного, не столько поцелуй, сколько передислокация, извлечение и грубое перемещение сути себя на губы, иначе говоря, это не два человеческих тела сходятся и делают обычные штуки губами – нет, это два комплекта губ, соединившись и состыковавшись с начала постскарсдейлской эпохи, достигают полного онтологического статуса лишь в последующем союзе, а за и под губами, пока они сводятся и сплавляются в одно, еле успевают два уже откровенно лишние физических тела: свисают по краям поцелуя, словно утомленные стебли перецветшей флоры, волочат ботинками по земле, пустая шелуха. Поцелуй с Линор – сценарий, в котором я намазанными подошвами скольжу по влажному катку нижней губы, укрытой от непогоды мокрым теплым перехлестом верхней, чтобы наконец вкрасься меж губой и десной, и потянуть губу на себя, как ребенок одеяло, и через нее уставиться неприветливыми глазами-бусинками на мир, внешний относительно Линор, частью которого я более быть не желаю.

То, что я должен при итоговом анализе оставаться частью мира, внешнего относительно и отличного от Линор Бидсман, для меня – источник жуткой тоски. То, что другие способны обитать глубоко-глубоко внутри любимых и пить из мягкой чаши у сливочного озера в центре Объекта Страсти, в то время как я вечно обречен лишь предощущать наличие глубинных тайников, а сам только и могу, что сунуть нос, типа как бы, в вестибюль Великих Чертогов Любви, кратко возбуждаться и суетно толочься на половике, огорчает меня в высшей степени. Но что Линор находит такие мелкие безумства, такие беседы сразу за Входной Дверью Единения не просто приятной мимолетной забавой, но чем-то несомненно правильным, убажывающим, значительным и в каком-то смысле чудесным, позволяет мне, что весьма логично и совсем неудивительно, проникнуться схожим ощущением, расширяет понимание забав и меня, заставляет спешить по дорожке к этой самой Входной Двери в лучшем спортивном пиджаке и цветком в петлице, в школярском восторге, снова и снова, толкает вприпрыжку бежать ко входу в пещеру

в рубашке из леопардовой шкуры, авек³⁵ дубинка, мычанием испрашивать позволение войти и обещать абстрактное надирание задницы, если мне как-либо воспрепятствуют.

Мы повстречались, как ни странно, не в Центре Бомбардини, а у двери кабинета психотерапевта, жилетку которого мы, как выяснилось, делим, доктора Кёртиса Джея, хорошего мужика, но чудика и вообще, как мне начинает казаться, никудышного психотерапевта, не хочу сейчас о нем говорить, ибо немало уязвлен его свежайшей и нелепейшей трактовкой конкретного сна, который в последнее время повторяется и ужасно меня тревожит, в этом сне есть королева Виктория, мастерство манипуляции и мыши – любой сколь-нибудь разумный человек поймет, что это, конечно же, по сути своей эротическое сновидение, однако доктор Джей надоедливо настаивает, что речь не об эротической фиксации, а о явлении, которое он именуется «гигиенической тревожностью», что я раз и навсегда отвергаю вместе со всей заикленностью Джея на гигиене Блентнера, которую он, думаю, на каком-то уровне и потырил из Линориного личного колодца невротического катексиса³⁶ и добавил в тот же колодец; я почти уверен, что так и было, поскольку одно из подкупающих свойств доктора Джея, оно же основная причина, почему я хожу к нему, невзирая на громадь признаков полнейшей некомпетентности, – то, что, понятия не имея об этике, этот неисправимый болтун рассказывает мне все, что Линор рассказывает ему. Вообще.

Мы с Линор познакомились в приемной доктора Джея, я скрипуче покидал кабинет, она ждала в другом матерчатом гусеничном кресле, в ниспадающем белом одеянии и черных конверсах, читала, положив лодыжку на колено. Я вспомнил, что видел ее в коммутаторной, больше того, тем утром она вручила мне газету, и вследствие обстановки смутился, ну а Линор, о, теперь-то я знаю, как это по-линорки, – ничуть. Она поздоровалась и назвала меня «мистер Кипуч», и сказала, что надеется, нам вскоре будет что издавать, она мозжечком чувствует, что будет. Она сказала «мозжечком». Она сказала, что ходит к доктору Джею, в основном чтобы справиться с дезориентацией, спутанной идентичностью и потерей контроля, и я в какой-то мере мог ее понять, ибо знал: она – дочь владельца «Продуктов детского питания Камношифеко», одного из весьма лидирующих и, если позволите, в моем понимании порочных предприятий Кливленда, которое просто не может не оказывать угнетающего и безусловного влияния на жизнь всякого, кто так или иначе связан с его кормилом. Припоминаю, в тот момент ее механическое кресло на гусеницах повиновалось сигналу двинуться в кабинет доктора Джея – чье пристрастие к бесполезным устройствам могло бы, я убежден, более чем заинтересовать его коллег, – и мы попрощались. Я взглянул на ее шею, исчезавшую в Джеевом логовище, отстегнулся от дурацкого потешного аппарата, вышел на ветер бурого озера, и на душе моей было отчего-то легко.

Как всё развивалось потом? Я имею в виду по большей части не обособленные события, не историю, но монтаж, под некую музыку, и не рубленый или бравурный монтаж типа «Боец Готов К Большому Бою», а нечто мглистое, журчащее, «Рик Кипуч Лелеет Слепую Влюбленность В Ровесницу Своего Сына И Готовится Вновь И Вновь Оказываться В Дураках», движущуюся акварель, на которую проецируется в еще более размытых цветах призрачная сцена: мы с Линор бежим навстречу друг другу в замедленной съемке сквозь бледный желатин наших взаимных комплексов и разного рода тревог.

Я вижу, как ежеутренне принимаю газету «Честный Делец»³⁷ из рук Линор через стойку коммутатора, краснея и терпя смешки Кэнди Мандибулы и миз Прифт – я презираю обеих. Я вижу, как ищу Линор в приемной доктора Джея, однако ее время никогда не совпадает с

³⁵ *Avec* (фр.) – с (чем-то).

³⁶ *Катексис* – в психоанализе возрастание интенсивности бессознательных психических процессов, интерес, внимание, эмоциональный вклад. Греческий термин ввел в оборот переводчик трудов Фрейда на английский, не найдя аналога обиходному немецкому слову *Besetzung*.

³⁷ *The Plain Dealer* – самая популярная ежедневная газета Кливленда. Издается с 1842 года.

моим, и вот я плюхаюсь в кресло, и оно едет, неспешно и шумно, в Джеев кабинет. Я вижу, как по ночам в своей постели, в своей квартире, совершаю двумя пальцами Ритуал Утешения, а над моей головой уже плывут киногрезы, в которых начинает преобладать конкретная текущая, хищновласая, обутая в черные кеды фигура. Я вижу, как ерзаю в кресле в кабинете доктора Джея, желая спросить о Линор Бидсман, излить интимные эмоции, но пока еще не могу и чувствую себя идиотом, а Джей, пригладив надушенным платочком моржовые усищи, глубокомысленно трактует мое смятение и отчаяние как знаки близящегося «прорыва» и понуждает удвоить число еженедельных визитов.

Наконец, я вижу, как сыт по горло происходящим, не способен сосредоточиться на работе в компании, не способен сделать ничего полезного для «Обзора», который и правда требовал, слава богу, тяжкого труда. И я вижу, как однажды, будто смешное, прячущееся, подглядывающее дитя, таюсь за мраморной колонной, в пределах хрусткой досягаемости челюстей тени Эривью, в холле Центра Бомбардини, выжидая, когда Юдифь Прифт внемлет очередному из множества каждодневных позывов невозможно тугого мочевого пузыря. Я вижу, как настигаю Линор Бидсман в клаустрофобной кабинке, когда Прифт уходит. Я вижу, как Линор, глядя на мое приближение, улыбается. Я вижу, как исчерпываю разговор о погоде, затем осведомляюсь у Линор, не желает ли она выпить со мной после работы. Я вижу столь редкую в своей жизни возможность с выгодой использовать в описании слово «обескураживаться». Я вижу, как Линор моментально обескураживается.

– Я вообще-то не пью, – говорит она через секунду, вновь упреив взгляд в книгу.

Я чувствую, что поплыл.

– Вы не пьете в принципе никаких жидкостей? – спрашиваю я.

Линор глядит на меня и медленно улыбается. Мягкий изгиб влажных губ. Именно так. Я борюсь с желанием ринуться головой в каньон прямо в холле.

– Я пью жидкости, – признаёт она после паузы.

– Прекрасно. Какую именно жидкость вы предпочитаете?

– Имбирный эль – замечательная жидкость, мне всегда так казалось, – говорит она смеясь. Мы оба смеемся. У меня лютая и болезненная эрекция, которая, благодаря одному из малого числа преимуществ моей физиологии, не становится даже потенциальным источником смущения.

– Я знаю чудесное местечко, где имбирный эль подают в тонкостенных стаканах с крошечными трубочками, – говорю я. Имея в виду бар.

– Суперически.

– Отлично.

Я вижу нас в баре, слышу пианино, которого не слышал тогда, чувствую, что чуть захмелел, видимо, с полстакана «Канадского Клубного»³⁸, разбавленного дистиллированной водой, мне срочно надо пописать, и не успеваю я вернуться, как мне надо пописать снова, и тоже срочно. Я вижу близкие губы Линор, объявшие крошечную короткую трубочку в имбирном эле с такой естественной непринужденностью, что у меня трепещут большие мышцы ног. Мы созданы друг для друга. Я вижу, как узнаю все о Линор, как Линор в бесценно редкий момент беззастенчивости рассказывает мне о жизни, которую, теперь я это знаю, она в каком-то смысле перестанет считать своей.

У Линор есть сестра и два брата. Ее сестра замужем за перспективным менеджером «Камношифеко» и смутно связана с индустрией соляриев. Один брат – ученый в Чикаго, с ним не все в порядке. Один брат скоро окончит первый курс в Амхёрстском колледже, что в Амхёрсте, штат Массачусетс. [Я, Рик Кипуч, упомяну здесь, что учился в Амхёрсте.] Какое совпадение, сказал я, я тоже учился в Амхёрсте. Божечки, сказала Линор. Помню, как челюсти ее волос

³⁸ *Canadian Club* – марка виски.

ласкали трубочку, пока она тянула имбирный эль из высокого матового стакана. Да, сказала она, ее брат учился в Амхёрсте, ее отец учился в Амхёрсте, ее сестра училась в Маунт-Холиоок, совсем близко отсюда [уж как я это знал] ее дедушка учился в Амхёрсте, ее прадедушка учился в Амхёрсте, ее бабушка и прабабушка – в Маунт-Холиоок, в двадцатых годах ее прабабушка училась в Кембридже, где ей читал лекции Витгенштейн, у нее сохранились конспекты.

Который брат учился в Амхёрсте?

Ее брат Ля-Ваш³⁹.

В каком колледже учился другой брат? Как зовут другого брата? Не желает она еще один имбирный эль, с крошечной трубочкой?

Да, было бы здорово, его зовут Джон, на самом деле другого брата зовут Камношифр, но он называет себя Ля-Ваш, это его второе имя и девичья фамилия матери. Джон, самый старший, вообще-то не учился в колледже, он получил докторскую степень в Чикагском универе, в младших классах доказал что-то до той поры недоказуемое, посредством мелка из набора мелков Линор, в блокноте с Бэтменом, и потряс всех до невозможности, и через несколько лет стал доктором наук, так и не прослушав ни одной лекции.

Это тот, с которым теперь не всё в порядке.

Да.

Надеюсь, это не что-то серьезное.

К сожалению, это кое-что весьма серьезное. Он в своей комнате, в Чикаго, не может видеть никого, кроме пары человек, у него проблемы с приемом пищи. Линор не хочет об этом говорить, сейчас – точно нет.

Ну а где училась сама Линор, училась ли Линор в Маунт-Холиоок?

Нет, Маунт-Холиоок показался ей не очень, она училась в Оберлине, маленьком смешанном колледже к югу от Кливленда. Там учился и муж ее сестры. Через месяц будет два года, как Линор закончила колледж. А я учился в Амхёрсте?

Да, я учился в Амхёрсте, выпуск 69-го, сразу же защитил магистерскую по английской литературе в Колумбийском, устроился в издательство «О’Хота и Клевок» на Мэдисон-авеню в Нью-Йорке.

Это большая компания.

Да. И по доселе неизвестным причинам я добился там успеха. Заработал для издательства неприлично много денег, вознесся на головокружительные редакторские высоты, зарплаты стало почти хватать на жизнь. Я женился на Веронике Клевок. Переехал в Скарсдейл, штат Нью-Йорк, откуда до самого Нью-Йорка рукой подать. У меня сын. Ему восемнадцать.

Восемнадцать?

Да. Мне, вообще говоря, сорок два. Я, кстати говоря, еще и разведен.

Вам не дашь сорок два.

Вы так милы. Я тут ерзаю, потому что вспомнил, что надо срочно позвонить, это по работе.

Я вернулся. Сделал кучу коротких звонков. К слову, она давно хотела спросить: а кто такой Част в компании «Част и Кипуч»?

Это не очень ясно. Монро Част, я знаю, баснословно богатый суконщик и придумщик. Он придумал бежевый выходной костюм. Он придумал эту штуковину, которая звенит, когда машина трогается, а кто-то не пристегнут. Теперь он, понятно, затворник. Со мной связался его представитель в спортивных солнцезащитных очках. Интерес к издательскому делу. Вне Нью-Йорка и окрестностей. Смело, ново. Огромные инвестиции. Полноправное партнерство для меня. Зарплата куда больше обычной для отрасли. Если предположить, и это логично, что

³⁹ *La vache* (фр.) – корова.

наш Част – это Монро Част, тогда становится ясно, что «Част и Кипуч» – всего лишь пошлое уклонение от налогов.

Ну и ну.

Да. Единственный реальный плюс для меня – возможность запустить собственный ежеквартальный. Литературный. Восторженное согласие с условием. Начинание разом узаконит всё предприятие, с точки зрения Часта.

«Частобзор»?

Да. В прошлом году продавался неплохо.

Хороший журнал.

Вы так добры.

Есть еще заказы «Норслана».

Да, если издание односложной пропаганды, расхваливающей добродетели явно неэффективного и канцерогенного пестицида, с целью распространения оной в среде размягченных взятками бюрократов третьего мира можно считать заказами, есть еще заказы «Норслана». А кой черт понес ее работать телефонисткой?

Ну, ей, само собой, нужны деньги на еду. Ее лучшая подруга, Мандибула, она тоже училась какое-то время в Оберлине, работает телефонисткой. Эт цетера.

Почему она не работает в «Камношифеко» за несомненно большие деньги и, как следствие, большее количество еды?

Еда – не проблема. Ей кажется, что она весьма недостаточно контролирует свою жизнь. Работа в «Камношифеко», как и жизнь с отцом и ее старой гувернанткой в доме в Шейкер-Хайтс, только локализовали и усилили бы чувство беспомощности, потерю личной волевой действенности. Я слышу, как я слушаю голос доктора Джея. Я вижу, как бью в барабан своей храбрости палочкой для помешивания коктейля и пытаюсь прижать колено к Линорину под крошечным столиком из ДСП, и нахожу, что ее ног там нет. Я произвожу подстольную разведку ногой, но ее ног там нет вообще. Мне безумно интересно, где же они.

Я разьясняю собственную неспособность понять это чувство отсутствия контроля. Да, все мы имеем дело и миримся с жизнью, многие свойства которой не контролируем. Это часть существования в мире, полном иных людей с иными интересами. Я вновь близок к тому, чтоб обмочиться.

Нет, тут другое. Столь общее чувство не порядка – не проблема. Локализованное чувство – вот проблема. Ощущение, что она не контролирует свои личные суждения, действия и воления.

Что такое «контроль»?

Кто знает.

Это что-то из религии? Кризис детерминизма? У меня когда-то был друг...

Нет. Детерминизм сгодился бы, сумеет она почувствовать, что детерминируема чем-то объективным, безличным, что она – лишь крошечная деталька огромного механизма. Не чувствуй она, что ее будто бы используют.

Используют.

Да. Будто бы у всего, что она делает, говорит, ощущает и думает, есть какая-то... функция за пределами нее.

Функция. Сигнал тревоги. Все-таки доктор Джей. Заговор?

Нет, не заговор, конечно, не заговор, она неясно выразилась. Когда она качает головой, кончики ее волос маятниками раскачиваются под подбородком. Простите, у меня салфетка упала под стол. Я такой неуклюжий. Ее ноги на месте, просто компактно упрятаны под стул, лодыжки скрещены. Сигнал сигналом, сперва я хочу добраться до ее лодыжки, ну а писать – потом.

Нет, ей просто кажется – иногда, прошу заметить, не все время, но в яркие и отчетливо ясные моменты, – что она в действительности не существует, если не считать того, что она говорит, делает, ощущает эт цетера, и что все это, сдается ей в такие моменты, она реально не контролирует. Никакой ясности.

Хм-м-м.

Давайте сменим тему? Скажем, почему я хожу к доктору Джею?

А, это просто ориентирование в снах, общие разговоры по душам. Я типа отвлеченно интересуюсь всем этим анализом, правда. Мои проблемы, все без исключения, мелкие. Пока они вряд ли стоят обсуждения. Я хожу именно к Джею, потому что он нравится мне меньше любого из [очень многих] кливлендских клиницистов, с которыми я говорил по душам. Я почему-то думаю, что атмосфера антагонизма в этом деле – ключевая. Линор тоже? Нет, Линор направил к Джею врач, друг семьи, древний дружок прабабушки, врач, к которому Линор обратилась насчет постоянного носового кровотечения. С тех пор она к Джею и ходит. Джей ее раздражает, но и очаровывает. А меня он очаровывает? Вообще-то я хожу к нему просто кататься на креслах; эти кресла такие славные. Раскрепощают.

Кресла. Она обожает резкое лязгающее подергивание, когда цепь тащит ее по тропе к Святилищу. Как-то они с братом и гувернанткой ездили на ярмарку и катались на американских горках, которые вначале точно так же дергались и лязгали. Иногда, въезжая в кабинет Джея, она почти ожидает такого же, как на американских горках, крутого нырка. [Всё будет.] В другой раз они с сестрой Кларисой ездили на ярмарку штата в Колумбус, потерялись в Зеркальном Лабиринте, и у Кларисы украл кошелек человек, до последнего притворявшийся отражением. Страшно было до чертиков.

Чем занимается ее мать?

Зависает, более-менее, в Висконсине.

Ее родители разведены?

Не совсем. Может, пойдем? Ей утром на работу, вручать мне газету, в конце концов. Как-то вдруг очень поздно. Она обедала, может, она хочет есть? Имбирный эль на удивление питателен. Ее машина в мастерской, дроссель не в порядке. Утром она приехала на автобусе. Ну ладно. У нее новенький автомобильчик от «Мэттел», они еще производят «Огненные Колеса»⁴⁰. Только чуть больше обычного. Реально больше игрушка, чем машина. И так далее.

Я вижу, как мы едем по сумасшедшей кривизне Внутреннего кольца Южного шоссе I-271 в направлении Восточного Коринфа. Я вижу, как в машине Линор сидит, сдвинув коленки и отведя их в сторону, мою, и я касаюсь ее коленки тыльной стороной ладони, переключая передачи.

С моим желудком, я вижу, катастрофа. Я вижу, как высаживаю Линор, как мы стоим на крыльце огромного серого дома, в мягкой тьме апрельской ночи кажущегося черным, дома, говорит Линор тихо, принадлежащего челюстно-лицевому хирургу, который сдает две комнаты ей с Мандибулой и одну – девушке, работающей с сестрой Линор в «Пляж-Загаре». Линор живет с Мандибулой. Я вижу, как она говорит мне спасибо за имбирный эль и за то, что подвез. Я вижу, как наклоняюсь, делаю выпад в сторону хрустящего белого воротничка ее платья и целую ее прежде, чем она успевает сказать спасибо. Я вижу, как она пинает меня в колено, прямым в коленный нерв, кедом, который оказывается на удивление тяжелым и твердым. Я вижу, как визжу, и хватаюсь за колено, и тяжело плюхаюсь на ступеньку крыльца, оцетинившуюся гвоздями. Я вижу, как вою и хватаюсь одной рукой за колено, а другой за ягодицы, и лечу прямым в пустую клумбу с мягкой весенней землей. Я вижу, как Линор садится рядом на колени – ей очень жаль, она не понимает, что на нее нашло, я ее ошеломил, она была ошеломлена, блин, что она наделала. Я вижу себя с землей в носу, я вижу, как зажигается свет в

⁴⁰ Hot Wheels – торговая марка Mattel, под которой выпускаются литые модели автомобилей в масштабе 1:64.

сером доме, в других домах. Я кошмарно чувствителен к боли и практически реву. Я вижу, как Линор вбегает в дом челюстно-лицевого хирурга. Я вижу, как моя машина кренился все ближе и ближе, пока я очумело прыгаю к ней на одной ноге. Я убежден, что слышу откуда-то сверху голос Кэнди Мандибулы.

Я понял, что люблю Линор Бидсман, когда назавтра она не пришла на работу. Мандибула, выпучив глаза, сообщила мне, что Линор сочла себя уволенной. Я позвонил домовладельце, жене хирурга, девяностокилограммовой рожденной свыше фанатичке, потрясающей Библией⁴¹. Попросил ее сообщить Линор, что никто никого не уволил. Принес Линор извинения. Ей было ужасно неловко. Мне было неловко. Ее начальница, заведующая коммутатором Валинда Пава и правда хотела ее уволить, якобы за прогул. Линор Валинде не нравится из-за привилегированной семьи. Я – начальник Валинды. Я ее успокоил. Линор стала вручать мне газету, как раньше.

Где ты теперь?

Ибо потом настала волшебная ночь, ночь волшебства, нерасказуемая, когда сердце мое наполнилось жаром, и ягодицы мои исцелились, и я в пять с чем-то покинул офис в трансе, спустился на первый этаж как по проволоке, увидел на той стороне темного пустого каменного холла Линор в ее кабинке, одну, в тот момент обесприфтенную, за книгой, и коммутатор, как обычно, молчал. Я скользнул по гнетуще затененному холлу и вплавился в сияние белой настольной лампы крошечной кабинки, лампы за спиной Линор. Она взглянула на меня, улыбнулась, вернулась к книге. Она не читала. В гигантском окне высоко над кабинкой тонкое копьё оранжево-бурого кливлендского заката, спасенное и искривленное на миг любезным химическим облаком по-над чернотой Эривью, светом маяка пало на нежный сливочный сгусток прямо под правым ухом Линор, на ее горле. Я в трансе склонился и мягко прижался губами к этому пятнышку. Внезапное гудение консольного механизма было биением моего сердца, перекочевавшего в Линорину сумочку.

И Линор Бидсман медленно подняла правую руку и коснулась ею моей шеи, бережно нежа мягким робким теплом правую сторону челюсти и щеки, удерживая меня длинными пальцами с тусклыми обкусанными ногтями у своего горла, лаская, склонив голову влево, чтобы я ощутил на губах слабое громыхание артерии. В тот момент я жил – истинно, всецело и впервые за очень долгое время. Линор сказала: «“Част и Кипуч”», – в трубку, она держала ее левой рукой, глядя в надвигающийся мрак. Волшебство ночи было в том, что волшебство продлилось. Вернусь к работе.

/б/

– «Част и Кипуч». «Част и Кипуч».

– Миз Бидсман?

– Да?

– Дэвид Блюмкер.

– Мистер Блюмкер!

– Миз Бидсман, вы же работаете в... *издательстве* «Част и Кипуч», верно?

– Да, а почему?..

– Боюсь, я только что звонил по вашему номеру и говорил с юной дамой, предложившей мне заплатить за причинение боли мне же.

⁴¹ *Рождение свыше* – в христианстве действие Бога в раскаявшемся грешнике, преобразующее и спасающее душу. Протестанты, особенно евангельские христиане, считают, что рождение свыше не связано с крещением, отсюда – евангелическое движение рожденных свыше, популярное в США.

- У нас ужасно путаются телефонные линии, ну и всё. Скажите, а вы?..
- Нет, к сожалению, нет. Прибавились, как мы обнаружили, один ненаходимый жилец и один работник заведения.
- Простите?
- Двадцать шесть пропавших, уже.
- Ого.
- Вам удалось связаться с вашим отцом, миз Бидсман?
- Его линия занята. Он много говорит по телефону в офисе. Я как раз хотела попытаться еще раз. Скажу, чтобы он вам перезвонил, обещаю.
- Спасибо большое. И вновь позвольте, пожалуйста, сказать, что мне очень жаль.
- Да, вперед.
- Прошу прощения?
- Слушайте, у меня тут, я вижу, второй звонок. Я переключусь. Созвонимся.
- Спасибо.
- «Част и Кипуч».
- Что на вас... надето?
- Простите?
- Вы одеты... теплее обычного, скажем так?
- Сэр, это издательство «Част и Кипуч». Вы звоните в кливлендское отделение «Набери любимую»?
- Ой. Ну – да. Как неловко.
- Всё в порядке. Я могу дать вам номер, но не факт, что он работает.
- Погодите-ка. Как вы насчет подрючить?
- До свидания.
- Щелк.
- Ну и денек...
- «Продукты детского питания Камношифеко».
- Офис президента, пожалуйста, это Линор Бидсман.
- Один момент.
- ...Ну хоть не занято.
- Офис президента, Пенносвист слушает.
- Сигурд. Линор.
- Линор. Как делишки?
- Могу я поговорить с отцом?
- Невозможно.
- Срочно.
- Не здесь.
- Вот же, дерьмецо на *веточке*.
- Прости.
- Слушь, это очень срочно. Меня попросили, чтобы он сразу перезвонил. Семейное дело.
- Линор, он сейчас вообще недоступен.
- Где он?
- Ежегодный саммит с Гербером. Август же.
- Елки.
- Бодается с кривой спроса на фруктово-сливочный.
- Сигурд, это может быть буквально вопрос жизни и смерти.
- Он без телефона, милая. Ты же знаешь правила. Гербер же.
- Долго?
- Не знаю. От силы пару дней, может, три.

- Где они?
- Говорить не велено.
- *Сигурд*.
- Корфу. Какое-то глухое, богом забытое местечко на Корфу. Больше ничего не знаю. Меня убьют, если он просечет, что я тебе сказал. Меня закатают в тысячу банок пюре из ягнятины, а Пенносвисты-младшие станут, наоборот, голодать.
- Когда он уехал?
- Вчера, сразу после тенниса с Гишпаном, около одиннадцати.
- Как вышло, что ты не с ним и не секретарствуешь? Кто будет делать ему «манхэттены»⁴²?
- Перебьется. Он меня не захотел. Сказал, только они с Гербером. Мужик с мужиком. Может, они устроят чемпионат по рукоборью? Или потыкают друг дружку в ребра, попоют амхёрстовские песенки, постараются вогнать друг дружке нож в спину. Борьба за долю на рынке – дело неприглядное.
- Черт, он велел мне ему позвонить, и это было сегодня утром. Он должен... а бабушка папы с тобой не связывалась, нет?
- Линор? Бог миловал. Она в порядке?
- Да. Слушь, я в полном раздрае. Когда точно, ты думаешь, он вернется?
- На моем рабочем календаре через три дня квадратик, а в нем огромный череп. Что может означать только одно.
- Всё пошло по борозде.
- Слушай, серьезно, если я могу как-то помочь...
- Милый Сигурд. Моя фигня мигает. У меня другой звонок. Переключаюсь.
- Звони, если что.
- Пока... стой!
- Что?
- Где Шмоун? Он взял Шмоуна?
- Чего не знаю, того не знаю. Но это мысль. Попробуй позвонить в «Шмоун и Ньет». Дать номер?
- Издеваешься? Номеров завалились.
- Ну пока.
- «Част и Кипуч».

/в/

Что, конечно, не значит, здесь и никогда, что все шло как по маслу. Моя неспособность быть по-настоящему внутри и окруженным Линор Бидсман пробуждает во мне весьма естественное противожелание: чтобы она была внутри меня и охвачена мной. Я собственник. Иногда я хочу ею владеть. И это, конечно, не очень стыкуется с девушкой, которую основательно пугает возможность того, что она не владеет собой.

Я дико ревнив. У Линор есть свойство привлекать мужчин. Это не нормальное свойство и не свойство, которое можно выразить. «...», – сказал он, тщетно пытаясь его выразить. «Уязвимость», понятно, плохое слово. «Игривость» тоже не пойдет. Оба обозначают, поэтому оба лажают. У Линор есть свойство некой игры. Вот. Почти бессмыслица, значит, может быть, верная. Линор, ни слова не говоря, приглашает вас сыграть в игру, состоящую в глубинных попытках понять правила этой игры. Как вам такое? Правила игры и есть Линор, ты играешь

⁴² «Манхэттен» – коктейль на основе виски и вермута.

– тобой играют. Уясни правила моей игры, смеется она, с тобой или тобой. На доску падают гребенкой забóров тени: Башня Эривью, отец Линор, доктор Джей, Линорина прабабка.

Иногда Линор поет в душе, громко и ладно, видит бог, практикуется она достаточно, ну а я горблюсь на унитазае или опираюсь о раковину, читаю рукописи и курю гвоздичные сигареты – привычка, перенятая у Линор же.

Отношения Линор с ее прабабкой – штука нездоровая. Я виделся с этой женщиной раз или два, к счастью, коротко, в помещении столь жарком, что чуть не задохнулся. Это маленькая, смахивающая на птичку старушка с острыми чертами, отчаянно древняя. Бодрой ее не назвать. О такой и просто так не скажешь «благослови ее Господи». Это женщина твердая, холодная, женщина ворчливая и насквозь эгоистичная, с обширными интеллектуальными претензиями и, я полагаю, очевидно соразмерными талантами. Она индоктринирует Линор. Они с Линор «говорят часами». То есть Линор слушает. В этом есть нечто кислое и безвкусное. Линор Бидсман не расскажет мне ничего важного об отношениях с Линор Бидсман. Она не говорит ничего и доктору Джею, разве что у мелкого ублюдка припасена против меня последняя карта в рукаве.

Ясно, однако, что это прабабка со Взглядами. Я думаю, она вредит Линор, и, я думаю, знает, что вредит, и, я думаю, ей плевать. Она, судя по собранным мной крупицам, убедила Линор, что ей ведомы некие слова колоссальной мощи. Нет, правда. Речь не о вещах, не о концепциях. О словах. Женщина явно одержима словами. Я не могу и не хочу утверждать что-либо наверняка, но она явно была феноменом в своем колледже и получила место в кембриджской аспирантуре, что в двадцатые для женщины – подвиг; так или иначе, она изучала античную литературу, философию и непонятно что еще под руководством чокнутого свихнутого гения по фамилии Витгенштейн, а он верил, что всё на свете – слова. Правда. Если не заводится машина, это явно надо понимать как языковую проблему. Если вы не способны любить, вы затерялись в языке. Страдать запором равно означает засоренность лингвистическим отстоем. Как по мне, от всего этого за километр разит чушью, но старая Линор Бидсман на эту чушь определенно купилась и семьдесят лет готовила на медленном огне варево, которое ныне еженедельно льет в преддверия размягченных жарой Линориных ушей⁴³. Она дразнит Линор некой странной книгой так, как только исключительно жестокий ребенок может дразнить зверька кусочком пиццы, намекая, что эта книга для Линор особо значима, но отказываясь углубляться в тему, «пока что», и показывать книгу, «пока что». Слова, книга, вера в то, что мир есть слова, и убеждение Линор, что ее собственный личный мир – всего лишь «ее», а не «для нее» и не «под нее». Это все неправильно. Ей больно. Я хотел бы, чтобы старая леди умерла во сне.

Ее дочь – в том же Доме, она на двадцать с лишним лет моложе, красивая пожилая женщина, я ее видел, ясные карие глаза, румяные щеки нежно-розового цвета, волосы – жидкое серебро. Абсолютная идиотка с Альцгеймером, не знает, кто она и где, пускает слюни, текущие с влажных прекрасных, идеально сохранившихся губ. Линор ее ненавидит; обе Линор ее ненавидят. Почему так – я не знаю.

Волосы Линориной прабабки белые как хлопок, она носит челку, пряди по обе стороны головы изгибаются и почти встречаются под подбородком, как мандибулы насекомого.

Мы часто будем лежать рядом, и Линор будет просить меня рассказать ей историю. «Историю, пожалуйста», – будет говорить она. Я буду рассказывать ей то, что рассказывают мне, просят меня полюбить и дать полюбить другим, шлют мне в коричневых манильских обертках⁴⁴, в замаранных чернилами конвертах с обратным адресом, сопроводительных посла-

⁴³ Отсылка к «Гамлету». Призрак: «Мой мирный час твой дядя подстерег / С проклятым соком белены в сосудце / И тихо мне в преддверия ушей / Влил прокажающий настой...» (акт 1, сцена 5, перевод М. Лозинского).

⁴⁴ *Манильская бумага* – прочная бумага из сырья, в состав которого входит манильская пенька. Используется в том числе как упаковочный материал.

ниях, подписанных «Дерзающе Ваш(а)», на адрес «Частобзора». В конце концов, именно этим я сейчас и занимаюсь – рассказываю не свои истории. С Линор я – целиком и полностью я.

Но я печалюсь. Скучаю по сыну. По Веронике не скучаю. Вероника была красива. Линор мила, и у нее есть свойство, связанное, как мы решили, с игрой. Вероника была красива. Но – красотой замерзшей зари, ослепительной и мучительно далекой. Она была ледяной, твердой, мягкой на ощупь, украшенной в нужных местах мягким, холодным светлым волосом, элегантной, но не утонченной, приятной, но не доброй. Вероника была бесшовной и безупречной радостью для глаз и рук... ровно до момента, когда ваши с ней интересы вступали в конфликт. Между Вероникой и всеми остальными лежала гулкая бездна Интереса, бездна непреодолимая, потому что, как оказалось, край у нее лишь один. Вероникин. Что, как я осознал, просто еще один способ сказать, что Вероника не способна любить. По крайней мере, меня.

Физически брак из кошмарного перешел в никакой. Я не могу думать, тем паче говорить, о первой брачной ночи, когда раскрылся всевозможный обман. В итоге Вероника приняла и даже оценила нашу ситуацию; так она берегла силы и себя от пикантного стеснения быть стесненной мной. Насколько я знаю, она мне не изменяла. Ее существование, как и красота, и настоящая цена, было по природе своей эстетическим, а не физическим или психологическим. Комфортнее всего Веронике, я убежден в этом до сих пор, было бы в роли человеческого экспоната, неподвижного, в холодном ярком углу общественного здания, окруженного квадратом красных бархатных шнуров «руками не трогать», слышащего только шепот голосов и каблук на плитке. Сегодня Вероника живет на мои алименты и готовится, я слышал, выйти замуж за довольно старого и во всех отношениях приятного господина, у которого в Нью-Йорке фирма, участвующая в производстве оборудования для электростанций. Ступай же с богом.

А вот по сыну я скучаю. Нет, не по восемнадцатилетнему студенту Фордема, эстету: длинные ногти, сверкающие прозрачным лаком, брюки без карманов. Я скучаю по моему *сыну*. Моему ребенку. Он был волшебным ребенком, в этом я всецело убежден. Особых, особых качеств. Особое и веселое дитя. Первым из множества дел Вероника отказалась менять подгузники, так что обычно младенца пеленал я. Я менял ему подгузники, и частенько, когда он лежал на спине и сучил мягкими, как тесто, ножками, пока я убирал горячий, мокрый или зловеще тяжелый подгузник и управлялся с новым пластиковым морщинистым памперсом, младенец пускал на мой свисающий галстук бледную, умилительно тонкую струйку, и пахло пудрой, и галстук тяжелел на горле, и с него капало, и мы вместе смеялись, беззубый он и грустный, сонный я, над пропитанным мочой галстуком. У меня остались несколько тех галстуков, жестких, негнущихся, засаленных: они покоятся на маленьких зубчатых перекладинах и глухо стучат в дверцу шкафа, когда ветры памяти продувают темные уголки моей квартиры насквозь.

То был мальчик в тесных, но странных отношениях с окружавшим его миром, темноглазый молчаливый мальчуган, который с возраста независимых решений и движений отражал мир в собственном, особом, колеблющемся зеркале. Вэнс был для меня отражением. Вэнс разыгрывал Историю и События внутри своего детского мира.

В очень юные годы, очень юные, Вэнс надевал темную одежду, обвязывал голову тесемкой, совал в рот леденцовые сигареты и устраивал внезапные, тайные вылазки в комнаты дома, тяжело дыша и вертясь, дубася воздух кулачками, потом ныряя под мебель, ползая по-пластунски, цепляя воздух согнутым пальцем. Молниеносный рейд на кухню – исчезает кошачий корм. Молчаливый налет на мою берлогу – на ножке стола появляется вертикальная царапина от булавки. Беспечный отряд дерновых муравьев попадает в засаду и оперативно стирается с лица земли бомбардировками теннисного мяча, пока мы с Вероникой глядим то на бой, то друг на друга через джин с тоником. Мы были озадачены и испуганы, Вероника подозревала расстройство координации, но как-то вечером после обеда мы увидели глаза Вэнса, когда корреспонденты вечерних новостей доносили до нас последние сведения о предсмертных конвульсиях

войны в Индокитае. Немигающие глаза, беззвучное дыхание. Когда Киссинджер с триумфом покинул Париж, дом в Скарсдейле демилитаризовался ⁴⁵.

Иногда в те же дни мы находили Вэнса одного в комнате: он смотрел в пустой угол, в котором стоял, – обе руки подняты, каждая застыла в двухпальцевом жесте мира. Мы поняли, что благодаря чуду телевидения Вэнс Кипуч установил особые отношения с Ричардом Никсоном. Когда тянулся в великолепном цвете Уотергейт ⁴⁶, у Вэнса проявились вороватый взгляд, нащипанная белизна вокруг переносицы, отказы говорить, где он, и объяснить, что делает. Мой магнитофон – честно сказать, без ленты и даже не включенный в сеть, но, тем не менее, мой магнитофон – стал появляться тут и там: под обеденным столом во время еды, на заднем сиденье машины, под нашей кроватью, в ящике конторки. Вэнс, когда его спрашивали напрямую, невыразительно глядел на магнитофон и на нас. Потом притворялся, что смотрит на часы. После отставки Вэнс неделю валялся больной в постели с самыми настоящими симптомами. Нас охватил ужас. В последующие годы Вэнс безмолвно, с официальным выражением лица прощал всякий очевидный вред, наносимый ему нами и миром; падал и прикрывал грудь руками при малейшей критике; делал обратное сальто в гостиной и приземлялся на обе ноги, всякий раз оставляя трещины в потолке; носил в школу костюмчик и вербовал последователя носить за ним портфельчик, подаренный нами по его настоянию на Рождество; с завязанными глазами ходил по комнатам, усеянным обрывками нарисованного флага. Кто знает, что это по большей части было. Таким был мир, который монадический Вэнс Кипуч воспринимал и отражал через себя. Я, честно, предпочитал его настоящему.

В юности он был прекрасным атлетом, веско гремел алюминиевыми бейсбольными битами Маленькой Лиги ⁴⁷, глухо и тяжело забивал твердые осенние футбольные мячи, мягко вплетал свой шепот в сети баскетбольных колец. Бегал свипы ⁴⁸ в детском футболе, бегал так быстро, столь виртуозно виляя и ловча, что другие мальчишки падали, лишь пытаясь до него дотронуться. Ощутите то, что ощущал в своей груди я, маленький человек в беретке и стегаемом ветром плаще, глядя на плод моих чресл. Вэнс – мальчик, который делал тачдауны откуда угодно; мамы-болельщицы пронзительно визжали, освобождали волосы от пластмассовых заколок, хлопали мне в ухо, и ветер уносил ключья малозвучных уличных хлопков вместе с перестуком моих кожаных перчаток. Единственный мальчишка, на котором во время матчей шлем не казался гигантским и уморительно неуместным. Милый белобрысый черноглазый мальчуган, он никогда не хвастался, всегда помогал другим подняться и отдавал должное там, где другие того заслуживали, а потом возвращался со мной, в машине сидел молча, дома играл в своей спальне в иранского заложника.

Последнее великое историческое деяние он совершил в одиннадцать лет, когда началась школа. Русский истребитель сбил над морем аэробус, погубив конгрессменов, монахинь, детей, чьи ботинки, рукава, книжки и оправы очков доплыли до северных берегов Японии ⁴⁹. Вэнс часами рассматривал журнальные иллюстрации с авиапассажирами, фотографии, поданные в

⁴⁵ Речь о Второй Индокитайской войне, объединявшей Вьетнамскую войну, гражданскую войну в Лаосе и гражданскую войну в Камбодже, и Парижском соглашении о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме, подписанном 27 января 1973 года. Главой делегации США на переговорах был советник президента по национальной безопасности Генри Киссинджер (род. 1923).

⁴⁶ *Уотергейтский скандал* – связанный с нелегальной прослушкой политический скандал в США, закончившийся в августе 1974 года отставкой президента Ричарда Никсона (1913–1994).

⁴⁷ *Little League Baseball* – некоммерческая организация, проводящая соревнования по бейсболу и софтболу для детей и подростков 9–18 лет.

⁴⁸ В американском футболе – игровой момент, когда игрок атакующей команды бежит с мячом вдоль линии нападения в зачетную зону противника, а его товарищи блокируют команду защиты. Далее упоминается тачдаун – способ заработать очки, когда игрок доставляет мяч в зачетную зону.

⁴⁹ 1 сентября 1983 года самолет Korean Air Lines по неустановленной причине вошел в закрытое воздушное пространство СССР, был сбит советским истребителем и упал в пролив Лаперуза к юго-западу от Сахалина. Погибли 246 пассажиров и 23 члена экипажа.

крупных и живых деталях, семейные снимки на фоне зеленой палитры садов, деревянные лица выпускных альбомов, чирлидерш в масках «Нос – очки – усы» на кадрах из фотобудок, три за четвертак; он смотрел людям на фото в глаза. Потом залез на крышу и прыгнул вниз. Без слов. Дом у нас был одноэтажный, с подвалом. Упав с высоты три с половиной метра, Вэнс основательно растянул лодыжку. Извинился. На следующий день спрыгнул с крыши опять и сломал ногу. Его увезли в больницу, переводили с этажа на этаж и в итоге показали врачу из района близ Центрального парка ⁵⁰; врач за один прием «исцелил» Вэнса от недуга. Больше Вэнс не прыгал, не совершал набегов, не падал, не подражал. Вероника обрадовалась. Я никогда не считал, что с Вэнсом что-то не так, хотя, ясно, прыжки с высоты были неприемлемы. Я опечалился.

Наступило печальное, печальное время. Вэнс становился взрослее, я – моложе и печальнее. Вероника еще глубже затворялась в хрустальном футляре вежливого равнодушия. По ее настоянию Вэнс апатично встречался с девочками; насколько я знаю, с каждой он никогда не ходил куда-либо больше одного раза. Вэнс молча ждал половой зрелости, а та ждала, пока Вэнсу не стукнуло пятнадцать; рост и сила уже не давали ему форы – никаких больше холодных ветреных вечеров на утлых трибунах. Только звуки музыки из-под Вэнсовой двери, и цветной мел на пальцах, и черные круги под черными глазами, и прекрасные, прекрасные рисунки – плоские, яркие и печальные, как бетонная дорожка у нашего дома, гладкие, чистые и без единой шерстинки, как мать Вэнса, – и приглушенно настойчивый сладкий запах марихуаны из комнаты моего сына в подвале. Теперь Вэнс в Фордеме, изучает искусство. Я не говорил с Вэнсом почти год. Не знаю, почему так.

Я скучаю по нему с лютостью, какую мы приберегаем для тех, кто не вернется. Вэнса больше нет. Он был забит и обезглавлен в кабинете на Парк-авеню в 1983 году человеком, взявшим с нас сто долларов за процедуру. Вэнс, я знаю это доподлинно, гомосексуал, вероятно, еще и наркоман, промытый и неспешно вращающийся в пресных дуновениях холодного скарсдейльского дыхания своей матери, производящий плоские и бездушные совершенные рисунки мелом с большей и большей точностью. Я получил один по почте: ошарашенный, я на газоне с граблями, из-за моего плеча несообразно появляется Вероника с каким-то питьем на черном подносе. Картинка пришла в коричневом конверте в редакцию «Частобзора», несколько недель пролежавшем закрытым.

Я скучаю по Линор – иногда. Я по всем скучаю. Могу вспомнить молодость и ощутить нечто, в чем распознаю тоску по дому, и потом думаю: странно, да, ведь я и *был* дома, все время. К чему появляется это чертово чувство?

Я скучаю по ней, я всем своим багровым кулаком люблю чудную девушку из эпатажной и пугающей семьи, весьма эпатажную и пугающую девушку, что сидит высоко в вороньем гнезде корабля «Част и Кипуч» и всматривается в серые электрические просторы, ища одинокий фонтанчик целевого телефонного звонка. Недавно миз Пава уведомила меня о том, что вероятность такого звонка, благодаря некоей поломке в телефонной системе, частью которой мы являемся, ныне даже меньше прежнего. Пока я здесь сижу, глыба тени Эривью не спеша окунает мой офис в жидкую темноту. Пол-офиса уже там. Час дня. Из-за освещения половина офиса в тени становится лакричной, а половина под воздействием солнца – это блестящий желто-белый ужас, я не могу на него смотреть. Линор, я попытаюсь еще раз, и, если ты не здесь, предположу худшее и поддамся наконец чарам Мозеса Кливленда, который и теперь лыбится и, белокостно манит из тротуара шестью этажами ниже. Это наш последний шанс.

⁵⁰ В Нью-Йорке.

/г/

Пока Линор цедила цунами звонков не по адресу и готовилась к попытке дозвониться Карлу Шмоуну в «Шмоун и Ньет», в коммутаторную за консоль явилась Валинда Пава.

– Здравсте, Валинда, – сказала Линор. Валинда, не обращая внимания, стала просматривать Журнал Целевых Звонков, безнадежно тонкую тетрадку с парой заполненных страничек. Юдифь Прифт, зажав клавишу «Позиция Занята», болтала по частной линии с любимой.

– Что за сообщения – для тебя, а записаны в журнал Кэнди? – Валинда обернулась и посмотрела на Линор сверху вниз из-под зеленых теней.

– Думаю, если целевые, значит, это сообщения для меня, – сказала Линор.

– Деточка, я с тобой не шучу, и ты со мной не шути. Ты тут должна быть как штык в десять. Эти твои сообщения пришли в одиннадцать и одиннадцать тридцать.

– Меня задержали непреодолимые обстоятельства. Кэнди сказала, что меня подменит.

– Чокнутую девицу из «Част и Кипуч» ест заживо ее шефиня, – сообщила Юдифь Прифт в трубку, наблюдая.

– Деточка, задержали – где? Кем бы я была, если б думала, что кто-то работает, а она не работает?

– Я срочно ездила в дом престарелых.

– Во скока она прибыла? – спросила Валинда у Юдифь Прифт.

– Слушайте, я не хочу ничего говорить, не хочу ее подставлять, – сказала Юдифь Валинде. В трубку она сказала: – Шефиня хочет, чтоб я сказала, когда та приехала, но я сказала, что не скажу, не хочу ее подставлять.

– Я приехала где-то в начале первого.

– Где-то в начале первого. Деточка, ты опоздала на два часа.

– Дело было срочное.

– Какое, к чертям, срочное дело?

Юдифь Прифт перестала говорить в трубку и теперь наблюдала пристально.

– Валинда, сейчас я не могу об этом говорить, – сказала Линор.

– Деточка, тебе крышка, кранты, мне пофиг, кого ты ублажаешь, со мной не шутят.

Теперь тебе кранты, шутница ты моя.

Консоль загудела, быстро замигал огонек внутренней связи.

– Можешь не брать, тебе кранты, – сказала Валинда. Взяла трубку, нажала «Принять». – Оператор... – Ее брови упали. – Да, она здесь, мистер Кипуч. Секунду, пожалуйста. – Она протянула трубку Линор. – Давай, проси долбоклювика тебя защитить, мне пофиг, тебе кранты, – прошипела она.

– Она и правда в беде, судя по всему, кто бы мог подумать, – сказала Юдифь в трубку.

– Привет, Рик.

6. 1990

/a/

– Как нынче вечером ваши стейки?

– Наши стейки, сэр, если позволите, просто восхитительны. Только лучшие куски говядины, тщательно отобранные и еще тщательнее выдержанные, приготовленные идеально, где «идеально» соответствует вашим инструкциям, подадим по вашему выбору с картошкой, овощами, изысканнейшим десертом.

– Звучит первостатейно.

– Да.

– Мне девять.

– Простите?

– Девять стейков, прошу вас.

– Вы желаете *девять* порций стейков?

– Прошу вас.

– А кто, сэр, если позволите, будет их есть?

– Вы видите за столиком кого-то еще? Есть их буду я.

– Но как вам это удастся, сэр?

– Ох ты, ну глядите, сегодня я, думаю, буду резать правой рукой. Класть кусочки в свой рот, пережевывать, кислотные составляющие слюны будут расщеплять мышечное волокно. Я буду глотать. Эт цетера. Несите уже!

– Сэр, от девяти стейков любому поплохеет.

– Гляньте на меня. Гляньте на это брюхо. Думаете, мне поплохеет? Нифига. Подойдите – нет, правда, идите сюда и гляньте на брюхо. Сейчас задеру рубашку... вот. Видите, сколько я могу взять рукой? Приходится сидеть вдали от стола. Вы когда-нибудь в жизни видели что-то столь титанически отгалкивающее?

– Я видал животы и побольше.

– Вы всего лишь вежливы, из-за чаевых. Вы их получите, когда принесете девять порций стейка, где «идеально» значит «слабой прожарки», иначе говоря, розовые, но твердые. И булочки не забудьте.

– Сэр, я с таким вообще никогда не сталкивался. Никогда не подавал индивиду девять порций одновременно под свою ответственность. У меня могут быть жуткие неприятности. Что, например, если у вас приключится эмболия⁵¹, не приведи господи? Вы можете повредить внутренние органы.

– Я же сказал: гляньте на меня. Вы разве не видите, что я такое? Слушайте очень внимательно. Я жирная, гротескная, ненасытная, жадная, обжорствующая, чревоугодливая *свинья*. Разве это не ясно? Я скорее боров, чем человек. В моем брюхе есть место, физическое место, для *вас*. Слышите? Вы видите перед собой хряка. Прожорливого беса безграничной емкости. Давайте мясо.

– Вы, наверное, очень давно не ели? В этом дело?

– Слушайте, вы начинаете меня утомлять. Я могу избить вас брюхом. Кроме того, я, позвольте до вас донести, более чем малость состоятелен. Видите вон то здание, где в окнах свет, здание в тени? Оно принадлежит мне. Я мог бы купить этот ресторан и вас уволить. Я могу купить и, может, куплю весь этот квартал, включая символически крошечную контору Весо-

⁵¹ *Эмболия* – закупорка сосудов частицами, которые в нормальных условиях в крови не встречаются.

наблюдателей напротив. Видите ее? С дверью и окнами, образующими ухмыляющуюся глумливую рожу с впалыми щеками? Моя финансовая мощь позволяет купить это место и набить его стейками, набить его мясом с кровью, которое я целиком поглотил бы – и поглосю. Дверь в этом сценарии заклинена обглоданной костью, чтоб ни один самодовольный обвислокожий псалмопевец-рenegатишка и борец с тучностью внутрь не попал. Они будут молотить в дверь, молотить. Но кость выдержит. Вломиться внутрь им массы не хватит. Раззявленные рты, разинутые глаза – они будут жаться к стеклу. Я уничтожу, физически сокрушу огромные веса в конце их ярко освещенного нефа весом еды. Пovyлезут все пружины. Пovyлезут. Какой вкусный поток мыслей. Можно взглянуть на карту вин?

– Весонаблюдатели?

– Гарсон, перед вами – опасный субъект, я вас предупреждаю. Люди действуют в своих интересах. Огромные безумные хряки – нет. Моя жена некий промежуток времени назад уведомила меня, что, если я не сброшу вес, она от меня уйдет. Я не сбросил вес, на деле даже прибавил в весе, поэтому она уходит. Че-тэ-дэ. И «а-один», не забудьте «а-один»⁵².

– Но, сэр, пройдет чуть больше времени...

– Нет больше времени. Время не существует. Я его съел. Оно здесь, видите? Видите колыхание? Это время – колыхнется. Бегите уже, несите мне мое жирное блюдо, мои девять скотин, или я обхвачу вас подбородком и пульну в стену!

– Привести шеф-повара, сэр? Для обсуждения.

– Сделайте одолжение, приведите. Но скажите ему, чтобы ко мне не приближался. Он будет закуклен, моментально, пискнуть не успеет. Сегодня я буду есть. Исключительно и в одиночестве. Потому что я теперь исключительно одинок. Я буду есть, и обильно брызгать соком, и, если кто-то приблизится, я буду рычать и тыкать в них вилкой – *вот так*, видите?

– Сэр, пожалуйста!

– Бегите, если вам жизнь дорога. Задобрите меня чем-нибудь. Я буду расти и расти, и заполнять окружающее меня отсутствие кошмаром моего желейного присутствия. Инь и Ян. Вечное расширение, официант. Быстрее!

– Секунду, сэр!

– И хорошо бы еще хлебных палочек, слышите? Да что ж это за место такое?

/6/

– Расскажи мне, я настаиваю.

– Давай ты чуть подождешь, где-то девять десятых секунды, пока я решу, *как именно* рассказывать?

– При чем здесь какое-то решение? Вот нечто, а вот я, расскажи мне это нечто, вуаля⁵³. Тебя явно что-то тревожит.

– Слушь, я, конечно, тебе все расскажу, да? Только не взорвись. Просто то, что я должна рассказать, оно, *а*, невероятно стремное, я его толком вообще не понимаю...

– Так давай нацелим на него обе мощи наших восприятий, совокупно. Чья мощь восприятия и убеждения смягчила ради тебя потенциально катастрофически обозленную Валинду, в конце-то концов?

– ...И бэ, мне велели об этом не рассказывать, так что я должна сообразить, как рассказать тебе так, чтобы по минимуму нарушить мое обещание не рассказывать и по минимуму причинить вред человеку, которого всё это касается.

– Прозрачно как день. Прозрачно, как этот стакан, Линор.

⁵² *A.I. Sauce* – торговая марка коричневого соуса.

⁵³ *Voilà (фр.)* – здесь: вот и всё.

– Не смахни стакан. Слушь, ты сказал, что здесь отменные стейки, и ты сказал, что страшно голоден, почему бы тебе не сосредоточиться на неминуемом прибытии твоего стейка, который, я так думаю, вот уже и прибывает?

– ...

– Суперически, спасибо. Рик, закажем вина?

– Да.

– Какого?

– ...

– *Какого?*

– ...

– Наверное, мы попросим бутылку дежурного красного ⁵⁴, если можно... Ты ребенок. У тебя восприятие и сострадание очень-очень маленького ребенка – иногда.

– Линор, просто я тебя люблю. Ты это знаешь. Всякая частица твоего существа любима всякой частицей моего существа. От мысли о чем-то, что связано с тобой, касается тебя, тревожит тебя, чего я не знаю, у меня кровь из глаз, внутри.

– Любопытный образ. Слушь, ешь свой стейк. Ты сказал, что съел бы лошадь.

– ...

– Бьет по цели?

– Моя цель шатается от силы удара. Теперь я настаиваю, чтобы ты мне рассказала.

– ...

– Это как-то связано с твоей попыткой дозвониться небезызвестному Шмоуну, пока я в поте лица не давал Валинде навязать мне выбор между ее и твоими услугами, хотя ее нанял сам Част? Может, мне просто пойти и позвонить Шмоуну – не откладывая?

– Он не там. Он не здесь.

– ...

– Видимо, он за границей, с моим отцом.

– И чем они заняты?

– Не могу сказать.

– Это то же самое «не могу сказать» или другое?

– Другое.

– Теперь я глубоко уязвлен и разозлен.

– Слушь, а если я просто пообещаю, что расскажу позже, а сейчас не буду, сейчас я буду думать и есть салат? Так пойдет? Я переночую у тебя, я реально этого хочу, хотя и сказала Кэнди, что вечером буду дома, и мы поговорим. Мне реально нужен твой совет. Именно твой, Рик. Просто я должна подумать над тем, что происходит, сама, прямо сейчас, ладно?

– Все очевидно плохо, и это связано с домом престарелых, и при этом никто не умер.

– Ешь свой стейк.

– Я просто...

– Рик, кто это?

– Где?

– Вон там, сидит один, за тем столиком?

– Ты не знаешь, кто это?

– Нет.

– Это Норман Бомбардини. Наш домовладелец и собственник Центра – «Компания Бомбардини», левая глазница, всё такое.

– Большой человек.

– Он такой.

⁵⁴ Дежурное вино – домашнее вино, продающееся в ресторане под его маркой.

- Гигантский – будет точнее. Почему он рычит и грызет столешницу?
 - Боже правый. Насколько я понимаю, а я уяснил это в основном со слов Варшавера в нашем клубе, у Нормана не всё хорошо. Проблемы с женой. Проблемы со здоровьем.
 - Судя по виду, ему нужно сбросить вес.
 - Думаю, он пытался, периодами, много лет. Интересный человек. Варшавер вечно намекает, что его компания на грани настоящего...
 - Бог ты мой.
 - Что?
 - Гляди, что несет официант.
 - Боже правый.
 - Нельзя столько съесть.
 - Бедный Норман.
 - Фу, какая гадость. Мог бы подождать, когда официант поставит тарелку *на стол*.
 - Видимо, он страшно голоден.
 - Нельзя быть настолько голодным. Эй, он попытался укусить официанта? Это покушение на укус?
 - Освещение, почудилось.
 - Он явно нарывается.
 - Я его никогда таким не видел.
 - Он забрызгал соседние столики. Смотри, женщина приложила салфетку к голове!
 - Это точно салфетка? А ей идет.
 - Ты ужасен. Гляди, они вынуждены уйти.
 - Кажется, они так и так почти доели.
 - А я нет. Не буду больше туда смотреть.
 - Мудрое решение.
 - ...
 - ...
 - Но слушать-то мне приходится, да?
 - К сожалению, да.
 - Боже, ты посмотри, он почти закончил. Сожрал буквально гору еды за каких-то две минуты.
 - Ну, кое-что упало на пол, и немало.
 - По-моему, меня сейчас стошнит, физически.
 - Я серьезно обеспокоен. Так что практически отвлекся от твоего внезапного недоверия.
- Норман не в себе.
- Как вышло, что я никогда его не видела? Его машина все время там, на своем месте.
 - Думаю, все дело в размере входной двери. У Нормана особый вход с восточной стороны.
- Лифт. Сверхпрочные тросы.
- Ого.
 - ...
 - Ну как, он все съел? Кончено?
 - Он явно замедляется. Мне кажется, тут чего-то не хватает. Гляди, он так и зыркает!
 - Бог ты мой, Рик, посмотри на пол.
 - Десерт. Его-то и не хватает. А вот официант.
 - Если он съест все это и не умрет, нарушатся законы природы.
 - Линор, слушай, я думаю, надо к нему подойти, вдруг мы сможем помочь.
 - Издеваешься? Я думаю, там сидит сумасшедший. Я думаю, дело не в освещении, я думаю, он реально пытался укусить официанта. Видишь, официант типа мечет десерты на стол с безопасного расстояния?

- Норман насытился, это заметно. Десерты пойдут с обычной скоростью, плюс-минус.
- Ты еще не доел собственный стейк, между прочим.
- Стейк подождет. Я насытился, так сказать, опосредованно.
- Что ты делаешь? Ты издеваешься. Нет, ты точно издеваешься.
- Пошли.
- Рик, это большая ошибка. Я не хочу.
- Будь человеком.
- Как мы вообще туда доберемся?
- Извилисто. Следуй за мной. Смотри под...
- Да вижу я.
- Норман?
- Это еще кто?
- Рик Кипуч, Норман.
- Не в добрый час, Кипуч. Скот у корыта, вы же видите.
- Норман, мы просто сидели за другим столиком, вон там, за овощами, видите?
- ...
- ...И подумали, что лучше подойти и посмотреть, вдруг у вас какие-нибудь мелкие проблемы, ну и представить эту юную даму, она со мной, работает в Центре, вы можете ее и не знать.
- Не думаю, что мы знакомы, нет.
- Норман Бомбардини, позвольте представить миз Линор Бидсман, Линор, мистер Бомбардини.
- Рада познакомиться.
- Бидсман. Вы случайно не родственница Камношифру Бидсману?
- Линор – дочь мистера Бидсмана.
- Дочь. Любопытно. «Детское питание Камношифеко». Неплохая линейка продуктов, да. На мой вкус, конечно, малость жидковата и мокровата...
- Ну, Норман, она же для детей.
- Но на бесптичье, как говорится, и она соловей. Прошу вас, присаживайтесь.
- Присядем?
- Эм-м-м...
- Садимся.
- Только тарелки куда-нибудь отставьте. Вы вряд ли хотите сесть на этот стул, миз Бидсман, я предсказываю.
- Не то чтобы.
- Вот другой.
- ...
- Итак, Норман.
- Полагаю, ни вы, ни вы эклеров не хотите.
- Нет, спасибо.
- Нет, Норман, благодарю, правда.
- Ну, это я из вежливости, вы их все равно не получите. Они мои. Я за них заплатил, и они мои.
- Никто не спорит.
- Скажем так, вы изрядно застолбили участок.
- Миз Бидсман, вы же не из девушек с огоньком? Вы не девушка с огоньком, верно? Моя жена с огоньком. Или, скорее, была с огоньком. Или, скорее, была жена. Огонек разжигает во мне неконтролируемую прожорливость, то есть более чем опасен для его обладательницы.
- Линор в общем лишена огонька, честно.

- Спасибо, Рик.
- Итак, Норман. Как ваши дела?
- Дела крупны, гротескны и омерзительны, Кипуч; уж это-то вы явно видите.
- Весьма точный анализ, да.
- Осторожнее, миз Бидсман. По-моему, это мелькнул огонек.
- Норман, я не мог не заметить, что вы съели на обед несколько больше, чем представляется нормой для организма. Для здоровья.
- С этим, Кипуч, сложно не согласиться.
- Я делаю вывод, что имеется некая причина.
- Проницательно, как всегда.

– ...

– Хотите услышать всю историю? Буду счастлив рассказать. Думаю, я запас достаточно калорий, чтобы продержаться, пока рассказываю. История короткая. Я чудовищно толст. Я обжора. Жену это отвращало и отталкивало. Она дала мне полгода, чтобы я сбросил сорок килограмм. Я вступил в Весонаблюдатели... видите, вон, напротив, дохленькая витринка? Сегодня состоялось большое полугодичное взвешивание. Грубо говоря. За шесть месяцев я набрал почти тридцать кило. Когда я ступил на весы, запрещенный батончик «Сникерс» выпал из моей штанины к ногам жены. Эти весы напротив – поистине гениальный аппарат. Ты вводишь в них желательный новый вес, и, если ты похудел на столько кило или больше, весы выдают запись свиста, аплодисментов, какого-то бодренького марша. Сверху вылезают флажки, механически дергаются туда-сюда. Неудача, скажем, в моем случае, влечет траурное звукоиспускание разочарованной презрительной трубы. Под напев последней моя жена покинула заведение и меня под руку с лощеным агентом по продаже йогуртов, которого я и теперь планирую растоптать, в финансовом смысле, первым же делом завтра утром. Миз Бидсман, слева от стула на полу вы увидите эклер. Не могли бы вы как-нибудь перебазировать его на тарелку с минимальным ущербом шоколаду и передать мне?

– ...

– Чудесно.

– И все-таки, Норман, я знаю, что вы чрезвычайно разумный человек. Турбулентность в отношениях с женой, конечно, не причина столько есть. Уничтожить себя. Эта якобы неудача у Весонаблюдателей... к черту Весонаблюдателей!

– Нет, Кипуч; как обычно – нет. Сегодня я осознал, что Весонаблюдатели – и диетические магазины, диетические книги, диетические люди, вообще диетические культы – все это почти непостижимо глубокие и запутанные материи. Они стали частью воззрений на Вселенную, с которыми я полностью согласен.

– Воззрений на Вселенную? Норман, я...

– Вижу, миз Бидсман, вы заинтересовались. Я вас заинтересовал?

– Типа.

– Чего-то я добился в жизни, раз заинтересовал островолосую девушку с огоньком.

– ...

– Инь и Ян, Кипуч. Инь и Ян. Я и Другой.

– ...

– Весонаблюдатели считают дескриптивной⁵⁵ аксиомой очень ясную истину: для каждого из нас Вселенная до основания, резко и абсолютно поделена, скажем, в моем случае, на меня, с одной стороны, и всех остальных – с другой. Именно это, Кипуч, исчерпывающе определяет для каждого из нас всю Вселенную. Всю. Я и Другой.

– Не могу спорить, Норман.

⁵⁵ *Дескриптивный* – описательный, «то, что есть», в отличие от прескриптивного – нормативного, «то, что должно быть».

– Да, и еще, этим свойством не просто наделена каждая из наших вселенных, мы еще и по природе все без исключения *осознаём*, что вселенная поделена именно так, на «Я» с одной стороны и Другого – с другой. Поделена исчерпывающе. Это часть нашего сознания.

– Как скажете.

– А еще они считают прескриптивной аксиомой, без сомнения, равно ясную и неоспоримую истину: каждый из нас по необходимости желает, чтобы наша вселенная стала как можно более полной, потому что Великий Ужас заключается в пустой, гулкой личной вселенной, такой, где я оказываюсь один на один с «Я», с одной стороны, и обширными пустыми одиночными пространствами прежде, чем Другие вообще появятся на картинке, – с другой. Разве это не благородно? Один момент. Эй, официант! Я бы не отказался от мятной пастилки, знаете ли! Не стесняйтесь, принесите пастилок! Простите. Одиночество. Равновесие. Чем пустее твоя вселенная, тем она хуже. Это мы все понимаем. Может, кто-то из вас этого не понимает?

– ...

– ...

– Так вот, Весонаблюдатели понимают тот аспект проблемы, что каждому нужно вокруг как можно больше Другого, чтобы на максимум Всех-Других приходился минимум Я. Это возможный, хотя, как я понял сегодня, никоим образом не единственный способ разделаться с проблемой. Вы следите за дрейфом моей мысли, Кипуч?

– Ну, она так дрейфует, что...

– Я вот думаю, мне наплевать. Полная вселенная, Кипуч, миз Бидсман. Каждому из нас нужна полная вселенная. Весонаблюдатели и их союзники понуждают нас систематически уменьшать наличие в этой вселенной компонента «Я», чтобы огромный массив Всех-Других, физически влекомый обретающим физическую привлекательность «Я», стремительно заполнил пустоту, обусловленную убылью этого же «Я». Да, тут есть логика, но, конечно, это лишь *половина* спектра возможных решений проблемы полноты вселенной. Дрейф моей мысли прощупывается? Всё как в генной инженерии, Кипуч. Решений всегда больше одного.

– Думаю, мне...

– Автономно полная вселенная, Кипуч. Автономно полная вселенная, миз Бидсман.

– Куда мне поставить мятные пастилки?

– Я возьму всю тарелку, спасибо. Чем уменьшать «Я», чтобы приманить Другого заполнить нашу вселенную, мы могли бы, разумеется, решить заполнять вселенную *своим Я*.

– Вы имеете в виду?..

– Да. Я планирую расти до бесконечности.

– Помнишь, я сказала «большая ошибка»? Я ведь сказала, что тут дома явно не все?

– Линор, прошу тебя. Норман, дружище, правда. Одно дело – воззрения на Вселенную. Никто не может расти до бесконечности.

– А кто-нибудь пытался?

– Насколько я знаю, нет, но...

– Тогда окажите услугу и воздержитесь от карканья, пока я не попытаюсь. Масло тоже никто не пытался оживить, но...

– Что-что-что?

– Ничего. Забудьте. Оговорился.

– ...

– Да, и этим вечером запускается проект «Полный Ян». Я собираюсь расти, расти и расти. Конечно, в конце концов во вселенной не останется места ни для кого другого, включая, боюсь, и вас двоих, за что я приношу извинения, но и говорю: дело труба.

– Правда, было очень приятно, надо как-нибудь повторить. Мы лучше пойдем, над моим салатом вьется муха, вон там, я ее вижу.

– Аппетитный.

– К сожалению, он мой и еще не часть вашей вселенной, хотя бы временно. Рик, вставай, нам еще искать брод...

– Норман, я поступил бы нечестно, если бы не сказал прямо тут, лицом к лицу: я тревожусь за вас, судя, по крайней мере, по вашему внешнему виду и учитывая все, что вы рассказали мне сегодня о вашем дне, со всеми его хлопотами.

– В конце концов не будет внешнего вида. Только внутренний. Я лишь надеюсь, что смогу финансово растоптать этого агента по продаже йогуртов прежде, чем исчезнет значимая разница между ним и мной. Светло-зеленые мятные пастилки здесь, мне кажется, особенно хороши. Если хотите, берите по одной.

– ...

– ...

– Отличные, правда. Конечно, еще одно преимущество моего подхода к проблеме Инь-Ян – то, что диета превращается в худший вариант из возможных. От диеты я делаюсь безумно зол на всех и вся. От диеты мне хочется убить всех вокруг.

– Нет чтобы просто присвоить их пространство.

– А вы отнюдь не мягки на язычок. Прямо как ваш отец. Морковное пюре у вашего отца так себе. Я мог бы, разумеется, оставить маленькие уголки вселенной незаполненными для тех, кто пробудит во мне любовь и привязанность.

– Я наверняка с вами свяжусь, когда станет не протолкнуться.

– Норман, друг, просто знайте, что я рядом и доступен, если вы вдруг захотите поговорить, только не за обедом, ну или просто захочется дружеской поддержки. Я рядом, Норман, и готов.

– Венец ваших добродетелей, Кипуч. Ваша лучшая черта. Вы всегда рядом.

– Пусть и временно.

– Линор, *пожалуйста*.

– Миз Бидсман, вы мне уже нравитесь, не исключая, что из-за неизбежного сравнения с этим Кипучем в пользу кого угодно. У вас была половая связь с кем-нибудь, кто вскоре станет бесконечным?

– На этой ноте я, пожалуй, пойду... Рик?

– Да. Норман?

– Пока, Кипуч. Наслаждайтесь своим «Я», пока можете.

– Думаю, обратно мы тем же маршрутом.

– Без проблем.

– Доедаем? Ты голодна?

– Издеваешься? Пошли уже. Подкинь меня до дома, я быстренько в душ, возьму вещи, попрошу Кэнди, чтоб подкинула меня до тебя, а утром ты меня привезешь. Что-то мне не хочется втискиваться в свою машину.

– Хорошо. Конечно, ты по-прежнему не рассказываешь мне чего-то важного.

– Все тебе расскажи.

– Я мог бы позвонить Верну Рвенингу на коммутатор и спросить, вдруг он знает.

– Удачи тебе дозвониться до него, а не до сыродела Энрике.

– Линии. Я и забыл. Валинда аж посинела. Ну и денек выпал, плюс все твои тревоги, о которых нельзя рассказывать, эт цетера.

– Неимоверно херовый денек.

– Типа того.

– Ни разу не смешно. У мужика кукуха поехала.

– Ой, гляди, он пытается уйти.

– Не завидую я их уборщице.

– Счет, наверное, будь здоров.

- В жизни не припаркуюсь на его пространстве.
- Вот, прошу.
- ...

7. 1990

/a/

У Линор Бидсман было следующее имущество. Одна из двух квадратных спален с паркетным полом и нерабочим камином на третьем этаже огромного серого здания, принадлежащего кливлендскому челюстно-лицевому хирургу, в Восточном Коринфе. Три больших окна, два смотрят на запад, такие чистые, что скрипят, открыто лишь одно, потому что лишь в нем есть сетка. Наружный вид из окон, по правому краю герметичный шов между геометрическим ландшафтом пригорода и тусклым небом проколот далекими острыми зубками Кливленда. Окна, через которые к концу дня проникает долгоиграющий ток кливлендского тыквенноцветного заката. Подоконники, на деле приоконные полки, выступающие так далеко из низких нижних рам, что на этих полках можно сидеть, и на них сидели, несмотря на гвозди и перпендикулярные острые кусочки краски, каковая проблема решается возложением черных вельветовых подушек, также имущества Линор, на подоконники.

Комод из универмага Маврадяна, внутри одежда, наверху – опирающаяся на откидную треугольную картонную ножку фотография Линор, ее сестры, двух братьев, прабабки Линор Бидсман и прадеда Камношифра Бидсмана, стоящих вокруг темного деревянного глобуса в мнимой пещере бетонной фотостудии. Снято в 1977 году, когда Линор было одиннадцать и она временно лишилась передних зубов. Кроме того, прислоненная к фотографии необрамленная фотокарточка матери Линор в белом свадебном платье с рюшами, льняном, у большого окна, наполненного туманным весенним светом, мать, опустив глаза, сортирует в руках предметы, имеющие отношение к свадьбе. Фотография стоит на разложенном хлопковом носовом платке с вышитой в одном углу надписью: «Чемпионат Среднего Запада по контрактному бриджу, Де-Мойн, Айова, 1971».

Три ящика носков, трусов и так далее, и один ящик мыла. Кровать, к сожалению, на данный момент неубранная, со старой тяжелой блестящей кленовой рамой и подушкой с наволочкой со львом, эта подушка у Линор уже очень давно. Полка в холодильнике на кухне внизу, на полке теснятся бутылки газировки и имбирного эля, сколько-то старых потемневших морковей с дряблыми верхушками, сколько-то лаймов. Участок морозилки, весь забитый полиэтиленовыми пакетами с замороженными овощами, замороженными овощными ассорти, которыми Линор в основном и питается.

Мягкое удобное кресло, старое, покрытое толстым бурым фальшивым бархатом, откидывается так далеко, что голова почти касается пола. Скамейка для ног с плетеным соломенным верхом. Черный столик, скверная замена нормальному столу, сейчас в любом случае пустующий. Черный деревянный стул, идет в комплекте со столиком и раздражает, потому что одна ножка у него короче остальных. Еще более раздражающий слепящий ярко-белый плафон на потолке. Две керамические экономные лампы с мягким светом, на основаниях нарисованы цветочно-ореховые сценки, лампы приобретены как альтернатива верхнему освещению и после заката отбрасывают на кремовые стены комнаты огромные богомольские тени Линор и Кэнди Мандибулы.

Одиннадцать коробок книг из колледжа, в основном коробки «Камношифеко» со смеющимися младенцами, которые нарисованы красной тушью на картонных боках. Все коробки не открыты, спортивный тейп, выпрошенный у тренера в колледже под предлогом загадочной предвыпускной лодыжечной травмы, даже не срезан, пока что, и желтеет. Коробки поставлены штабелями по обе стороны западных окон и подпирают пленочный магнитофон, футляр с пленками и фуксию в депрессии и без бутонов ввиду недостатка воды и августовской

жары. Попкорница для попкорна покорнит попкорн горячим воздухом. Коробка салфеток «Клинекс». Квазичерепаховая щетка для волос. Старые ходунки в восточном углу, с двумя алюминиевыми параболами, соединенными опорами-близнецами из красного дерева, с мягкими матерчатыми рукоятками и именем ИНЬГСТ, вырезанным на деревянной дощечке над криво прикрепленным скотчем рекламным фото Гэри, особенно улыбчивого танцора Лоуренса Уэлка. Полудоступ в ванную дальше по коридору, иначе говоря, полудоступ к раковине, унитазу, аптечке, ванне с навесным душем и душевой занавеске с мыльной коркой, на занавеске – силуэты желтых попугаев.

Птичья клетка на железном шесте в северном углу комнаты. Подстилка из разложенных газет, усеянная выпавшим зерном, на полу под клеткой. Большой пакет птичьего корма на газете справа, прислонен к стене. Птица, в клетке, попугай-корелла цвета бледного люминесцентного лимона, с короной ирокеза из колосистых розовых перьев регулируемой длины, о двух огромных крючковатых и чешуйчатых лапах, с глазами такими черными, что они светятся. Попугай по имени Влад Колосажатель⁵⁶, большую часть жизни хрипло посвистывающий и разглядывающий себя в зеркальце, висящее на цепочке из скрепок «Част и Кипуч» внутри железной клетки; зеркальце настолько тусклое и мутное от попугайских плевков Влада Колосажателя, что Влад Колосажатель, вероятно, видит лишь расплывчатый желтоватый комок за стеной тумана. И тем не менее. Попугай, который чрезвычайно редко и за непропорциональную порцию зерна перестает свистеть и извергает стремное, инопланетное «милах-парень». Попугай, который нередко буквально кусает руку дающего и возвращается к пляскам перед своим бесформенным отражением, потягиваясь и искривляясь, чтобы выглядеть получше. Линор уже перестала чистить зеркальце, потому что через полчаса после чистки оно вновь покрывается сухими плевками. Ручной пылесос «Блэк и Деккер», чтобы всасывать зерно, а также упавшие перышки и кусочки гуано на полу справа от пакета с кормом, куда те выпали из высокой клетки пару ночей назад.

Сколько-то личных вещей в ванной. Шкаф, полный белых платьев. Обувная стойка в черном брезенте, бугрящаяся, как малина. Книжная полка над столиком, наполовину заставленная книгами на испанском. На той же полке – надоедливые часы, щелкающие и гудящие каждую минуту через минуту, и глиняная испанская лошадка со съемной головой, внутри лошадки – запасной ключ Линор. Над западными окнами – сломанные жалюзи, падающие на голову всякого, кто пытается их опустить. Паутинка трещинок в стекле в верхней части окон из-за авиационного шума.

Книга «Уход за вашей экзотической птицей». Клочок погрызенной стены за клеткой Влада Колосажателя, из которой Влад Колосажатель грыз стену в темноте, когда шоу с зеркалом прекращалось, клочок, на котором проступает штукатурка и которому миссис Тиссоу не рада и за который обещано выставить счет.

Рик подвез Линор, и она взбежала по лестнице, и вошла в комнату, и сняла платье. Звучала музыка, из-под двери Кэнди пахло гвоздикой. Комнату Линор наполнял печальный жаркий оранжевый закат. Влад Колосажатель цеплялся лапами за верхние прутья клетки и висел вниз головой, пытаясь найти какое-нибудь отражательное преимущество в нижней части заляпанного зеркальца.

– Здравствуй, Влад Колосажатель, – сказала Линор в лифчике, трусах и конверсах.

– Здравсте, – сказал Влад Колосажатель.

Линор глянула на попугая.

– Прости?

⁵⁶ *Колосажатель*, по-румынски Цепеш, – прозвище валашского господаря XV века Влада III Басараба, он же Дракула, прототип графа Дракулы из романа (1897) Брэма Стокера.

– Я делаю то, чего жажду как личность, – сказал Влад Колосажатель, выпрямляясь и глядя на Линор.

– Песец.

– Женщинам тоже нужно пространство.

– Кэнди! – Линор пошла и открыла дверь Кэнди Мандибулы. Кэнди делала растяжку на полу, сидя почти в шпагате, в серебряном трико, с гвоздичной сигаретой во рту.

– Иисусе, цветик, я тебя ждала, ты как? – Кэнди встала и пошла выключать стерео.

– Быстрее сюда, послушай Влада Колосажателя, – сказала Линор, таща Кэнди за руку.

– Классный прикид, – сказала Кэнди. – Что там с неясной тревогой? Как Линор и Конкармина?

– Ты милый, но такие разговоры точно ни к чему не ведут, – сказал Влад Колосажатель, тупо глядя на себя в мутное зеркальце. – Мои чувства к тебе *очень* глубоки. Невозможно утверждать обратное.

– Что это с ним, блин, такое? – спросила Линор у Кэнди.

– Эй, я же именно так и говорила только что, – сказала Кэнди, глядя на попугая.

– Прости? – сказал Влад Колосажатель.

– Я репетировала то, что скажу сегодня Клинту, сегодня я собираюсь с ним порвать, я так решила. Практиковалась, пока тебя ждала.

– Здравствуй, Влад Колосажатель, – сказал Влад Колосажатель. – Вот твоя новая супервупер-еда.

– С чего это он вдруг заговорил? – спросила Линор. – Он твердил только «милаха-парень», а пока не скормишь ему тонны зерна, и этого не добьешься.

– В мире миллионы красоток, Клинти, просто ты невероятно серьезен, – сказал Влад Колосажатель.

– Клинти? – спросила Линор.

– Клинт Роксби-Кокс, ну, вице-през «Альянса», на мерсе ездит? В очках и типа с английским прононсом?

– Клинт-Клинт-Клинт, – прочирикал Влад Колосажатель.

– Заткнись, – сказала Кэнди Мандибула.

– Гнев естественен, – сказал Влад Колосажатель. – Гнев – естественный выхлоп, выпусти его.

– Он раньше так никогда не разговаривал, – сказала Линор.

Оранжевый свет на блестящем деревянном полу обзавелся стройными черными колоннами: солнце стало погружаться за кливлендский центр.

– Чертовски стремно. Я пришла где-то в шесть тридцать, он просто свистел и корчился. И я ушла на пробежку, вернулась, репетировала то, что скажу Клинту, а потом сделала растяжку, и тут пришла ты, – сказала Кэнди, стряхивая пепел сигареты в клетку попугая.

– Конечно, ты меня ублажаешь, Клинти. Не думай, что нет, – сказал Влад Колосажатель.

– Ты его кормила? – спросила Линор у Кэнди.

– Вот еще. У меня до сих пор шрам на большом пальце. Ты сказала, будешь кормить его сама.

– Тогда почему у него чашка полная – вот?

– Женщинам тоже нужно пространство.

– Видно, он из нее с утра не ел, – сказала Кэнди. – Это новый лифчик?

Влад Колосажатель стал клевать зерно; его розовый ирокез колосисто восстал и сник.

– Просто самый странный день моей жизни, – сказала Линор, развязывая шнурки. – Мы с Риком обедали с мистером Бомбардини. «Компания Бомбардини», левая глазница скелета, всё такое?

– Ты познакомилась с Норманом Бомбардини? – спросила Кэнди.

– Я не знаю, что значит для тебя любовь. Скажи, что значит для тебя это слово, – сказал Влад Колосажатель.

– Тебе придется купить очень маленький кляп, – сказала Кэнди.

– Кэнди, чувак собирается жрать, пока не помрет, потому что его бросила жена. Он уже весит под пятьсот кило. Он ел эклеры с пола. – Линор взяла халат с кроватного столбика, растегнула залитый солнцем лифчик и направилась в ванную. Кэнди пошла за ней по коридору.

– Ты не можешь требовать того, чего я не обещала! – закричал им вслед Влад Колосажатель.

/6/

Пока Линор принимала душ, Кэнди Мандибула, опершись о раковину, курила гвоздичную сигарету, вся в дыму.

– Не понимаю, – сказала Кэнди. – Это вообще как: двадцать пациентов пошли гулять, и их не увидели и не остановили?

– Поковыляли гулять, скорее уж, – сказала Линор из душа.

– Точно.

– Я просто скажу себе, наверно, что, если отец обо всем знает, Линор в порядке. Я скажу себе, что он взял ее с собой на Корфу на этот свой саммит с президентом той другой компании детского питания. Только Бабуля никогда ни на столечко Компанией не интересовалась. Только папа и Бабуля более-менее ненавидят друг друга. Только Бабуле надо вокруг плюс тридцать семь градусов, а не то она синееет. Только вместе с ней пропали еще двадцать четыре человека. На Корфу теперь, видно, не протолкнуться. Но я скажу себе, что папа отвез их куда-то еще. Только, господи, я и не думала, что он помнит, где находится Дом. Хоть это и его собственность. Он вечно управляет им через Шмоуна и Ньета. – Душ на миг забренчал по занавеске. – Не знаю, ждать мне возвращения папы или нет. Я не могу просто взять и полететь на Корфу. У меня нет денег, вообще. Да и кто знает, где они там, на Корфу.

– Рик может дать тебе в долг. Видит бог, у Рика деньги есть.

– Я ему даже ни о чем еще не рассказала. Он уязвлен. – Линор выключила воду и вышла.

– По-моему, у Рика сегодня крыша слетела, чуток, там, наверху. – Кэнди бросила сигарету в туалет. Та кратко зашипела. Кэнди стала чистить зубы.

– За обедом он был вроде в порядке. Он просто хочет знать, где я нахожусь в данный момент. У кого крыша слетела и врезалась в землю, так это у Нормана Бомбардини. Он говорил о бесконечности и ожившем масле!

– Что?

– Халат воняет, как низ коврика, – сказала Линор, нюхая свой коричневый халат. – Заплесневел.

– Ты узнай, вдруг Линор сейчас у кого-то из твоей родни, – сказала Кэнди.

– И что за чертовщина с Владом Колосажателем?

– Ты узнай, вдруг Линор у кого-то из родни.

– Что? Да. Отличная идея. Только она точно не у Джона, с ним невозможно связаться, и с Ля-Вашем тоже, папа сказал, у него даже нет телефона. Да и зачем Бабуле ехать в Амхёрст? Может, она у Кларисы. Только если Бабуля все еще где-то здесь, потому что Клариса явно здесь, она бы позвонила хотя бы мне, сказала бы, что она в порядке.

– Может, она пыталась, но попадала в «Сэндвич Стива».

– Боже, еще и это, что за херовый денек на работе. Этот Питер, который как негатив, так и не вернулся, и никакой туннельщик с нами не связывался. – Линор пыталась стереть пар с зеркала. Кэнди вытерла Линорину спину полотенцем, сняла серебряное трико и пошла в душ. Линор сунула руку за пластиковую занавеску, Кэнди передала ей мыло, Линор неторопливо

намылила Кэнди спину так, как Кэнди любила. – И мы получали на коммутатор звонок за звонком, почти все не туда, и Прифт хохотала.

– Я ее точно убью. Я ее уюкошу, скоро. Негатив?

– А Валинда невероятно злилась, что я пришла поздно. Собралась меня увольнять. Приговаривала: «Ты со мной не шути».

– Если она говорит «не шути», реально злится, – сказала Кэнди, выходя из душа. Пар в ванной стал таким плотным, что Линор еле отыскала дорогу, чтобы открыть дверь. Открыла дверь. Холодный коридорный воздух ворвался и задушил пар. Линор стала чистить зубы.

– Мне надо побрить ноги, – сказала она. – Когда я провожу рукой по ноге, шуршит.

– Так побрей.

– И все-таки, Кэнди, что с Владом Колосажателем? Я думаю, он заболел. Рик сказал, продавщица в магазине сказала, что кореллы, как правило, не так часто говорят. Может, он умирает, и это как шквал фейерверков в самом финале, перед тем, как фейерверки закончатся.

– Клинти, секс прекрасен, ты в курсе, секс прекрасен, я тебе говорила, как ты меня переполняешь, только секс – это пара часов в день, нельзя отдавать ему жизнь в заложники, – проскрежетал птичий голос из конца коридора.

– Как по мне, у засраныша всё тип-топ, – сказала Кэнди Мандибула, шествуя голой по коридору; Линор в халате – за ней. – Если миссис Тиссоу его услышит, нам снова светит фекальный залив. Надо срочно учить его псалмам, что ли.

Кэнди пошла в свою комнату, Линор в свою. В комнате Линор было очень красиво. Пол и нижняя половина стен – жидкий мрак, на верхней и на потолке колышутся в оранжевой купальне заката темные тени деревьев.

– Секс – пара часов в день? – крикнула Линор Кэнди.

– Клинт-Клинт-Клинт, супер-вупер, – напевал Влад Колосажатель в зеркальце.

– Иисусу всплакнулось, – сказала Линор в клетку Влада Колосажателя. – Господь – мой пастырь. Мне ни в чем не будет нужды.⁵⁷

Влад Колосажатель дернул головой и посмотрел на нее.

– Линор, Клинт – что-то с чем-то, ты не поверишь. Он суперический. Наизнанку меня выворачивает. Он конь, верблюд, бронтозавр, – сказала Кэнди от двери, показывая руками. – Вот такой.

– Да, ну, м-м-м, – сказала Линор.

– Наизнанку! Вот такой! – завопил Влад Колосажатель.

– Дерьмецо на веточке, – сказала Линор.

– Но он такой собственник, – продолжала Кэнди. – Все упрашивает выйти за него и злится, когда я смеюсь. Он думает, если я кончаю, это дает ему право на мое сердце. Как такой взрослый может быть таким ребенком? Я положила глаз на президента всей компании, мистера Альянса. – Кэнди встала на пуантах в двери Линор так, чтобы последние оранжевые лучики заката падали ей на щеки. Очень красивая девушка: формы, овалы, мягкое молочное сияние, густые темные кудри, мокрые, как сейчас, так даже и темнее. Они лежали на ее грудях и спине шоколадным покрывалом. Над домом пролетел самолет, низко-низко, на мгновение стекла задрожали в рамах.

– Давай устроим памятную ночку и будем помнить друг друга всегда, – сказал Влад Колосажатель своему отражению.

Линор нырнула головой в чистое платье.

– Когда начнется памятная ночка?

Кэнди глянула на часы, которые как раз щелкнули и загудели, отмечая новую минуту.

⁵⁷ Искаженные цитаты из Евангелия от Иоанна (11:35) и Псалтири (22:1).

– В любой момент. Сейчас поеду к нему обедать, потом, думаю, мы будем спариваться как звери, много-много-много часов.

– Да ты романтик, – сказала Линор. – Иисусу всплакнулось, Влад Колосажатель. Грехи отцов наших. Мне ни в чем не будет нужды.

– Иисусу ни в чем не будет нужды.

– Молодчина.

– Я все еще жду рассказа о Рике, ну, в плане спариваться, – крикнула Кэнди, вернувшись к себе. – Вы с ним уже сколько месяцев, и если он такой суперический, как ты говоришь... Я жду подробных анатомических сплетен. Иначе ты вынудишь меня разведать все лично.

– Да, ну, м-м-м. – Линор натянула чистые носки.

– Да шучу я. Но правда, мы все-таки подельницы. А когда ты его описываешь, оно тебе делается ближе. В смысле, он. Правда. Углы, наклоны, родимые пятна, всё такое. Так оно еще интимнее. – Кэнди вошла, на ней было старое выцветшее фиолетовое хлопковое платье, которое раньше долго носила Линор, Кэнди оно было идеально мало и облегало не самые хилые холмы бедер. Она встала на колени в тени у окна и принялась красить ресницы, глядясь в свое отражение в черном нижнем прямоугольнике чистого оконного стекла. На улице воспряли сверчки.

– Если я кончаю. Как личность, – сказал Влад Колосажатель. – Где эта дурковатая сучка?

– Прости, пожалуйста.

– Ты не подкинешь меня к дому Рика? Я оставила машину у Центра. – Линор завязала шнурки и теперь расчесывала локоны. – Думаю, в плане питания Владу Колосажателю ничего не грозит. Он, кажется, не голоден.

– Да, подвезу. Слушай, ты польешь растение или как?

– Это типа эксперимент.

– Грехи сосцов наших! – заревел Влад Колосажатель. – У кого книга?

– Какая книга? – спросила Линор у Кэнди.

– Чтоб жё ⁵⁸ знала. Слушай, я опаздываю. Пошли уже.

– Да. Доброй ночи, Влад Колосажатель.

– Любовь ничего не значит. Для меня слово «любовь» – бессмыслица.

– Может, отнести его в «Живые Люди» ⁵⁹?

– «Живые Попугаи».

– Еще раз спасибо за платье. Предупреждаю, могут разодрать.

– Все первые брачные ночи должны быть как твои разрывы.

– Женщинам нужно пространство, нужно пространство!

/в/

– Тебя тревожат мысли о том, тревожит ли меня то, что ты никогда не говоришь мне «я тебя люблю»?

– Может, иногда.

– Ну, не тревожься. Я знаю, что ты меня любишь, глубоко внутри. Я это знаю глубоко внутри. И я тебя люблю, люто и беззаветно – ты только поверь.

– Да.

– И ты меня любишь.

– ...

⁵⁸ *Je* (фр.) – я.

⁵⁹ *Real People* – еженедельная передача, выходившая в эфир с 1979 по 1984 год на телеканале NBC и посвященная необычным жилищам и хобби обычных людей.

– Это не проблема. Я знаю, ты меня любишь. Прошу, не позволяй себе об этом тревожиться.

– ...

– Спасибо, что рассказала новости о бабушке. Извини, что за обедом с мной был такой геморрой. Извини за Нормана.

– Да господи, я хотела тебе рассказать. Только, мне кажется, это рассказ ни о чем. Рассказывают факты, рассказывают что-то. Это не что-то, это просто коллекция стремностей.

– Пусть так. Тебя тревожит, что пропала книга, да?

– ...

– Эта книга – проблема, Линор. Эта книга – твоя проблема, мне кажется. Разве Джей не говорил, что ты просто вкладываешься во внешнее, чтобы действительно вредить или помогать – и обретать значимость, которая на деле может прийти только изнутри? Что твоя жизнь – внутри тебя, а не в какой-то книге, из-за которой отвисла старушкина ночнушка?

– Откуда ты знаешь, что Джей мне говорил?

– Я знаю, что сказал бы на его месте.

– ...

– Испытывай оправданную тревогу за родственницу, которая вернется со средиземноморским загаром и лаконичными объяснениями твоего отца, Линор. Всё.

– Знаешь, Рик, ты меня переполняешь. Ты выворачиваешь меня наизнанку.

– Прости?

– Ты выворачиваешь меня наизнанку. Когда мы... ты знаешь. То, что мы сейчас делали.

– Я тебя переполняю?

– Да.

– Ну, спасибо.

– Историю, пожалуйста.

– Историю.

– Пожалуйста. У тебя сегодня есть история?

– О да.

– Хорошо.

– Вообще-то я завел сегодня дневник, правда. Журнал-дневник, для почеркушек. То-сё, эт цетера. Было интересно. Я еще в молодости хотел.

– Очень хорошо. Можно я когда-нибудь его почитаю?

– Конечно же, нет. Журнал-дневник почти по определению не читает никто, кроме автора.

– Ладно, тогда сойдемся на истории, пожалуйста.

– Пришла сегодня еще одна интересная.

– Отличненько.

– Только опять печальная. Знаешь, кто присылает все по-настоящему печальные истории? Присылают, вообрази, детки. Ребятки из колледжа. Я начинаю думать, что у американской молодежи серьезные проблемы. Во-первых, абсолютно шокирующее количество детей интересуется сочинительством. Абсолютно шокирующее. И не просто интересуется, нет. То, что мне присылают, не могли написать люди, которые всего лишь... интересуются. И – печальные, печальные истории. Что стало со счастливыми, Линор? Да хоть с назидательными? Я бы с жадностью накинулся на какую-нибудь дидактическую сэлинджеровщину, найди-утешение-где-не-ждешь, я читал такое вагонами в «О’Хота и Клевок». Мне тревожно за нынешних деток. Им бы пить пиво, ходить в кино, охотиться за трусиками⁶⁰, терять девственность, изви-

⁶⁰ *Набеги за трусиками (panty raids)* – популярное в США в 1950-х и 1960-х годах развлечение студентов мужского пола, групповое проникновение в женское общежитие с целью похищения женского белья в качестве «трофеев».

ваться под суггестивную музыку, а не сочинять длинные, печальные, запутанные истории. И они все, без единого исключения, мерзко печатают. Им надо тусоваться и учиться печатать. Я неслабо встревожен. Правда.

– Ну так расскажи.

– Мужчина и женщина встречаются и влюбляются друг в друга на сеансе групповой терапии. Мужчина – красавчик, с выпирающей челюстью, и еще, как правило, очень милый, но у него проблема с невероятными вспышками ярости, он их не контролирует. Им завладевают эмоции, он их не контролирует и становится безумно, иррационально злым, иногда. Женщина до боли очаровательна, и добра, и ласкова, как только можно надеяться вообразить, но страдает от кошмарных периодов меланхолии, которую могут сдержать на подступах только жуткое переедание и избыточный сон, поэтому она постоянно ест «фритос» и капкейки «хостесс»⁶¹, слишком долго спит и очень много весит, хотя все равно еще красивая.

– Не мог бы ты чуть подвинуть руку?

– И вот эти двое встречаются на сеансе групповой терапии, и страшно влюбляются друг в друга, и мечтательно глядят друг на друга из разных концов помещения раз в неделю, пока психотерапевт, он всегда такой вальяжный, милый и носит фланелевое пончо, ведет сеансы терапии. Психотерапевт, кстати, это важно знать, по виду очень милый и всем сочувствует, но на деле он, как мы узнаём благодаря всезнающему рассказчику, единственный настоящий злодей в истории: в колледже у него был нервный срыв во время теста GRE⁶², он сдал его так себе, не поступил в Гарвардскую высшую школу, вынужденно поехал в Нью-Йоркский университет, кошмарно страдал и жестоко мучался в Нью-Йорке и в результате просто ненавидит большие города и коллективные социальные единицы вообще, ненавидит реально патологически, считает, что давление общества и группы есть корень всех проблем всякого, кто к нему приходит, и старается беспрерывно, но ненавязчиво убедить всех пациентов уехать из города и перебраться в уединенные хижины в лесах того штата, в котором происходит действие, у меня ощущение, что это Нью-Джерси, и эти-то хижины по какому-то странному совпадению принадлежат ему, и он продает их пациентам, грязно на них наживаясь.

– ...

– И мужчина с женщиной страшно влюбляются друг в друга, и начинают встречаться, и мужчине чудесным образом теперь легче бороться со злостью, а женщине теперь легче бороться с меланхолией, и она уже не спит все время, и не ест нездоровую пищу, и худеет, и становится такой писаной красавицей, что впору расплакаться, и они решают пожениться, идут и говорят об этом психотерапевту, тот радуется с ними и за них, как он выражается, но говорит, что терзающие их психологические проблемы просто отошли на задний план, ненадолго, потому что они отвлеклись на свою новую любовь, и что, если они действительно хотят вылечиться навсегда, чтобы сосредоточиться на любви друг к другу до гроба, им нужно вместе уехать из города, у меня ощущение, что из Ньюарка, в хижину в лесной глуши, подальше от всего, что связано с коллективным обществом, и он показывает им проспекты хижин в лесу, и вдруг оказывается, что у психотерапевта в самом центре зрачков – маленький знак доллара, тут идет сюрреалистическое описание, мне оно показалось неважным.

– Ну ничего себе.

– Да, но мужчина и женщина уже почти полностью подпали под врачебное заклинание психотерапевта, после всего-то года терапии, а еще они, ясное дело, психологически податливы и нестабильны от любви такой силы, поэтому они следуют совету психотерапевта и покупают хижину в лесной глуши в нескольких часах езды отовсюду, и мужчина уходит с работы, он

⁶¹ *Fritos* – торговая марка кукурузных чипсов и соусов-дипов. *Hostess CupCake* – торговая марка кондитерских изделий.

⁶² *GRE (Graduate Record Examinations)* – стандартизированный тест, который в США и ряде других стран необходимо сдать для поступления в магистратуру, аспирантуру или на другой последипломный курс.

архитектор, причем был совершенно потрясающим и успешным архитектором, когда не страдал от приступов злости, а женщина уходит со своей работы, она дизайнер одежды для корпулентных женщин, и они женятся, едут в свою хижину и живут одни, и, почти прямым текстом, у них постоянно просто невероятный секс, в хижине, и в лесу, и на деревьях, и, чтоб было на что жить, они начинают писать романы, в соавторстве, о триумфе сильной чистой человеческой эмоции над злым групповым давлением современного коллективного общества. И у них почти мгновенно, по результатам всего этого невероятного, но психологически невинного секса рождается ребенок, причем они сильно рискуют со схватками, еле-еле успевают в крошечную больницу на отшибе, едут на полноприводном джипе-вездеходе, который им продал тот же психотерапевт, еле-еле успевают в больницу, но в конечном итоге все хорошо, рождается ребенок, здоровый мальчик, и на обратном пути из крошечной больницы, в лесной глуши, но еще очень далеко от их куда более уединенной хижины в куда более глухой глуши, они останавливаются и разговаривают с вышедшей на пенсию монашкой, которая живет в хижине в глубокой долине у шоссе и тратит жизнь на бескорыстный уход за умственно отсталыми, которые настолько умственно отстали, что их не берут даже в особые учреждения, и мужчина с женщиной и монашка-пенсионерка качают ребенка на коленях и говорят о том, что любовь торжествует над всем вообще и над коллективным общественным давлением в частности, всё очень длинными, но правда очень красивыми репликами диалога.

– Пока что убойная история.

– Подожди. Они возвращаются в леса, к прежней жизни, и сколько-то лет все хорошо, невероятно хорошо. Но потом, как мелкие трещинки в прекрасном изваянии, мало-помалу их старые психологические проблемы начинают проявляться в каких-то мелочах. Мужчина порой беспричинно злится по пустякам, и от этого женщина иногда впадает в меланхолию, и в мусорном ведре появляется пара зловеще пустых пакетов из-под «фритос», и она слегка набирает вес. И ровно в это время у их ребенка, ему уже лет шесть, обнаруживается ужасное заболевание, а именно, когда он плачет – к чему маленькие дети, разумеется, склонны, они вечно падают, во что-нибудь врезаются, набивают шишки, – так вот, когда он плачет, с ним случается что-то вроде эпилептического припадка: его руки-ноги резко дергаются во все стороны, колотят что попало, и он почти проглатывает язык, и это просто очень страшно, само собой, и родители ужасно беспокоятся, хотя и думают и надеются, что это с ним временно, и по-прежнему любят ребенка так люто и беззаветно, что пребывают в иступлении. И женщина опять беременна. Происходят все эти зловещие мелочи, потом, сколько-то месяцев спустя, они садятся в джип и долго едут до крошечной далекой больницы, чтобы женщина родила второго ребенка, и, пока младенец появляется на свет, старший сын поскальзывается на мокром участке больничного коридора, падает и ударяется головой, и, естественно, начинает плакать, и немедленно заходится в конвульсиях, а в это время рождается младенец, девочка, и, когда старый добрый сельский доктор шлепает ее по попе, чтобы она задышала, она, ясно, начинает плакать, и *уже она* начинает биться в собственном мини-припадке, с эпилептическими конвульсиями, так что оба ребенка одновременно бьются в припадке, и тихая маленькая больница в глухомани внезапно превращается в сумасшедший дом. Но старый добрый сельский доктор быстро справляется с ситуацией, на месте обследует обоих детей и ставит им диагноз, они страдают от безумно редкого неврологического заболевания, когда плач по какой-то причине в значительной степени уничтожает их нервную систему, вредит их сердцам и мозгам, эти органы всё чаще и больше распухают и кровоточат, и доктор говорит, что каждый раз, когда дети будут плакать, а от нормальных детей, ясно, ничего другого ждать не приходится, припадки будут становиться хуже и хуже, и вред будет все больше и больше, и что в конце концов возникнет опасность, что дети умрут, – особенно старший ребенок, который болеет дольше и серьезнее, – если, стало быть, не провести лечение, чтоб они никогда больше не плакали.

– Ого.

– И старый добрый сельский доктор вручает мужчине и женщине где-то сотню бутылочек с особым специальным очень редким и сложным в приготовлении антислезным лекарством, поскольку путь из их уединенной хижины до крошечной больницы непомерно долог и сложен, и доктор обещает, что, пока дети будут принимать дозу этого лекарства в момент, когда ясно, что они вот-вот заплачут, чтобы задавить плач в зародыше и тем самым предотвратить припадок, с ними точно все будет хорошо, и родители, понятно, в исступлении, но все-таки им легче, по крайней мере, болезнь излечима, но такое напряжение чуть-чуть усугубляет их прежние психологические проблемы, и мужчина зловеще и беспричинно злится на Вселенную за то, что у его детей эпилептические припадки, когда они плачут, и на реально неизбежно заоблачный счет за такие-то объемы редкого и сложного в приготовлении антислезного лекарства, а женщина зловеще зевает и просит остановить машину у расположенного в лесной глуши гастронома и скупает в нем практически всю нездоровую пищу, что, конечно, мужчину злит, потому что женщина уже набрала сколько-то веса, хотя она все равно еще очень красивая, и оттого, что мужчина злится, женщина становится еще более грустной, сонной и голодной, и так далее, и мы видим, что потенциально перед нами порочный круг.

– Хочешь имбирного эля?

– Спасибо.

– ...

– И вот они возвращаются в хижину, и всё у них более-менее так, как прежде, только женщина много ест, много спит и быстро набирает вес, а мужчина так зол на заоблачную цену антислезного лекарства, что клянется приложить особые усилия и контролировать злость и быть чрезвычайно добрым к обоим детям, чтобы они плакали как можно реже. Но, конечно, все это время его старая психологическая проблема со злостью понемногу усугубляется, и стресс оттого, что ему приходится быть искусственно добрым к детям, сказывается очень быстро, и он после все более коротких промежутков времени вынужден убежать в лесную глушь, чтобы там проораться и побить кулаками деревья, и мужчина непроизвольно все более жесток к ласковой грустной женщине и шипит на нее по поводу быстро набираемого веса, поздно ночью, когда дети спят на другом конце крошечной хижины, и это шипение, разумеется, делает женщину еще более меланхоличной, сонной и голодной, и она быстро добывает вес до прежнего, долбобовного, плюс еще немного. И все это длится где-то год, включая сколько-то потенциально реально устрашающих эпилептических припадков у детей, особенно у старшего, и припадки предотвращаются только особым лекарством, если дать его вовремя.

– Честно, я увлечена не на шутку.

– Вот, и наступает катастрофическая и кульминационная ночь истории, символизируемая реально невероятным грозовым ливнем снаружи, и вопит ветер, и большие железные капли дождя барабнят по хижине, четверо обедают, и на тарелке женщины громоздятся почти до потолка капкейки «хостесс», и она зевает, а мужчина, под ужасным стрессом, невероятно зол и каждое мгновение пытается контролировать злость, а старший ребенок, которому уже лет семь, немного ноет, мол, он не хочет есть горошек, который женщина, будучи слишком сонной и сытой, не удосужилась даже разморозить и сварить, и это нытье в придачу к остальному так злит мужчину, что он непроизвольно отоваривает ребенка чудовищной затрещиной, абсолютно непроизвольно, и ребенок слетает со стула, и падает, и сбивает столик, на котором хранятся на почетном месте, на багровой фетровой подкладке, все до единой драгоценные бутылочки редкого и сложного в изготовлении антислезного лекарства, и все бутылочки разбиваются, и все лекарство в мгновение ока испорчено, и, конечно, ребенок естественным образом начинает плакать от чудовищной затрещины, и с ним тут же случается тяжелый эпилептический припадок, и девочка-младенец из-за всего этого кошмарного шухера начинает плакать тоже, и с ней тоже случается собственный эпилептический припадок, и внезапно мужчина и женщина видят, что оба ребенка плачут и бьются в эпилептическом припадке, и нет лекарства, чтобы

этот припадок не причинил жуткого вреда детским сердцам и мозгам, а то и не убил бы детей. И родители в исступлении, а дети заходятся в конвульсиях, и в итоге женщине удастся как-то успокоить девочку, взяв ее на руки, баюкая и что-то ей напевая, но вот со старшим ребенком все и правда очень плохо.

– Господи боже.

– В общем, родители, будучи в исступлении, решают, что остается одно: мужчина погрузит старшего ребенка в джип и постарается как можно быстрее доехать до крошечной далекой больницы, а женщина туда позвонит и убедит сразу же приготовить экстренную партию антислезного лекарства, иначе говоря, женщина должна оставаться дома, дозваниваться и оберегать девочку, которая более-менее успокоилась на руках матери, но ненавидит поездки в джипе и точно примется опасно рыдать по пути в крошечную больницу, от плача и новых конвульсий, пока отец не вернется с лекарством и, будем надеяться, спасенным старшим ребенком. И вот мужчина несет дергающего руками-ногами мальчика под желейным тяжелым дождем к джипу, они уезжают, а женщина делает попытки дозвониться до крошечной далекой больницы, но у нее не получается, потому что, сообщает нам рассказчик, коммуникации больницы повреждены молнией, и женщина в отчаянии дозванивается своему прежнему психотерапевту, в город, потому что, продавая им хижину, он сказал, что, если им когда-нибудь что-нибудь понадобится, пусть звонят не стесняясь, и она дозванивается в его пентхаус в центре города и умоляет рвануть в крошечную далекую больницу, добыть сколько-то антислезного лекарства для девочки и побыстрее привезти его в хижину. И психотерапевт, когда женщина напоминает ему, кто она такая – он давно забыл, – нехотя говорит, ладно, он это сделает, несмотря даже на желейный ливень, и обещает, что скоро будет, но едва он вешает трубку, к нему заезжает не кто иной, как нынешний пациент, которого психотерапевт пытался убедить купить хижину и жить в уединении, так что психотерапевт чуть задерживается, остается дома, показывает пациенту проспекты и старается убедить его приобрести хижину, и нам снова говорят, что довольно сильно раздражает, что в зрачках психотерапевта мерцают крошечные знаки доллара.

– Ну не сволочь.

– Твоя правда. А в это время мужчина как сумасшедший гонит джип к крошечной далекой больнице, рядом мальчик, уже не бьется в конвульсиях, теперь он как-то аутичен, челюсть отвисла, с ним явно все очень плохо, и мужчина гонит как сумасшедший, но продвигаются они весьма медленно, в темноте, под желейным дождем, по грязи глухومانских дорог, и мужчина невероятно зол на Вселенную за то, что его семья поставлена в такое положение, чувствует, что вот-вот взорвется, и только титанической силой воли удерживает крышу на месте, и продолжает гнать, и в итоге выбирается из грязи глухومانских дорог на шоссе, по которому можно ехать хоть немного быстрее. А в это время в хижине женщина ждет, что приедет психотерапевт с антислезным лекарством, и она так переела, так расстроена и в такой депрессии от всего, что случилось, что постоянно зевает, она невероятно хочет спать, и час от часу ей делается все хуже, и уже поздно, и желейный дождь ритмически барабанит по крыше хижины, а младенец тем временем бьется в маленьких, но тяжелых эпилептических припадках всякий раз, когда плачет, и женщина выясняет, что единственный способ успокоить девочку – это приложить ее к огромной, усыпанной крошками «фрито» груди; всякий раз, когда девочку от груди отнимают, она плачет и начинается эпилептический припадок. Так что женщина ходит, шатаясь, туда-сюда с девочкой. И так все и продолжается, мы переключаемся со сцены на сцену, психотерапевт наконец-то продает хижину и выезжает, и, поскольку у него невероятно быстрая и дорогая машина, купленная на прибыли от торговли хижинами, он попадает в крошечную больницу в лесной глуши быстрее некуда и говорит со старым добрым сельским доктором, и после короткого ожидания, пока старый добрый сельский доктор практически убивается, чтобы моментально приготовить антислезное лекарство, психотерапевт забирает лекарство, говорит, что мужчина за него заплатит, и ракетой несется по шоссе к лесной глухомани и дале-

кой хижине, на невероятной скорости, и по зловещей иронии судьбы проезжает аккуратно мимо джипа, который по очевидным причинам несся в другом направлении, пока во тьме не свернул на обочину из-за спустившего колеса, которое мужчина чинит в бурю, в ярости, пока ребенок, которому совсем плохо, полулежит на переднем сиденье, и невероятно быстрая машина психотерапевта обрушивается на мужчину гигантскую волну дождевой воды из лужи на шоссе, и выбивает из руки мужчины ручку домкрата, и ручка домкрата стучается обо что-то мелкое, но очень важное на оси джипа, и это что-то трескается, чего мужчина не замечает, потому что зол на машину психотерапевта за то, что облила его водой из лужи, и скачет по обочине, и орет, и показывает удаляющейся машине палец, и временно не может прийти в себя.

– Иисусе.

– А в это время в хижине женщина почти отключается, такая она меланхоличная, встревоженная и сонная, но девочку из рук не выпускает, чтобы та не стала плакать и эпилептически дергаться. И женщина героически и трогательно противостоит сонливости сколько может, в ожидании психотерапевта, но в конце концов она не способна бодрствовать уже чисто физически, бодрствование теперь в принципе исключено, и вот, решившись на единственно возможный компромисс с обстоятельствами, женщина ложится на кровать, по-прежнему держа девочку у груди, чтобы уберечь ее от плача и конвульсий.

– О нет.

– И проваливается в сон, и перекатывается на девочку, и давит ее, и убивает.

– О боже.

– И просыпается, и видит, что случилось, и от горя впадает в необратимый коматозный сон.

– Так, достаточно.

– И психотерапевт прибывает десятью минутами позже и входит, в своем пончо, и видит, что произошло, и звонит в полицию, чтобы обо всем сообщить. А единственная полиция в этой глухомани – дорожно-патрульная служба штата, и психотерапевт дает диспетчеру патрульной службы описание мужчины и джипа, который он, разумеется, помнит, но который только что не заметил, когда облил его водой из лужи, и просит диспетчера отправить патрульных на шоссе, чтобы те искали джип и быстро довели мужчину и мальчика до крошечной далекой больницы, если их найдут, а в это время другие патрульные пусть подъедут к хижине и глянут на раздавленного младенца и коматозную мать. И диспетчер передает все слова психотерапевта полицейским по радио, и круизер гонит по шоссе, чтоб добраться до хижины, и на шоссе обнаруживает джип, разворачивается, съезжает на обочину, и офицер вылезает из круизера, идет к джипу под железным дождем и предлагает мужчине и мальчику быстро довести их до крошечной далекой больницы, и мужчина соглашается, и, когда он уже готов перенести мальчика из джипа в круизер, он спрашивает офицера, кто звонил в полицию, неужели его жена, и офицер отвечает «нет», после чего, и это совершеннейший ужас, сообщает мужчине обо всем том, что, как он слышал, произошло в хижине, и под аккомпанемент страшного грома, разрывающего небеса, мужчину от эдаких новостей охватывает неконтролируемая злость и он начинает непроизвольно размахивать руками и локтем, совсем случайно, бьет мальчика, который обмяк на сиденье рядом с ним, в нос, и мальчик опять начинает кричать и плакать, и немедленно грохается на пол джипа и заходится в конвульсиях, и задевает головой рычаг переключения передач, выбивая тот из нейтрального положения, после чего голову мальчика заклинивает у педали газа, и голова жмет на эту педаль, и джип трогается, причем офицер оказывается в ловушке и бежит рядом с джипом, потому что пытался через окно успокоить разозлившегося, машущего руками мужчину, и джип едет к обочине шоссе, за которой лежит глубокая долина, а там реально обрыв, и мужчина так зол, что не видит, куда рулить, и офицер пытается перехватить руль снаружи и увести машину от обрыва, однако внезапное давление на колеса доламывает маленькую, но очень важную штуку на оси, которая, штука на оси, треснула еще раньше, когда

в нее попала ручка домкрата, и руль отказывает, и джип с мужчиной, мальчиком и офицером слетает с обрыва, летит сотню метров и падает на хижину, где старая монашка-пенсионерка, как ты наверняка помнишь, ухаживает за безмерно умственно отсталыми, и джип падает на эту самую хижину, и ослепительно взрывается, и все они гибнут самым ужасающим образом.

– Капец.

– А то.

– ...

– Всецело, всецело нездоровая история. Продукт омерзительно нездорового мелкотравчатого студенческого сознания. Там было еще порядка двадцати страниц, на которых огромная красивая женщина лежит в душераздирающей позе эмбриона в необратимой коме, а психотерапевт рационализирует все случившееся в том духе, что коллективно-общественное давление слишком глубоко и вероломно, чтобы укрыться от него, даже сбегав в леса, и посредством юридических маневров пытается присвоить остаточные средства мертвой семьи коматозницы.

– Мать Божья.

– Именно.

– Ты это опубликуешь?

– Ты шутишь? Оно сногсшибательно длинное, длиннее всего следующего номера. И анекдотически печальное.

– ...

– И *мерзко* напечатано. Это меня тоже беспокоит. Невероятно запутанная история, какой-то малец явно воображал и прорабатывал ее много месяцев – а потом печатает ее локтями. Я хочу послать ему персональный письменный отказ, в котором посоветую мальцу сперва поучиться печатать, а потом поизвиваться под какую-нибудь суггестивную музыку.

– Мне понравилось. Я решила, это убойная история.

– Линор, литературная восприимчивость – не твое.

– Ох ты, спасибоще. Без огонька и нелитературная.

– Это совсем не то, что я имел в виду.

– ...

– Иди сюда. Ну.

– Да пошел ты в пень.

– Линор, ну ради бога.

– ...

/г/

– «Част и Кипуч».

– Фнуф фнуф.

– «Част и Кипуч».

– Что?

– Оператор. «Част и Кипуч».

– Линор.

– Вдохни похожую лестницу. Оператор. Супер-вупер-еда.

– Линор! Ты разговариваешь во сне! Ты несешь околесицу!

– Что?

– Ты несешь околесицу.

– Фнуф.

– Так-то лучше.

/д/

- Песец!
- Фнуф фнуф.
- Какого черта!
- Фнуф. Что?
- Рик, у меня нет ходунков.
- Что?
- У меня нет ходунков. А особенно у меня нет ходунков миссис Ингст, с фото того парня из шоу Лоренса Уэлка. Что они делают в моей комнате?
- Что за ходунки?
- И что Влад Колосажатель имеет в виду: супер-вупер-еда, у кого книга?
- Что? Этого попугая надо уकोшить, Линор. Я укошу его ради тебя.
- На Корфу нет ни души. Надо мной издеваются.
- Фнуф.
- Иисусе.

8. 1990

/a/

ЧАСТИЧНАЯ РАСШИФРОВКА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ СЕССИИ, ЧЕТВЕРГ, 26 АВГУСТА 1990 ГОДА, КАБИНЕТ Д-РА КЁРТИСА ДЖЕЯ, PH.D. УЧАСТНИКИ: Д-Р КЁРТИС ДЖЕЙ И МИЗ ЛИНОР БИДСМАН, 24 ГОДА, ПАПКА НОМЕР 770-01-4266.

Д-Р ДЖЕЙ: То есть будет верно охарактеризовать ваш вчерашний день как плохой во всех отношениях.

МИЗ ЛИНОР БИДСМАН: Думаю, это верная оценка, да.

ДЖЕЙ: И что вы по этому поводу чувствуете?

ЛИНОР: Ну, я думаю, в общем, по определению плохой день заставляет чувствовать себя хреново, так?

ДЖЕЙ: Вы чувствуете, что вас вынуждают чувствовать себя хреново?

ЛИНОР: Что?

ДЖЕЙ: Поскольку плохой день по определению заставляет чувствовать себя хреново, вы чувствуете, что вас вынуждают чувствовать себя хреново по поводу плохого дня, или это чувство естественно?

ЛИНОР: Это что вообще за фигня такая?

ДЖЕЙ: Этот вопрос для вас дискомфортен.

ЛИНОР: Нет, он заставляет меня чувствовать себя так, будто я услышала бессмысленный тупой вопрос, который, боюсь, таким и был.

ДЖЕЙ: Думаю, он ни разу не тупой. Разве не вы жалуетесь на чувство, будто вам что-то навязывают, вас принуждают чувствовать и делать то, что вы чувствуете и делаете? Или я спутал вас с каким-то другим старинным клиентом и другом?

ЛИНОР: Слушайте, может, будет верно сказать, что мне хреново, потому что происходит что-то плохое, да? Линор ведет себя невероятно стремно и драматично где-то с месяц, потом просто решает умотать куда-то, где будет жить вроде как хладнокровным полуинвалидом, и забрать с собой других, хотя ей вообще-то девяносто два, и она не удосуживается позвонить и сказать, что происходит, хотя все они явно до сих пор в Кливленде, взять, к примеру, ходунки миссис Иньгст, они могли попасть в мою комнату только около шести тридцати вчера вечером, и мой отец точно знает, что за дела тут творятся, взять, к примеру, Карла Шмоуна, отец поручил ему сказать все это мистеру Блюмкеру вчера утром, до того, как кто-либо что-либо узнал, а мне он и сказать ничего не удосужился и улетел на Корфу, и я думаю, кто-то мог дать моему попугаю Владу Колосажателю ЛСД, потому что теперь он болтает без умолку, чего раньше в жизни не делал, и очень кстати, что это в основном непристойности, миссис Тиссоу, если она их услышит, перекувырнется и меня выселит, и моя работа у меня на глазах накрывается толстой жирной колбасой, телефонные линии все перепутались, и мы лишились нашего номера, и люди продолжают звонить куда попало, во всякую всячину, и, конечно, сегодня, этим утром, не видать никого из «Дуплексного кабеля», а еще я на коммутаторе получаю охапку цветов и почти пустые коробки конфет, типа с юмористическим подтекстом, и оказывается, что они от мистера Бомбардини...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.